

РАНХиГС

национальный исследовательский университет
в области экономики и управления
при Президенте Российской Федерации

ДАЛЕКОСТОПНЫЙ ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ

**ПРАВИТЕЛЬСТВО
ХАБАРОВСКОГО
КРАЯ**

Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки
**ИНСТИТУТ
ЭКОНОМИЧЕСКИХ
И СЛЕДСТВИЙ**
Дальневосточного отделения
Российской академии наук

ЭКОНОМИКА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ: НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ

**научно-практическая
конференция**

15-16 ноября 2022 г.

**ХАБАРОВСК
2022**

РАНХиГС

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Правительство
Хабаровского
края

Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки
ИНСТИТУТ
ЭКОНОМИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ
Дальневосточного отделения
Российской академии наук

Дальневосточный институт управления

ЭКОНОМИКА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ: НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
15–16 ноября 2022 г.

МАТЕРИАЛЫ КРУГЛЫХ СТОЛОВ

Хабаровск
2022

УДК 332.1(571.6)

ББК 65.9(255)

Э 40

Редколлегия:

Рензин Олег Маркович, канд. экон. наук, ИЭИ ДВО РАН,

Поливаева Ольга Геннадьевна, канд. экон. наук,
Дальневосточный институт управления – филиал РАНХиГС,

Очкасова Светлана Владимировна – заведующий редакционно-издательского отдела, Дальневосточный институт управления – филиал РАНХиГС

Э 40 Экономика Дальнего Востока: новые возможности в меняющемся мире : научно-практическая конференция: материалы круглых столов. – Хабаровск : Дальневосточный институт управления – филиал РАНХиГС, 2022. – 231 с.
ISBN 978-5-94456-340-8

В сборник включены материалы круглых столов научно-практической конференции «Экономика Дальнего Востока: новые возможности в меняющемся мире», которая состоялась 15–16 ноября 2022 г. в г. Хабаровске.

Материалы научно-практической конференции предназначены для преподавателей, аспирантов, студентов и всех, кто интересуется вопросами экономики Дальнего Востока.

Авторы опубликованных статей несут ответственность за подбор и точность приведенных фактов, цитат, экономико-статистических данных и прочих сведений, а также за то, что в материалах не содержится данных, не подлежащих открытой публикации.

УДК 332.1(571.6)

ББК 65.9(255)

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Дальневосточного института управления – филиала РАНХиГС

ISBN 978-5-94456-340-8 © Дальневосточный институт управления
– филиал РАНХиГС, 2022

Содержание

КРУГЛЫЙ СТОЛ № 1 «ПРОБЛЕМЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЭКОНОМИКИ РОССИЙСКОГО ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В НОВЫХ УСЛОВИЯХ»

<i>Агафонова Г. В., Мазанкова Т. В.</i> ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ СТРОИТЕЛЬНОЙ ОТРАСЛИ В ПРИМОРСКОМ КРАЕ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ	7
<i>Амбрутис В. Ю.</i> ОБЕСПЕЧЕНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОЛОГО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО РЕГИОНА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ	11
<i>Антонова Н. Е.</i> ЛЕСНОЙ КОМПЛЕКС ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ В УСЛОВИЯХ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ И САНКЦИОННЫХ ОГРАНИЧЕНИЙ	16
<i>Бажанов В. А., Соколов А. В., Веселая Л. С.</i> ОБРАБАТЫВАЮЩИЕ ПРОИЗВОДСТВА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА: СОСТОЯНИЕ, ПЕРСПЕКТИВЫ	20
<i>Бардаль А. Б.</i> ТРАНСПОРТНЫЙ КОМПЛЕКС ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА: НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ, СТАРЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ	24
<i>Белоусова А. В.</i> ПРОГНОЗ СТРУКТУРНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ ДИНАМИКИ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА: УСЛОВИЯ И ОГРАНИЧЕНИЯ	29
<i>Васильева О. Г.</i> ЭФФЕКТЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ПРОИЗВОДИТЕЛЕЙ: СЛУЧАЙ АМУРСКОЙ ОБЛАСТИ	33
<i>Галичанин Е. Н.</i> ТОПЛИВНО-ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ХАБАРОВСКОГО КРАЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ	36
<i>Гринберг Е. В., Христофорова Н. К., Литвиненко А. В.</i> СОБЛЮДЕНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ТРЕБОВАНИЙ КАК РЕАЛЬНАЯ ВОЗМОЖНОСТЬ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ РАБОТЫ ЛОСОСЕВЫХ РЫБОВОДНЫХ ЗАВОДОВ САХАЛИНСКОЙ ОБЛАСТИ	42
<i>Гудкова Е. В.</i> ФОРМИРОВАНИЕ И РЕАЛИЗАЦИЯ ИННОВАЦИЙ В ЭКОНОМИКЕ ХАБАРОВСКОГО КРАЯ	48
<i>Дёмина О. В., Мазитова М. Г.</i> ЭКСПОРТ РОССИЙСКИХ ЭНЕРГОРЕСУРСОВ В СТРАНЫ СВА В УСЛОВИЯХ САНКЦИЙ	50
<i>Домнич Е. Л.</i> К ВОПРОСУ О ПЕРИОДИЗАЦИИ И РАЙОНИРОВАНИИ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ	

ОБРАБАТЫВАЮЩЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В РЕГИОНАХ РОССИИ	56
<i>Дондоков З. Б.-Д.</i> ЭКОНОМИКА РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ: НОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ВОЗМОЖНОСТИ	59
<i>Егоров Н. Е., Давыдова З. Е.</i> К ВОПРОСУ ОЦЕНКИ УРОВНЯ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ	62
<i>Жукова И. В.</i> О МЕХАНИЗМЕ ИНТЕГРАЦИИ ГОРНОДОБЫВАЮЩЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В ЭКОНОМИЧЕСКУЮ СИСТЕМУ ХАБАРОВСКОГО КРАЯ	65
<i>Изотов Д. А.</i> ВЗАИМОСВЯЗЬ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ С ОТЕЧЕСТВЕННЫМ И ЗАРУБЕЖНЫМ РЫНКАМИ ТОВАРОВ	69
<i>Краснопольский Б. Х.</i> СЕВЕРО-АРКТИЧЕСКИЕ ТЕРРИТОРИИ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА: МАГИСТРАЛЬНАЯ ИНФРАСТРУКТУРА И ФОРМИРОВАНИЕ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО МЕЗОРЕГИОНА	73
<i>Криводубова Ю. В.</i> ЗАВИСИМОСТЬ ЯПОНО-РОССИЙСКИХ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ ОТ ДЕНЕЖНО-КРЕДИТНОЙ ПОЛИТИКИ ЯПОНИИ	79
<i>Кулагина О. В.</i> ИНСТРУМЕНТЫ ПРОГРАММНОГО РАЗВИТИЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА	83
<i>Кулаков И. В., Ковалева М. В.</i> КЛАСТЕРНЫЙ ВЕКТОР РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА	89
<i>Леонов С. Н.</i> ФИНАНСОВЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ ПО СТИМУЛИРОВАНИЮ МУНИЦИПАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ	94
<i>Ломакина Н. В.</i> ОСОБЕННОСТИ ВЛИЯНИЯ ФАКТОРОВ СОВРЕМЕННОГО КРИЗИСА В РЕСУРСНОЙ ЭКОНОМИКЕ: ДАЛЬНИЙ ВОСТОК РОССИИ	100
<i>Мандаров Р. С., Цыбенков М. В., Барлуков А. М.</i> ПРОБЛЕМЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ ДЛЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА	104
<i>Молокова А. И.</i> О МЕРАХ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ ЭКСПОРТНЫХ ПРОЕКТОВ МАЛОГО И СРЕДНЕГО БИЗНЕСА В ХАБАРОВСКОМ КРАЕ	107
<i>Новицкий А. А.</i> НАЛОГОВЫЕ ДОХОДЫ РЕГИОНАЛЬНЫХ БЮДЖЕТОВ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ	112
<i>Осипова Е. С.</i> ЗНАЧЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НАЛОГОВЫХ ОРГАНОВ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ	117
<i>Полохова Д. А., Гресева М. А.</i> ФОРМИРОВАНИЕ МЕТОДИКИ ОЦЕНКИ УРОВНЯ СОЦИАЛЬНО-	

ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ И ФИНАНСОВОЙ УСТОЙЧИВОСТИ МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ	122
<i>Полянская Н. М.</i> ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА В РАЙОНАХ КРАЙНЕГО СЕВЕРА ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА	126
<i>Попова Л. И., Воронина Е. Е.</i> СОВРЕМЕННЫЕ РЕШЕНИЯ ДЛЯ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ	131
<i>Прокапало О. М.</i> ДАЛЬНИЙ ВОСТОК РОССИИ В УСЛОВИЯХ САНКЦИОННОГО КРИЗИСА: МАКРОЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОПОРЦИИ	135
<i>Рензин О. М.</i> НОВЫЕ МОДЕЛИ И НОВЫЕ РИСКИ В ОРГАНИЗАЦИИ ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ НА ДАЛЬНОМ ВОСТОКЕ РОССИИ	140
<i>Стельмах В. С.</i> ФАРМАЦЕВТИЧЕСКАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ ДАЛЬНОГО ВОСТОКА: МИКРООТРАСЛЬ МАКРОРЕГИОНА	144
<i>Стрелов Н. Н.</i> СОЦИАЛЬНАЯ СТАВКА ДИСКОНТИРОВАНИЯ КАК ХАРАКТЕРИСТИКА МЕЖВРЕМЕННЫХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ НАСЕЛЕНИЯ ДАЛЬНОГО ВОСТОКА	147
<i>Суслов Д. В.</i> ПРИВЛЕЧЕНИЕ ПРЯМЫХ ИНОСТРАННЫХ ИНВЕСТИЦИЙ В ЭКОНОМИКУ РОССИЙСКОГО ДАЛЬНОГО ВОСТОКА В НОВЫХ УСЛОВИЯХ	151
<i>Троп Т. И.</i> ТЕНДЕНЦИИ РОЗНИЧНОГО КРЕДИТНОГО СЕКТОРА ЭКОНОМИКИ ДФО ПОД ВЛИЯНИЕМ ШОКОВ ПАНДЕМИИ COVID-19 2020–2021 ГГ. И ВНЕЭКОНОМИЧЕСКИХ ШОКОВ 2022 Г.	156

КРУГЛЫЙ СТОЛ № 2

«СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ДАЛЬНОГО ВОСТОКА: ПОИСК НОВЫХ РЕШЕНИЙ В СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ РЕГИОНА»

<i>Алтухова И. А.</i> ПОДГОТОВКА КАДРОВ ДЛЯ ИННОВАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ: АНАЛИЗ ТЕНДЕНЦИЙ НА РЫНКЕ ТРУДА	162
<i>Барышникова Е. В.</i> ПРИНЯТИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ РЕШЕНИЙ В СФЕРЕ ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ В УСЛОВИЯХ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ	166
<i>Баикуева Е. Ю.</i> ПРОБЛЕМЫ ДОСТУПНОСТИ, КАЧЕСТВА И БЕЗОПАСНОСТИ МЕДИЦИНСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ БУРЯТИЯ: ПУТИ РЕШЕНИЯ И НОВЫЕ ПОДХОДЫ	170

<i>Бюраева Ю. Г.</i> ИНТЕГРАЛЬНЫЙ ИНДЕКС ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ: МУНИЦИПАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ	175
<i>Грицко М. А.</i> ЕСТЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА: ПОСЛЕДСТВИЯ ПАНДЕМИИ	179
<i>Гришинкова М. В., Басова С. Н.</i> УПРАВЛЕНИЕ ПРЕФЕРЕНЦИАЛЬНЫМИ РЕЖИМАМИ В РЕГИОНАХ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА	183
<i>Карев А. С., Поливаева О. Г.</i> РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ КАК ДРАЙВЕР ЭКОНОМИКИ ТУРИЗМА В ХАБАРОВСКОМ КРАЕ	189
<i>Мотрич Е. Л.</i> СОВРЕМЕННОЕ ВОСПРОИЗВОДСТВО НАСЕЛЕНИЯ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ	196
<i>Найданова Э. Б.</i> ПРОБЛЕМА ПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ РЕГИОНА С ЭКСТРЕМАЛЬНЫМИ КЛИМАТИЧЕСКИМИ УСЛОВИЯМИ	200
<i>Найден С. Н., Бравок П. С.</i> ВЛИЯНИЕ ПАНДЕМИИ COVID-19 НА ПАРАМЕТРЫ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ В РЕГИОНАХ ДФО	203
<i>Поличка Н. П.</i> ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ: ПРОБЛЕМА ПОСТАНОВКИ ЗАДАЧ	209
<i>Ранаквургина Е. А.</i> К ИССЛЕДОВАНИЮ РЕГИОНАЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО ПОВЕДЕНИЯ	211
<i>Толкачева Е. В.</i> ИССЛЕДОВАНИЕ ЧИСЛЕННОСТИ И СОСТАВА НАСЕЛЕНИЯ ХАБАРОВСКОГО КРАЯ С ПОМОЩЬЮ НЕЙРОННЫХ СЕТЕЙ	216
<i>Халикова С. С.</i> СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ПУБЛИЧНО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА В ХАБАРОВСКОМ КРАЕ	219
<i>Хван И. С.</i> ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПРОГРАММА «СОДЕЙСТВИЕ ЗАНЯТОСТИ НАСЕЛЕНИЯ» КАК ИНСТРУМЕНТ РЕГУЛИРОВАНИЯ РЫНКА ТРУДА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	225

КРУГЛЫЙ СТОЛ № 1
«ПРОБЛЕМЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЭКОНОМИКИ
РОССИЙСКОГО ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В НОВЫХ
УСЛОВИЯХ»

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ СТРОИТЕЛЬНОЙ
ОТРАСЛИ В ПРИМОРСКОМ КРАЕ НА СОВРЕМЕННОМ
ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ

Агафонова Г. В.,
аспирант,
Мазанкова Т. В.,
канд. экон. наук, доцент,
Дальневосточный институт управления – филиал РАНХиГС,
г. Хабаровск

Аннотация. Раскрывается современное состояние развития строительного комплекса Приморского края. Определяются ключевые проблемы развития строительной отрасли региона на современном этапе развития. Приводятся предложения относительно совершенствования ситуации в строительной отрасли Приморского края. Сформулированы перспективы развития строительного комплекса Приморского края в среднесрочном временном периоде.

Ключевые слова: строительный комплекс, строительная отрасль, Приморский край, проблемы, перспективы

Строительная отрасль является одним из ключевых драйверов экономического развития на региональном уровне. Данная отрасль оказывает влияние как на социальный сектор региона (снижение безработицы, обеспечение населения жильем), так и на экономический (увеличение валового регионального продукта, стимулирование деловой активности) [1].

При этом следует понимать, что данная отрасль является капиталоемкой, и в условиях нестабильности и неопределенности развития ситуации в экономике страны может оказывать негативное влияние на развитие экономики региона в целом [3]. Что и обуславливает актуальность исследования проблем и перспектив развития данной отрасли в Приморского крае на современном этапе развития.

Постоянные изменения динамики и вектора развития многих отраслей промышленности, в частности строительства, в последнее время оказывают существенное влияние на состояние и уровень социально-экономического развития Приморского края в целом.

Главной особенностью современных трансформационных преобразований в строительной отрасли Приморского края есть то, что они происходят в условиях усиления глобальных вызовов.

К таким вызовам следует отнести в первую очередь нестабильность и неопределенность развития национальной экономики, которые в последние годы обусловлены следующими факторами: пандемия коронавируса; карантинные ограничения; экономические санкции старых периодов; новые экономические санкции после 24.02.2022.

Нестабильность внешней среды и формирует угрозы в сфере устойчивого развития строительной отрасли Приморского края в долгосрочном периоде.

Проанализируем совокупный объем выполненных работ в строительном комплексе Приморского края, за период с 2018 года по 2021 год включительно [4]: 2018 год – 71,9 млрд рублей; 2019 год – 98,9 млрд рублей; 2020 год – 110,6 млрд рублей; 2021 год – 102,5 млрд рублей.

Вышеприведённая статистика позволяет определить, существующие дисбалансы в динамике объема выполненных работ в строительной отрасли. В период до 2020 года прослеживается системный рост объема выполненных работ в строительной сфере Приморского края до 110,6 млрд рублей. В то же время по итогам 2021 года данный показатель сократился до 102,5 млрд рублей.

Во многом данные дисбалансы были связаны с пандемией коронавируса и карантинными ограничениями в период 2020 года, в связи с чем в данный период были снижены объемы ввода в эксплуатацию зданий и сооружений, что было вызвано снижением потребительского спроса.

В дальнейшем в 2021 году в связи с ростом спроса на объекты недвижимости, строительные компании нарастили объемы продаж за счет ввода в эксплуатацию объектов, построенных в 2020 году, что и повлияло на снижение объемов строительных работ в 2021 году в связи с необходимостью увеличения ликвидности за счет продажи объектов прошлых периодов. Статистика ввода в эксплуатацию объектов недвижимости была представлена следующей тенденцией: 2018 год – 1196 объектов; 2019 год – 2298; 2020 год – 2109; 2021 год – 3192.

Относительное падение объемов ввода зданий в эксплуатацию в 2020 году было компенсировано стремительным ростом данного показателя в 2021 году за счет ввода в эксплуатацию зданий, построенных в прошлых периодах.

Также следует отметить такую проблематику в сфере развития строительной отрасли Приморского края как нестабильность ставок по кредитам для юридических лиц. В связи с тем, что строительная отрасль достаточно капиталоемкая, компании вынуждены

осуществлять кредитование своей деятельности, однако это сопряжено с различными рисками, вызванными недостаточной стабильностью ставок по кредитам коммерческих банков. За 2018–2021 гг. учетная ставка Центрального банка Российской Федерации колебалась в диапазоне 4,5-8,5%, увеличившись до 8,5 [2] к концу 2021 года, что в значительной степени повлияло на удорожание стоимости заемного капитала для строительных компаний Приморского края.

Учитывая современные тенденции в экономике региона и РФ, можно определить, что ключевыми проблемами в сфере развития строительной отрасли Приморского края являются: нестабильность и неопределенность развития национальной экономики; рост инфляции; нестабильность курса национальной валюты; экономические санкции; падение деловой активности; снижение уровня потребительского спроса; отток экономически активного населения; удорожание стоимости заемных финансовых ресурсов коммерческих банков.

Учитывая данные факторы, оказывающие негативное влияние на развитие строительной отрасли Приморского края, можно определить ключевые направления улучшения ситуации в данной сфере, к которым следует отнести следующие возможности:

- льготное кредитование строительных компаний Приморского края на основе государственных и региональных гарантий, за счет средств государственного и регионального бюджетов;
- льготное кредитование в сфере ипотеки и приобретения жилья для населения Приморского края на основе государственных и региональных гарантий, за счет средств государственного и регионального бюджетов;
- нефинансовое стимулирование строительных компаний за счет снижения бюрократического бремени относительно получения разрешительных документов на строительство и подведение коммуникаций.

Данные мероприятия могут позволить в краткосрочной перспективе нивелировать негативное влияние внешних факторов на строительную отрасль Приморского края, повысить уровень деловой активности и потребительского спроса.

В то же время следует понимать, что возможность реализации перечисленных выше мероприятий будет основана на объемах финансовых ресурсов, которые будет способно государство и регион перечислить на данные программы, что и формирует два ключевых направления развития ситуации в отрасли:

- при условии достаточности средств в бюджетах ситуация в строительной отрасли Приморского края будет стабилизирована в краткосрочном временном периоде;
- при условии отсутствия необходимого объема финансовых ресурсов в бюджетах всех уровней следует ожидать банкротства части

строительных компаний и «замораживания» определенных объемов жилищных и нежилищных строительных проектов.

Как итог можно сделать следующие выводы:

1. Ключевыми проблемами развития строительной отрасли Приморского края являются: нестабильность и неопределенность развития национальной экономики; экономические санкции; падение деловой активности и потребительского спроса; удорожание стоимости заемных финансовых ресурсов коммерческих банков.

2. Ключевыми направлениями совершенствования ситуации являются: льготное кредитование строительных компаний Приморского края, льготное кредитование в сфере ипотеки и приобретения жилья для населения Приморского края; нефинансовое стимулирование строительных компаний. В то же время от наличия данных финансовых ресурсов, а также их объемов будет напрямую зависеть ситуация в сфере развития строительной отрасли Приморского края в краткосрочном периоде.

Список литературы и источников:

1. Доржиева В.В. Строительная отрасль: тенденции развития, влияние пандемии и условия восстановительного роста в контексте задач структурной модернизации // Научные труды Вольного экономического общества России. 2020. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stroitel'naya-otrasl-tendentsii-razvitiya-vliyanie-pandemii-i-usloviya-vostranovitelnogo-rosta-v-kontekste-zadach-strukturnoy> (дата обращения: 06.11.2022).

2. Ключевая ставка ЦБ РФ. URL: https://www.cbr.ru/hd_base/KeyRate/ (дата обращения: 06.11.2022)

3. Оборин М.С. Развитие строительной отрасли в новых макроэкономических реалиях // Экономика строительства и природопользования. 2022. №1-2 (82-83). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-stroitelnoy-otrasli-v-novyh-makroekonomicheskikh-realiyah> (дата обращения: 06.11.2022).

4. Регионы России. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 06.11.2022)

ОБЕСПЕЧЕНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОЛОГО- ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО РЕГИОНА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

*Амбрутис В. Ю.,
канд. экон. наук,
Дальневосточный институт управления – филиал РАНХиГС,
г. Хабаровск*

Аннотация. В настоящее время складывается неблагоприятная ситуация для экономики Дальнего Востока с точки зрения перспектив ее развития. Главным платёжеспособным рынком сбыта для продукции Дальнего Востока являются страны Северо-Восточной и Центральной Азии, в связи с чем для экономики региона существует угроза возникновения стратегической зависимости от экономической ситуации, складывающейся в указанных странах, что в совокупности с изменяющейся структурой и объемом мирового и регионального спроса требует пересмотра стратегии обеспечения экономической безопасности Дальнего Востока.

Ключевые слова: региональное развитие, социально-экономическая безопасность региональной экономики, экологическая безопасность, стратегическое взаимодействие, Дальневосточный федеральный округ, Азиатско-Тихоокеанский регион

Складывающаяся в настоящий момент внешняя и внутренняя экономическая ситуация выдвигает новые требования к стратегии развития промышленного комплекса Дальнего Востока. Мировой экономический кризис создает очень много неопределенностей, что в свою очередь формирует как угрозы, так и новые возможности регионального развития. Спад мировой экономической активности и повсеместное снижение платежеспособного потребительского спроса, наблюдаемые в последнее время, влекут за собой рост объема избыточных производственных мощностей во многих промышленно развитых странах мира – лидеров мировой экономики, вызывая обострение конкурентной борьбы в различных ее секторах. Такое положение вызывает необходимость формирования новых подходов к управлению развитием внешнеэкономических связей региона, учитывающих вопросы обеспечения региональной безопасности. Четко сформулированная стратегия развития территории, структурирующая цели и приоритеты в условиях постоянно изменяющейся реальности, снижает неопределенность и создает возможность обеспечить социально-экономическую и экологическую безопасность на высоком уровне путем оптимизации структуры

промышленного комплекса региона и создания системы устойчивого и взаимовыгодного сотрудничества с потребителями региональной продукции.

Современные тенденции, влияющие на развитие региона, характеризуются трансформацией процессов в сфере экономического партнерства. Субъектами влияния на экономику региона все больше становятся внешние игроки – многочисленные представительства крупных иностранных фирм, финансовых корпораций, в связи с чем на первый план выходят вопросы защиты от внешнего вмешательства в экономические процессы региональной экономики, противоречащего ее интересам, то есть вопросы обеспечения ее экономического суверенитета.

Одним из основных элементов системы обеспечения региональной безопасности является разработка эффективной стратегии. Важность разработки стратегии обеспечения экономической безопасности, как инструмента оценки различных направлений развития региона и принятия управленческих решений, обусловлена высоким уровнем турбулентности мировой экономики. Обеспечение социально-экономической и экологической безопасности региона должно стать частью системы планирования развития региональной экономики. В целом сложность проблемы обеспечения региональной социально-экономической безопасности определяется степенью открытости экономики региона и ее особенностями, определяемыми наличием экспортного и ресурсного потенциала, совокупным платежеспособным спросом населения на товары, производимые в регионе, и другими факторами.

Кроме того, экономика будущего — это экологически регламентированная экономика. Проблемы экологической безопасности приобретают в настоящее время глобальные масштабы, и в наибольшей степени они заостряются при кризисных явлениях в экономической системе государства, поскольку при этом сокращаются возможности для широкого комплекса мероприятий по охране окружающей среды, внедрению экологически чистых технологий и т. п. Критическое снижение уровня экологической безопасности способствует росту социальной, политической и даже военной напряженности, подтверждая тесную взаимосвязь различных областей безопасности и необходимость комплексного подхода к обеспечению национальной безопасности.

Наряду с социальным и экономическим ущербом кризисные ситуации наносят и экологический ущерб, выражающийся в разрушении и деградации природных систем, загрязнении воздуха, водоемов и почв. Образуются зоны экологической катастрофы, где негативные изменения приводят к невозможности ведения хозяйственной деятельности и проживания человека. Главный вывод

заключается в том, что при разработке стратегии экономического развития региона следует учесть соблюдение в том числе и критериев экологической безопасности [1].

Дальний Восток занимает более 40% территории России, при этом численность населения Дальневосточного федерального округа (далее – ДФО) составляет всего 5,6% от общей численности населения страны. Территория Дальнего Востока характеризуется значительным ресурсным потенциалом. Здесь находятся крупнейшие месторождения углеводородов и угля, золота и меди, алмазов, крупные месторождения черных, цветных и редких металлов. Суммарные запасы древесины в ДФО оцениваются почти в 20 млрд м³, а объем водно-биологических ресурсов Дальневосточного бассейна составляет около 26 млн тонн. Все это сказывается на структуре валового регионального продукта (далее – ВРП) округа. Добыча полезных ископаемых является самой большой статьёй в структуре ВРП Дальневосточного федерального округа, в последние годы на неё приходилось 27-28%, 6-7% дальневосточного ВРП составляло сельское и лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство.

В то же время округ проигрывает в эффективности освоения своих ресурсов. Отставание ДФО по данному показателю от многих регионов России объясняется в значительной степени тем, что российская экономика в основном сконцентрирована вокруг ее центральных регионов. Добыча полезных ископаемых и их переработка исторически развивалась, прежде всего, в регионах, расположенных в европейской части Российской Федерации, а Дальний Восток используется в основном для транзита (деятельность по транспортировке и перевалке грузов в ДФО в среднем составляет около 12% валового регионального продукта) [2]. В связи с этим важнейшим рынком сбыта для продукции, производимой на территории Дальнего Востока, являются так называемые «страны дальнего зарубежья» - в основном страны Северо-Восточной Азии. Почти 75% всех товаров экспортируется в Южную Корею, Китай и Японию, остальная часть дальневосточного экспорта приходится на Индию, Сингапур, Вьетнам и др.

При этом, несмотря на значительные запасы природных ресурсов, объем валового регионального продукта (ВРП) ДФО остается одним из самых низких. По данному показателю регион находится на предпоследнем месте в Российской Федерации и опережает только Северный Кавказ. Отсутствие развитой обрабатывающей промышленности — одна из причин скромного по объёмам валового регионального продукта Дальнего Востока. В структуре ВРП ДФО в течение последних нескольких лет на обрабатывающие производства приходится всего 5-6%, и это наихудший результат в стране.

В последние годы доля российских товаров в мировом импорте составляла около 2%, меньше четверти из которых ввозится в страны АТР. Причём на Дальний Восток приходится менее 0,5%. В импорте крупнейших азиатских стран-потребителей доля товаров из России не превышает 2–3%. В 2017 году Китай импортировал товары на \$1,8 трлн, или 10,4% от мирового импорта. На Россию в целом пришлось 2,2%, из них 0,3% — дальневосточный экспорт. Импорт Японии в 2017 году составил немногим менее \$672 млрд, или 4% мирового импорта. Доля России в импорте Японии – 2,1%, из них доля Дальнего Востока – около 1%. [3]

Таким образом, экономика Дальнего Востока на данный момент времени характеризуется следующими особенностями:

при наличии огромных запасов и разнообразии природных ресурсов экономика региона остается на низком уровне вследствие отсутствия соответствующего объема перерабатывающих мощностей;

исторически промышленность Дальнего Востока ориентирована на внешний рынок, в основном на страны Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР), что создает стратегическую зависимость от состояния экономики в этих странах;

доля Дальневосточного региона в импорте стран АТР незначительна и не позволяет оказывать какое-либо стратегическое влияние на страны-потребители дальневосточной продукции.

Данные особенности предъявляют определенные требования к выработке стратегии развития экономики ДФО и обеспечения ее социально-эколого-экономической безопасности. Стратегически экономика Дальнего Востока находится в двойственной ситуации. С одной стороны, слабо развитая система перерабатывающих производств на Дальнем Востоке позволяет подстроиться под существующие и перспективные нужды потенциальных потребителей в АТР. С другой стороны, несмотря на рост товарооборота со странами Северо-Восточной Азии, Россия (а тем более, Дальний Восток) не имеет стратегического влияния на страны региона и должна идти на определенные уступки, предоставление значительных скидок и преференций в процессе внешнеэкономического взаимодействия с ними, в том числе в ущерб своим экономическим, социальным и даже экологическим интересам. Это и вынужденное размещение «грязных» производств на своей территории, и реализация региональных товаров по заниженным ценам, ограничивающая рентабельность региональной промышленности, и уровень благосостояния населения.

В мире происходит трансформация экономической конъюнктуры: темпы роста в странах Азиатско-Тихоокеанского региона замедляются, развивающиеся рынки, являвшиеся в течение последних двух десятилетий основными двигателями мирового экономического роста, теряют свои главные преимущества, связанные

с дешевой рабочей силой. Новое состояние мировой экономики характеризуется выравниванием темпов роста развивающихся и развитых стран. В то же самое время новые цифровые технологии формируют новые рынки и трансформируют уже существующие отрасли экономики, меняя мировую торговую архитектуру и заставляя ключевых мировых игроков искать новые форматы развития экономики и торговли.

В условиях сокращения мирового потребления идет ужесточение конкурентной борьбы за платежеспособные рынки сбыта. При этом меняются и регионы противостояния, и способы конкурентной борьбы, которые в последнее время приобретают все более протекционистский и все менее законный и цивилизованный характер. Ярким примером этому служит ситуация с газовыми проектами «Северный поток» и «Турецкий поток», диверсии на российских транспортных магистралях, попытки искусственного ограничения цен на товары российского происхождения и т. д., что требует учета во внешнеэкономической деятельности региона рисков и угроз, о возможности проявления которых раньше и предположить было нельзя.

Современные тенденции, влияющие на развитие региона, характеризуются трансформацией процессов в сфере экономического партнерства. Субъектами влияния на экономику региона все больше становятся внешние игроки – многочисленные представительства крупных иностранных фирм, финансовых корпораций, в связи с чем на первый план выходят вопросы защиты от внешнего вмешательства в экономические процессы региональной экономики, противоречащего ее интересам, то есть вопросы обеспечения ее экономического суверенитета. В процессе разработки стратегии развития внешнеэкономических связей экономики Дальнего Востока со странами АТР, с нашей точки зрения, необходимо использовать комплексный подход, учитывающий, с одной стороны, необходимость поиска новых товарных ниш и инструментов международной кооперации, с другой, необходимость защиты экономических, социальных и экологических интересов региона от новых видов угроз, возникающих в современных условиях.

Список литературы и источников:

1. Кротов М. И., Мунтиян В. И. Экономическая безопасность России: Системный подход / М.И. Кротов, В.И. Мунтиян. – СПб.: Изд-во НПЦ «РОСТ», 2016. – 336 с., 36 илл.
2. Федеральная служба государственной статистики. Социально-экономическое положение федеральных округов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/folder/11109/document/13260?print=1>

3. Аналитический обзор. Инфраструктура и рынки. Дальний Восток [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://infraone.ru/sites/default/files/analitika/2019/infrastruktura_i_rynky_dalny_vostok_infraone_research.pdf.

ЛЕСНОЙ КОМПЛЕКС ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ В УСЛОВИЯХ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ И САНКЦИОННЫХ ОГРАНИЧЕНИЙ

*Антонова Н. Е.,
д-р экон. наук,
ИЭИ ДВО РАН,
г. Хабаровск*

Аннотация. В статье рассмотрено влияние ужесточения таможенного режима в отношении лесного экспорта, а также санкционного давления на результаты деятельности дальневосточного лесного комплекса. По предварительным оценкам пока что комплекс функционирует относительно стабильно. Выявлены новые инфраструктурные и спросовые проблемы в его развитии.

Ключевые слова: лесной комплекс, ДФО, санкции, экспортные ограничения

Вопросы влияния различных кризисных явлений на параметры отраслей реального сектора экономики представляют интерес для исследователей. Предыдущие кризисы (2008–2009 гг., 2014–2015 гг., 2020–2021 гг.) имели различные причины. Кризисы 2008–2009 и 2020–2021 гг. носили мировой характер в результате действия глобального шока, хотя причины были различны: у первого это перегрев экономики, у последнего – широкомасштабное обрушение спроса, вызванное принудительной остановкой экономической активности из-за пандемии. Кризис 2014–2015 гг. был вызван предыдущим сокращением социально-экономического роста, а также рядом внешних факторов (политические санкции, падение цен на нефть). Внешние ресурсные спросовые шоки являются только поводом для кризисов, но основной причиной является отсутствие сформированных внутренних компенсаторов и стабилизаторов, способных ослабить их действие [1].

Для России экспортно-сырьевая модель экономического роста, сложившаяся в России, оказалась очень чувствительной к внешним шокам, кризисный спад начинался как раз в регионах, наиболее зависящих от внешнеэкономической конъюнктуры, в первую очередь ресурсных [2].

Дальний Восток относится к регионам ресурсного типа, в структуре экономики которого доминируют сырьевые отрасли. Лесной комплекс относится к значимым отраслям экономики Дальнего Востока, в основном его южной части. Комплексу, несмотря на сложные финансово-экономические и институциональные условия, удавалось компенсировать последствия кризисов. Его экспортная ориентация делала кризисное влияние во многом опосредованным, зависящим от конъюнктуры на китайском рынке. При этом девальвация рубля, сопутствующая кризисным явлениям в России, играла для лесного комплекса положительную роль, позволяя компенсировать растущие издержки валютной выручкой.

Ситуация, в которой оказался лесной комплекс макрорегиона в 2022 г., отличается от предыдущих кризисных сценариев. Помимо санкционного «противостояния», лесной комплекс подвергся сильному внутреннему регулирующему воздействию. С 1 января 2022 г. был введен полный запрет экспорта из России древесины хвойных и ценных лиственных пород. Кроме запрета экспорта древесины были введены повышенные ставки на экспорт пиломатериалов влажностью более 22%, которые приравниваются к вывозу сырья.

Ужесточение таможенного регулирования произошло в лесном комплексе еще в 2018–2021 гг., когда были увеличены с 25 до 80% экспортные пошлины на основные хвойные породы. Лишь для очень узкого круга предприятий, экспортирующих определенный процент продукции деревопереработки, были предусмотрены пониженные пошлины по экспортным квотам. Полный запрет экспорта означает переход на более радикальную стадию. Для нестабильно работающего последние годы лесного комплекса в дальневосточных регионах введение полного запрета экспорта необработанной древесины хвойных и ценных лиственных пород имеет серьезные негативные последствия. В 2020 г. на внешний рынок было поставлено 35%, а в 2021 г. 28% всей произведенной древесины. Найти замену потребителя на узком внутрирегиональном рынке на весь объем древесины представляется сложным.

По нашим оценкам, сделанным на основе трендов стоимостных и физических объемов экспорта древесины последних лет, потеря выручки лесного комплекса ДФО от полного запрета экспорта необработанных лесоматериалов может составить до 400–500 млн долл./год.

В лесном комплексе ДФО занято 8,5 тыс. человек, в основном жители отдаленных лесных поселков с ограниченным спросом на рабочую силу, вместе с семьями количество, чье благополучие зависит от лесного комплекса, составляет до 30 тыс. человек. При сокращении объемов заготовки древесины обеспечить работой высвобождающихся

сотрудников предприятий в таких поселках представляет собой серьезную кадровую проблему.

Введенный запрет экспорта способствовал нестабильности в функционировании российского лесного комплекса, а также создал значительную неопределенность на мировом лесном рынке.

Экономическая нестабильность для лесного комплекса, как и для всей экономики страны, усилилась после февраля 2022 г. в рамках санкционного давления.

В марте 2022 г. было принято постановление Правительства РФ № 313 о запрете поставок в «недружественные» страны технологической щепы, необработанных лесоматериалов и шпона [3].

Среди внешних санкций для российского лесного комплекса очень чувствительным стал 5-ый пакет санкций [4], введенный Евросоюзом с 10 июля 2022 г. Под эмбарго попали основные виды лесопромышленной продукции (группа 44 товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности), в том числе необработанная древесина, пеллеты, фанера, пиломатериалы.

Анализ текущей деятельности комплекса в основных лесопромышленных регионах ДФО за прошедшие 8 месяцев 2022 г. показал достаточно устойчивую ситуацию в них, вопреки возникшим внешним спросовым ограничениям. Пока что основные производственно-экономические показатели деятельности лесопромышленных предприятий даже выросли. Запрет на экспорт древесины отчасти удается нивелировать поставками на внутренний рынок.

Но существует ряд проблем, которые могут стать негативными факторами в перспективе.

Решение ЕС о введении санкций на импорт лесопромышленной продукции из России не оказало прямого влияния на дальневосточных экспортеров, которые ориентированы на рынки Северо-Восточной Азии (СВА). Но с введением санкций у них появились новые конкуренты – экспортеры из центральной части России, которые переориентировали свои потоки с европейских на азиатские рынки, и у которых качество продукции деревопереработки выше, чем у дальневосточных производителей. Чтобы быть конкурентоспособными дальневосточникам необходимо обеспечивать сравнимое качество производимой продукции.

Поставкам лесопромышленной продукции в страны СВА препятствует проблема дефицита контейнеров, которая началась еще в пандемийный 2020 г. и усилилась в 2022 г., когда крупнейшие логистические операторы сократили предложение контейнерных перевозок и повысили ставки на них. Все это ощутили на себе дальневосточные лесоэкспортеры. Кроме того, загруженность железной дороги в восточном направлении и портовых мощностей

таковы, что перестроить товарные потоки с европейского направления на Восток возможно лишь в среднесрочной или долгосрочной перспективе при условии масштабных инвестиций в инфраструктуру.

Существует проблема для российских, в том числе дальневосточных лесопромышленников, связанная с обеспечением деревообрабатывающей техникой и комплектующими. Для малых лесопильных предприятий китайские производители оборудования были и остаются его основными поставщиками. На крупных дальневосточных деревообрабатывающих предприятиях предпочтения отдавались европейским маркам, даже подержанной технике. В настоящее время доступ к этому оборудованию закрыт. Большинство аналогов европейского деревоперерабатывающего оборудования производится в Китае, хотя они и не всегда сопоставимы по качеству. Возможно, что развитие параллельного импорта оборудования позволило бы как-то решить проблему с его поставками.

Введённые санкции привели к необходимости подготовки на государственном уровне ряда долгосрочных мер, направленных на поддержку лесного комплекса. На год дана отсрочка по обязательствам по приоритетным инвестиционным проектам, срок выполнения которых наступал до сентября 2022 г., а также действует механизм льготного кредитования инвестиционных проектов через Фонд развития промышленности [5]. Для компенсации транспортных затрат экспортерам, в том числе лесопромышленным предприятиям, было принято постановление правительства о выдаче транспортной субсидии [6]. Субсидия распространяется на перевозку лишь некоторых видов лесопромышленной продукции. Ею могут воспользоваться те дальневосточные компании, которые занимаются производством пеллет и шпона.

Можно сделать вывод, что, по предварительным оценкам, дальневосточный лесной комплекс функционирует пока что относительно стабильно, несмотря на возникшие институциональные и санкционные ограничения. Какова будет дальнейшая траектория его развития пока сложно предположить из-за нестабильности внешней среды его функционирования.

Список литературы и источников:

1. Минакир П.А. Российская экономика: между кризисами // Пространственная экономика. 2020. Т. 16. № 1. С. 7–23.
2. Михеева Н.Н. Экономическая динамика российских регионов: кризисы и пути восстановления роста // Регион: экономика и социология. 2019, № 2(109). С. 56-79
3. О мерах по реализации Указа Президента Российской Федерации от 8 марта 2022 г. № 100: Постановление правительства РФ от 9 марта 2022 г. № 313

4. За деревьями не видно евро. Коммерсантъ.
https://www.kommersant.ru/doc/5306939?from=doc_vrez (дата обращения 15.04.2022)

5. Официальный сайт Рослесинфорга.
<https://roslesinforg.ru/news/all/6810/> (дата обращения 05.07.2022)

6. О государственной поддержке российских организаций промышленности в целях компенсации затрат на транспортировку промышленной продукции: Постановление Правительства РФ от 28.07.2022 № 1347

ОБРАБАТЫВАЮЩИЕ ПРОИЗВОДСТВА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА: СОСТОЯНИЕ, ПЕРСПЕКТИВЫ

*Бажанов В. А.,
канд. экон. наук,
Соколов А. В.,
канд. экон. наук,
Веселая Л. С.,
ИЭИОПП СО РАН,
г. Новосибирск*

Аннотация. Оценивается состояние обрабатывающих производств Дальнего Востока России с помощью интегральных показателей, рассчитанных методом главных компонент. По значениям показателей сделан вывод об отсутствии за последнюю десятилетку текущего века существенных положительных сдвигов в состоянии обрабатывающей промышленности ДФО, несмотря на значительные инвестиционные вложения в ее развитие в 2018–2020 гг. Оценены возможные инвестиции в развитие обработки ДФО в перспективе до 2030–2035 гг.

Ключевые слова: ДФО, метод главных компонент, обрабатывающие производства, уровни развития, программа, стратегии, инвестиции

Известно, что Правительство РФ в сентябре 2020 г. утвердило Национальную программу социально-экономического развития Дальнего Востока на период до 2024 г. и на перспективу до 2035 г.¹ (далее – Программа). Целью Программы "является обеспечение темпов экономического роста и показателей экономического развития

---

¹ Распоряжение Правительства РФ от 24 сентября 2020 г. № 2464-р Об утверждении Национальной программы социально-экономического развития Дальнего Востока на период до 2024 г. и на перспективу до 2035 г. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74587526/>

Дальнего Востока, превышающих среднее значение по Российской Федерации"², в том числе за счет модернизации обрабатывающих производств. В Программе дается краткая справка о состоянии этих производств в период 2010–2019 гг., а также определены отрасли обработки, которые в числе других в целях ускорения экономического роста обеспечат приток инвестиций.

Рассмотрим более подробно состояние обрабатывающей промышленности ДФО в предшествующей десятилетке до утверждения Программы. Состояние оценивается по интегрированным показателям, рассчитанным методом главных компонент. Отметим, что при оценке состояния конкретного вида деятельности интерес представляет и сравнительный анализ места региона в общей совокупности субъектов федерации по рассматриваемой отрасли.

Метод главных компонент как инструмент анализа достаточно широко применяется в исследованиях состояния отдельных отраслей экономики. Так, в статье В. В. Громова [1] с помощью факторного анализа определена система обобщающих показателей, характеризующих финансово-экономическое состояние отрасли растениеводства в регионах РФ.

В статье группы авторов [2] приведены результаты компонентного анализа финансовых потоков и определены рейтинги активности в отраслях экономики в разрезе регионов.

Компонентный анализ также применяется и в анализе межрегиональных различий. Отметим здесь работу С. В. Баранова и Т. П. Скуфьиной [3], в которой для адекватного отображения проблемы межрегиональных отличий предлагается использование в комплексных оценках метода главных компонент.

Для проведения компонентного анализа была построена матрица, состоящая из 88 наблюдений (8 федеральных округов за 11 лет – с 2010 по 2020 гг.), и 56 переменных (статистические показатели из сборника Росстата "Регионы России: социально-экономические показатели" за соответствующие годы), отображающих как общее состояние экономики округов (валовой продукт, инвестиции в основной капитал, численность занятых, инновационная деятельность и др.), так и состояние отраслей промышленности по основным показателям. Из-за ограниченности размера тезисов полный перечень показателей не приводится. Все показатели-переменные в матрице были рассчитаны на 1000 чел. населения, а стоимостные – в сопоставимых ценах 2010 г.

В результате компонентного анализа были определены четыре компоненты, интерпретированные по показателям с факторными нагрузками выше 0,65. В компоненту 1 вошли 19 показателей, характеризующих общее социально-экономическое состояние

---

² Там же

регионов, в компоненту 2 – 9 показателей, характеризующих состояние обрабатывающих производств и сферы НИОКР в регионах. Полученные в результате расчетов парные коэффициенты корреляции Пирсона (значение – более 0,7) показали статистически значимые связи показателей сферы НИОКР (внутренние и капитальные затраты на исследования и разработки) с показателями обрабатывающей промышленности. В компоненту 3 вошел показатель объема отгруженной металлургической продукции, в компоненту 4 – показатели износа и доли полностью изношенных основных фондов в обрабатывающей промышленности. Вышеприведенные данные позволяют достаточно содержательно интерпретировать компоненты как интегрированные показатели основных характеристик округов. Так, компонента 1 характеризует общеэкономический уровень развитости региона, компонента 2 – уровень развитости обрабатывающих производств и сферы НИОКР, компонента 3 – уровень развитости металлургической промышленности как сырьевой базы машиностроения и экспортного потенциала, компонента 4 – уровень состояния производственного аппарата в обрабатывающей промышленности. Дадим краткую характеристику полученных результатов для ДФО по трем годам рассматриваемого периода: 2010, 2015 и 2020 гг.

По общеэкономическому уровню развитости ДФО (напомним – в системе 19 статистических показателей) в течение всего десятилетия занимал вторую позицию среди округов, после УФО. Иллюстрацией к этому могут послужить два основных показателя – валовой региональный продукт и инвестиции в основной капитал. По первому показателю ДФО занимал четвертое место, а по второму – второе среди всех округов за десятилетие. При этом темпы роста валового регионального продукта ДФО были выше, чем в других округах. Так, в 2020 г. рост этого показателя в ДФО составил почти 108% по сравнению с 2015 г.³ Для сравнения: в ЦФО, занимающем второе место среди округов по объему ВРП, значение данного показателя составляло около 107%. Почти на 14% приросли в ДФО инвестиции в основной капитал в 2020 г. по сравнению с 2015 г.

По уровню развитости обрабатывающих производств и сферы НИОКР, определенного по совокупности из 9 показателей, факторные нагрузки на которых превышали 0,65, ДФО в течение всего периода занимал последнее место в общем списке округов. Такое положение было обусловлено общим состоянием этого вида деятельности и сферы в течение последних одиннадцати лет. Так, по объему валовой

---

³ Здесь и далее по всему тексту использовались данные из статистического сборника "Регионы России: социально-экономические показатели" за 2021 г. URL: <http://rosstat.gov.ru/>

добавленной стоимости (ВДС) округ твердо находился на 7 месте в общем списке, опережая только СКФО. При этом более чем в 4 раза ВДС ДФО была меньше, чем в европейских округах, и более чем в 3 раза меньше, чем в соседнем СФО. Но по объему инвестиций в основной капитал обработки ДФО переместился с 6 места в 2015 г. на первое в 2020 г. Однако по остальным показателям, в том числе сферы НИОКР, ДФО твердо занимал последние места среди округов в течение всего рассматриваемого периода.

По уровню развитости металлургической промышленности ДФО занимал в течение всего аналитического периода шестое место в общем списке округов, опережая СКФО и ЮФО, но к концу второго десятилетия металлургическое производство стало играть ведущую роль в окружной структуре обрабатывающих производств. Так, если в середине десятилетия его доля составляла всего 4 %, то в 2020 г. – более трети всей продукции обработки.

По уровню состояния производственного аппарата обрабатывающей промышленности ДФО твердо занимал четвертое место среди округов; следует отметить, что ДФО по фондовооруженности работающего в обрабатывающей промышленности опережал только ЮФО и СКФО.

В целом за последнюю десятилетку текущего века обрабатывающая промышленность ДФО не отличалась существенными положительными сдвигами, несмотря на значительные инвестиционные вложения в ее развитие в 2018-2020 гг. (в 4-6 раз относительно 2015 г.). Тем не менее, в 2020 г. произошло наибольшее падение производства в обработке среди всех округов: если в целом по России темп роста составлял 101,4 %, то в ДФО он был равен 91,9 %.

Развитие обрабатывающих производств в ДФО предусматривается, как уже было сказано, в Национальной программе и в региональных программах, но, если в первой указано только развитие четырех экспортно-ориентированных видов обработки, то в региональных стратегиях обработка представлена значительно шире. В них предусматривается развитие пищевой и рыбоперерабатывающей промышленности (Республика Саха (Якутия), Камчатский край), легкая промышленность (Республика Бурятия), производство строительных материалов (Забайкальский край), приборостроение и средства автоматики (Хабаровский край).

Предполагается, что заметную роль в развитии обрабатывающих производств ДФО могут сыграть производства, связанные с сырьевыми ресурсами; однако, часть высокотехнологичных видов обрабатывающих производств округа соответствует приоритетным направлениям развития авиационной, судостроительной, фармацевтической промышленности, химического и

нефтехимического комплекса, лесопереработки азиатской части России.

Для реализации национальной программы потребуются значительные инвестиции. Реализация оптимистических сценариев стратегий субъектов ДФО в части целей развития обрабатывающих производств предполагает привлечение суммарных инвестиций в размере 1,5-2 трлн руб.

Список литературы и источников:

1. Громов В.В. Кластеризация и ее применение для анализа финансово-экономического состояния отрасли растениеводства в регионах РФ // Современные технологии управления. – 2013. – №8. URL: <https://sovman.ru/article/3202/>

2. Денисенко А.С., Крылов Г.О., Корнев И.А. О применении метода главных компонент в задачах финансового мониторинга // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2015. – Т.17. – №2(5). URL: http://www.ssc.smr.ru/media/journals/izvestia/2015/2015_2_1131_1140.pdf

3. Баранов С.В., Скуфьина Т.П. О методах исследования межрегиональной дифференциации // Фундаментальные исследования. – 2013. – № 10 (часть 7). – С. 1495-1499. URL: <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=32613>

ТРАНСПОРТНЫЙ КОМПЛЕКС ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА: НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ, СТАРЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ

*Бардаль А. Б.,
канд. экон. наук,
ИЭИ ДВО РАН,
г. Хабаровск*

Аннотация. Рассмотрено изменение условий функционирования транспортного комплекса Дальнего Востока под влиянием экономических санкций в отношении РФ, последствий борьбы с распространением пандемии COVID-19 отдельных стран, изменения институциональных условий работы национальной транспортной системы.

Ключевые слова: Дальний Восток, транспортный комплекс, санкции, пандемия

В нестабильной экономико-политической ситуации современного периода условия функционирования транспортного

комплекса Дальнего Востока меняются под действием: изменения масштабов, структуры работы транспорта макрорегиона в условиях внешнеэкономической политики России «поворот на Восток» (с 2013 г.); расширения ограничений в рамках экономических санкций отдельных стран в отношении России (с 2014 г.); мероприятий по борьбе с распространением пандемии COVID-19 (с 2020 г.); изменений в результате динамики внешнеэкономических и внешнеполитических условий России современного этапа (с 2022 г.). Помимо этого, корректируются институциональные условия транспорта, как в РФ, так и в соседних странах (КНР), что отражается на организации процесса перевозок в международном сообщении.

Рассмотрим содержание отдельных изменяющихся условий с точки зрения влияния на транспортный комплекс Дальнего Востока.

С 2014 г. в отношении России отдельными странами вводятся экономические санкции, оказывающие влияние, в том числе и на работу национальной транспортной системы. Всесторонняя оценка и анализ результатов их воздействия к настоящему времени не проведены, тем не менее экспертами обозначена общая ситуация в транспортном секторе [1, 2]. На начальном периоде санкционного давления большая часть ограничительных действий и их последствий была локализована в западных районах [3], не затрагивая транспортный комплекс Дальнего Востока напрямую, но оказывая влияние через начавшуюся переориентацию логистических цепочек обслуживания внешнеторговых операций.

В 2022 г. новые пакеты экономических санкций и другие ограничительные меры, принимаемые на фоне современных геополитических событий, оказали существенное влияние на транспортный комплекс макрорегиона. Эмбарго стран ЕС на импорт из России угля и других видов грузов, уход с российского рынка крупных морских перевозчиков; запрет захода российских судов в европейские порты; запрет работы российских автомобильных перевозчиков на рынке ЕС и др. усилили тенденцию изменения географии внешнеторговых перевозок в направлении азиатских стран и актуализировали использование морских портов Дальневосточного бассейна, а также наземного транспорта в логистических схемах.

Для Дальнего Востока переориентация транспортных маршрутов, организация сложных схем реэкспорта, проявляется в дополнительном увеличении работы железных дорог и морских портов, что усиливает ежегодно возрастающий в условиях «поворота на Восток» дисбаланс спроса и предложения инфраструктуры макрорегиона. В первую очередь речь идет об ограниченных возможностях Восточного полигона железных дорог, провозная способность которых не соответствует потребностям грузоотправителей и уровню развития морских терминалов. На начало

2022 г. дефицит провозных мощностей, исходя из оценок потенциальной грузовой базы и технических возможностей инфраструктуры железных дорог составлял более 50 млн т, провозные мощности морских терминалов превышали возможности железных дорог на 108 млн т.

Это дисбалансы получают новое содержание и в перспективе могут возрасти с учетом того, что:

в условиях дефицита провозных мощностей железных дорог корректируется возможность доступа к инфраструктуре, изменяется приоритет грузов (снижая, например, возможности угольных компаний для предоставления возможности перевозок грузов, лишившихся сбыта на рынках европейских стран) [4];

мощности перевалочных терминалов морских портов развиваются опережающими темпами по отношению к модернизации Восточного полигона: очевидно, этот дисбаланс имеет институциональную основу, выражающуюся в несоответствии и несогласованности интересов, планов развития владельцев инфраструктуры различных видов транспорта (государства и частных компаний);

наблюдается существенное нарушение планов модернизации железнодорожной инфраструктуры Восточного полигона железных дорог по срокам и объектам.

Проблемным вопросом является организация перевозок через систему автомобильных и железнодорожных пунктов пропуска с КНР. В 2020–2021 гг. в рамках политики «нулевой терпимости» китайская сторона активно использовала временные конвенции (запреты) на прием неконтейнеризованных грузов из РФ для отдельных пунктов пропуска через государственную границу (так, на переходе Гродеково–Суйфэньхе запреты вводились более 13 раз в течение года, на переходе Забайкальск–Маньчжурия 18 раз [5]). Принимаемые решения обосновываются усилением мер по борьбе с коронавирусом, однако, режим их использования и результаты действия схожи с применением экономических рычагов и, по мнению экспертов, определяются внутренними особенностями организации транспортного сегмента в КНР.

Введение запрета на прием составов соседней страной каждый раз организационно осложняет ситуацию на Восточном полигоне железных дорог, вызывая заторы грузовых поездов возле сухопутных пограничных переходов, снижая среднюю скорость движения, увеличивая непродуктивную загрузку инфраструктуры, т.к. не принятые КНР грузовые составы необходимо перенаправить по решению грузоотправителей либо в обратном направлении, либо в морские порты. Применяемые конвенции (запреты) повышают общую

неопределенность, т.к. при введении не имеют временных ограничений, что не позволяет планировать дальнейшие перевозки.

В сложившихся условиях важным является поиск более гибких решений развития транспортного комплекса, отвечающих динамике современного этапа. Ярким примером является формирование новых проектов развития инфраструктуры (Тихоокеанская железная дорога), а также дифференциация подходов при развитии инфраструктурных объектов. Последнее касается де-факто складывающейся моно-ориентации портовых мощностей Дальнего Востока последних лет на перевалку угольных грузов: по оценкам около 70% портовых мощностей ориентированы на уголь. В связи с этим наметившийся после приостановления правил недискриминационного доступа, рост объемов перевозок неугольных грузов (металлы, контейнеры) актуализирует вопрос перепрофилирования портов [6]. Так, за девять месяцев 2022 г. прирост погрузки на железной дороге в направлении морских портов Дальневосточного бассейна составил: черных металлов – 12,8%, грузов в контейнерах – 36,2% [7].

Все перечисленные аспекты относятся к макроуровню, т.е. работе транспортного комплекса Дальнего Востока как замыкающего звена национальной транспортной системы России, обеспечивающего обслуживание внешнеэкономических взаимодействий страны с регионом Северо-Восточной Азии. Однако имеется важный проблемный срез функционирования транспорта в условиях геополитических изменений, проявляющийся на уровне макрорегиона. Речь идет о рисках транспортного обслуживания социально-экономической системы Дальнего Востока при нарастающем спросе и объемах работы, генерируемых вне региона (экспорт угольных, металлургических компаний национального уровня, мощности которых локализованы в Кемеровской области, Республики Хакасия, Республика Тыва и пр.; импорт контейнерных грузов в западные районы страны). Ситуация, ярко показавшая реальность рисков транспортного обслуживания региональной экономики, сложилась осенью 2021 г. Морские порты юга Дальнего Востока, не справляясь с перевалкой резко возросшего объема импортных грузов, не соблюдали сроки перевозок в рамках Северного завоза [8]. Учитывая ограниченные периоды навигации в порты северных субъектов РФ, возникла угроза обеспечения жизнедеятельности населенных пунктов и промышленных объектов.

Сложившаяся в 2021 г. ситуация обрисовала проблему развития морских портов, связанную с преимущественным развитием угольных терминалов в последние годы и ограниченных возможностях перевалки контейнерных грузов. Так, к 100% загрузке по оценкам экспертов, близки контейнерные терминалы Владивостокского морского торгового порта, Восточной стивидорной компании.

Необходимо расширение площадок, развитие «сухих» терминалов для хранения контейнеров [9].

Таким образом, происходящие изменения внешних геополитических и экономических условий приводят к дальнейшему росту спроса на перевозки транспортным комплексом Дальнего Востока. Отставание темпов развития инфраструктуры транспорта (в первую очередь железных дорог), структурные диспропорции терминалов морских портов (угольная специализация), институциональные сложности кросс-границных взаимодействий с КНР ограничивают возможности перевозок.

Осложняет оперативный анализ текущих событий снижение доступности статистических данных о динамике объемов экспортно-импортных перевозок и работе отдельных видов транспорта РФ в 2022 г.

Список литературы и источников:

1. Голубчик А. М., Пак Е. В. Экономические санкции в отношении России: транспортный аспект // Российский внешнеэкономический вестник. 2022. № 3. С. 50–58. <https://dx.doi.org/10.24412/2072-8042-2022-3-50-58>

2. Покровская О. Д. Логистические транспортные системы России в условиях новых санкций // Бюллетень результатов научных исследований. 2022. № 1. С. 80–94. <https://dx.doi.org/10.20295/2223-9987-2022-1-80-94>

3. Щербанин Ю. А. Транспорт России: шесть лет экономических санкций // Проблемы прогнозирования. 2020. № 3 (180). С. 69–81.

4. Постановление Правительства Российской Федерации от 06.03.2022 № 304 «О приостановлении действия постановления Правительства Российской Федерации от 25 ноября 2003 г. № 710» // Официальный интернет-портал правовой информации. 2022. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202203070009> (дата обращения: 06.11.2022).

5. Семенкин Д. Почему Китай ограничивает прием грузов в обычных контейнерах? // РЖД-Партнер.ру. URL: <https://www.rzd-partner.ru/zhd-transport/opinions/pochemu-kitay-ogranichivaet-priem-gruzov-v-obychnykh-vagonakh/> (дата обращения: 07.11.2022).

6. Гусарченко Н. В РЖД оценили эффекты от введения недискриминационного доступа на сети // РЖД-Партнер.ру. URL: <https://www.rzd-partner.ru/zhd-transport/news/v-rzhd-otsenili-effekty-ot-vvedeniya-nediskriminatsionnogo-dostupa-na-seti/> (дата обращения: 07.11.2022).

7. Экспорт неугольных грузов в направлении морских портов Дальнего Востока с начала 2022 года вырос на 5,3% – РЖД // PortNews.

2022. URL: <https://portnews.ru/news/336996/> (дата обращения: 07.11.2022).

8. Прокапало О. М., Бардаль А. Б., Мазитова М. Г., Суслов Д. В. Экономическая конъюнктура в Дальневосточном федеральном округе в 2021 г. // *Пространственная экономика*. 2022. Т. 18. № 2. С. 135–182. <https://dx.doi.org/10.14530/se.2022.2.135-182>

9. Войцеховская Я. Чем обернулся разворот на восток? // *PortNews*. 2022. URL: <https://portnews.ru/comments/3231/> (дата обращения: 08.11.2022).

ПРОГНОЗ СТРУКТУРНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ ДИНАМИКИ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА: УСЛОВИЯ И ОГРАНИЧЕНИЯ⁴

*Белусова А. В.,
канд. экон. наук,
ИЭИ ДВО РАН,
г. Хабаровск*

Аннотация. В статье рассматриваются условия и ограничения одновременного прогнозирования структурно-экономической и социальной динамики территорий. Раскрываются особенности использования отдельных инструментальных средств для получения синтетического прогноза.

Ключевые слова: прогноз, социально-экономическая динамика, мультипликатор, Дальний Восток

Актуальность проблемы достоверного прогнозирования социально-экономической динамики не вызывает сомнений. Ее решение обуславливает обеспечение устойчивых траекторий роста и развития исследуемого объекта. Средством «обеспечения» выступают меры государственной экономической политики.

Качество прогнозов определяется их типом: субъективным или объективным. В первом случае речь идет, главным образом, об экспертных заключениях, основанных на опыте, и носящих, как правило, качественный характер. Во втором случае имеет место применение инструментальных средств, использование которых основано на математическом аппарате и дает возможность проведения количественного анализа с получением численных оценок.

---

⁴ Выполнено в рамках проекта РФФИ 20-010-00818А «Исследование траекторий экономической, структурно-технологической и социальной динамики Дальнего Востока в условиях реализации Национальной программы развития макрорегиона»

Минимизация влияния человеческого фактора и рисков появления случайных ошибок обуславливает приоритет объективного прогнозирования и его результатов.

Ключевыми условиями достоверности прогнозов являются адекватность используемого инструментария по отношению к исследуемой проблеме и наличие необходимых исходных статистических данных. В данном контексте понятие «адекватности» имеет многоаспектный характер. В первую очередь, предполагается возможность формализации исследуемой проблемы посредством выбранного инструмента. Другим важным «элементом» адекватности выступает минимизация допущений, вводимых предпосылок, позволяющая максимально сократить «разрыв» между исследуемой проблемой и ее формализованным представлением. Отдельным вопросом процесса прогнозирования является обеспечение исследователя ретроспективной статистикой, являющейся базой для пролонгации сложившихся тенденций.

Синтетический прогноз социальной и экономической динамики предполагает идентификацию взаимосвязей между соответствующими показателями. С точки зрения существующих инструментальных средств, согласно классификации [1], наиболее информативные результаты прогнозирования (с учетом минимизации трудоемкости процесса) могут быть получены посредством применения макроэкономических и структурных моделей для выявления и оценки мультипликативных эффектов в экономике.

В первом случае речь идет о построении и количественном анализе системы или отдельных эконометрических зависимостей с учетом распределения во времени влияния факторных переменных на результирующий признак. Сумма коэффициентов при лаговых переменных будет образовывать величину долгосрочного мультипликатора; каждый отдельный коэффициент – величину краткосрочного мультипликатора. Социально-экономический прогноз в данном случае будет предполагать использование показателей социальной и экономической сфер в разных частях зависимостей: в качестве экзогенных и эндогенных переменных. Методы оценки соответствующих зависимостей – отличны от традиционного метода наименьших квадратов, ввиду наличия высокой тесной корреляции между лаговыми переменными.

Второй случай связан с разработкой и использованием межотраслевых матричных балансовых моделей. Примером последних является матрица «goals - results», построение которой основано на методологии СНС. В составе матрицы отображаются четыре сектора экономики: производства, факторов производства, институциональных единиц, капитала. Присутствие в матрице социальных показателей приходится на счета домохозяйств и труда. Прогноз социально-

экономической динамики базируется на двух предпосылках: фиксируются изменения параметров внешней по отношению к исследуемой экономике среды (как правило, последняя описывается счетами правительства, внешнего мира, капитала) и/или структурные изменения в самой экономике. Реакции экономики на происходящие изменения оцениваются посредством изменений значений матричных мультипликаторов. Отличием матрицы «goals - results» от, к примеру, матрицы финансовых потоков, является ее направленность на формирование эффективных мер экономической политики, обеспечивающих реализацию государственных программных документов.

Достоинства использования матричного инструментария связываются с двумя основными моментами. Во-первых, несмотря на необходимость владения большим массивом статистических данных для формирования матрицы, последняя, в силу ее сбалансированности (тождественности суммарных значений по соответствующим строкам и столбцам), предоставляет возможности эндогенной оценки некоторых показателей, значения которых отсутствуют в официальном доступе. Во-вторых, гибкости матричного «каркаса». Подразумевается возможность изменения матричной конструкции в зависимости от целей исследования, имеющейся статистики и других причин.

Наиболее информативным вариантом матрицы «goals - results» с точки зрения получения синтетического прогноза экономической и социальной динамики территории является соответствующая матрица с детализацией ее счета производства (учет особенностей межотраслевых взаимодействий в производственном секторе экономики). Данное условие подразумевает инкорпорирование в матричную конструкцию таблиц «затраты-выпуск». Отметим, что построение последних для уровня, отличающегося от национальной экономики, очень трудоемко, времязатратно и сложно. Ввиду перечисленных обстоятельств, как правило, применяются оценочные методы, предполагающие трансформацию технических национальных коэффициентов в региональные.

Необходимым условием использования матричных мультипликаторов для прогнозирования социально-экономической динамики является тождественность структур матриц средних склонностей к потреблению за период. Последние предполагают ту же матричную конструкцию, что и исходная; при этом элементами матриц являются удельные веса исходных элементов в суммарных доходах по каждому счету.

Для условий Дальнего Востока имеется определенный «задел» по всем вышеуказанным направлениям [2, 3, 4, 5, 6]. Следующий этап настоящего исследования предполагает использование и «обновление» имеющегося задела с целью построения на его базе актуального

прогноза социально-экономической динамики федерального округа в приложении к Национальной программе развития макрорегиона.

Список литературы и источников:

1. Власюк Л.И. Межотраслевая модель экономики Дальнего Востока: опыт прогнозного моделирования // Пространственная экономика. 2009. № 2. С. 68-84. DOI: 10.14530/se.2009.2.068-084
2. Белоусова А.В. Оценка эффектов межотраслевых взаимодействий в экономике Хабаровского края с использованием структурной балансовой модели // Регионалистика. 2022. Т.9. №2. С. 5–25. <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2022.2.5>
3. Белоусова А.В. Условия реализации национальной программы развития Дальнего Востока: оценка потребностей в инвестиционных ресурсах // Регионалистика. 2021. Т. 8. № 6. С. 5–19. <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2021.6.5>
4. Белоусова А.В. Оценка откликов параметров социально-экономического развития ДФО на меры государственной политики с использованием матричного моделирования / Россия: Тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 16. Ч. 2: XII Международная научно- практическая конференция «Регионы России: Стратегии развития и механизмы реализации приоритетных национальных проектов и программ», конференция «Научно-технологическое развитие России: Приоритеты, проблемы, решения» / РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества; Отв. ред. В.И. Герасимов. – М., 2021. Ч. 2. 1024 с. С. 980-982.
5. Белоусова А.В., Исаев А.Г. Прогнозная динамика инвестиций в условиях реализации Национальной программы развития Дальнего Востока до 2025 года // Регионалистика. 2019. Т.6. №6. С. 36-49. DOI: 10.14530/reg.2019.6.36
6. Найден С.Н., Белоусова А.В. Социальное инвестирование как инструмент модернизации демографического развития на Дальнем // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т.11. №6. С. 212-228. DOI: 10.15838/esc.2018.6.60.13

ЭФФЕКТЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ПРОИЗВОДИТЕЛЕЙ: СЛУЧАЙ АМУРСКОЙ ОБЛАСТИ

*Васильева О. Г.,
канд. экон. наук,
ИЭИ ДВО РАН,
г. Благовещенск*

Аннотация. Каковы эффекты государственной политики по поддержке сельскохозяйственных производителей? Способствуют ли государственная поддержка росту производительности отечественного сельского хозяйства? Насколько однородны эти эффекты в разрезе отраслей, размеров фирм и форм собственности? В докладе обсуждаются результаты исследований, отвечающих на эти вопросы применительно к региональной аграрной политике в Амурской области – регионе, вносящем наибольший вклад в сельскохозяйственное производство в ДФО.

Ключевые слова: сельское хозяйство, сельскохозяйственные предприятия, государственная поддержка сельскохозяйственных производителей, Амурская область, совокупная факторная производительность

Должно ли государство поддерживать сельскохозяйственных производителей? Способствует ли государственная поддержка росту производительности сельского хозяйства? Современные как теоретические, так и эмпирические исследования дают противоречивые ответы на эти вопросы [3, 4].

В серии исследования мной в соавторстве с А.М. Билько была предпринята попытка ответить на вопрос о влиянии государственной поддержки на производительность сельскохозяйственных предприятий Амурской области. Рассмотрение кейса Амурской области интересно как с точки зрения изучения особенностей развития российского Дальнего Востока, так и понимания общих закономерностей и эффектов государственной аграрной политики в российских регионах. С одной стороны, именно этот регион вносил наибольший вклад в аграрное производство ДФО – на долю области приходилось в среднем более 24% всего производства продукции сельского хозяйства ДФО в 2014–2020 гг. С другой стороны, Амурская область является одним из наиболее типичных российских регионов с точки зрения вклада сельского хозяйства в экономику, объемов производства и объемов государственной поддержки [1].

Для оценки эффектов государственной поддержки были использованы микроданные по сельскохозяйственным предприятиям

Амурской области, на основе которых методами эконометрического моделирования были оценены параметры производственной функции, что позволило проверить гипотезы о связи государственных субсидий и производительности сельскохозяйственных предприятий. При этом рассматривались как совокупные субсидии, так и отдельно субсидии, поступившие из регионального и федерального бюджетов.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что в среднем государственные субсидии не оказывали статистически значимого влияния на уровень совокупной факторной производительности сельскохозяйственных предприятий Амурской области. Одним из объяснений, почему не была обнаружена статистически значимая связь, может являться разнонаправленность эффектов государственной поддержки для разных групп сельскохозяйственных производителей. Поэтому на следующем этапе исследования была оценена связь между государственной поддержкой и производительностью групп предприятий, различающихся размерами и по сельскохозяйственной специализации. Так, для того, чтобы проверить зависят ли эффекты государственных субсидий от размера предприятия, все вошедшие в выборку фирмы были разделены на три группы: предприятия с менее 2 тыс. га сельскохозяйственных угодий были отнесены к группе малых предприятий; предприятия, имеющие от 2 тыс. до 10 тыс., – к группе средних предприятий, а в группу крупных предприятий вошли фирмы с площадью более 10 тыс. га [1]. Кроме того, была также исследована зависимость эффектов государственных субсидий от уровня специализации сельскохозяйственных производителей на растениеводстве или животноводстве [2].

В результате проведенного исследования получены оценки, говорящие об отсутствии зависимости эффектов государственной поддержки от размера сельскохозяйственных предприятий: для всех трех групп предприятий не было найдено свидетельств в пользу существования статистически значимой связи между государственными субсидиями и совокупной факторной производительностью предприятий [1].

При исследовании зависимости эффектов государственных субсидий от степени отраслевой специализации предприятий на растениеводстве или животноводстве было показано, что до 2013 г. государственные субсидии ассоциировались с более низким уровнем совокупной факторной производительности в животноводческих хозяйствах. С 2013 г. ситуация меняется, и наблюдается отрицательная связь между производительностью и субсидиями в хозяйствах, специализирующихся на производстве продукции растениеводства [2]. Другими словами, получены свидетельства в пользу неоднородности эффектов государственной поддержки в разрезе отраслей сельского хозяйства. Изменение характера связи между государственными

субсидиями и производительности в зависимости от отраслевой специализации может быть обусловлено как изменением приоритетов и механизмов государственной поддержки, так и ликвидацией последствий катастрофического наводнения 2013 г. на Дальнем Востоке России [2].

На следующем этапе исследования предполагается оценить зависимости эффектов государственных субсидий от организационно-правовой формы сельскохозяйственных предприятий, их участия в агрохолдингах, а также от агроклиматических условий территорий, на которых предприятия расположены.

Таким образом, проведенные исследования говорят о том, что при разработке мер государственной поддержки сельскохозяйственных производителей особый фокус должен быть сделан на формировании отраслевых приоритетов и оценке эффективности инструментов государственной поддержки в отраслевом разрезе.

Список литературы и источников:

1. Васильева О. Г., Билько А. М. Государственные субсидии и производительность сельскохозяйственных предприятий на примере российского Дальнего Востока // Вопросы экономики. – 2022. – № 2. – С. 120-146. DOI: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2022-2-120-146>.
2. Васильева О.Г. Эффекты государственной поддержки сельскохозяйственных предприятий на Дальнем Востоке России: влияние отраслевой специализации // Пространственная экономика. – 2022. – № 3. – С. 93-114. DOI: <https://dx.doi.org/10.14530/se.2022.3.093-114>.
3. Minviel J. J., Latruffe L. Effect of public subsidies on farm technical efficiency: a meta-analysis of empirical results // Applied Economics. – 2017. – Т. 49. – №. 2. – С. 213-226. DOI: <https://doi.org/10.1080/00036846.2016.11949>
4. Rizov M., Pokrivcak J., Ciaian P. (2013). CAP subsidies and productivity of the EU farms // Journal of Agricultural Economics. Vol. 64. No. 3, pp. 537-557. DOI: <https://doi.org/10.1111/1477-9552.12030>

ТОПЛИВНО-ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ХАБАРОВСКОГО КРАЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

*Галичанин Е. Н.,
д-р экон. наук, профессор,
Дальневосточный институт управления – филиал РАНХиГС,
г. Хабаровск*

Аннотация. В статье представлена краткая характеристика топливно-энергетического комплекса Хабаровского края. Отмечаются недостатки его топливно-энергетического баланса и технико-экономического состояния. Предлагаются меры по их совершенствованию.

Ключевые слова: топливно-энергетический комплекс, электроэнергетика, тепловая энергия, газоснабжение, нефтепереработка, угледобывающая промышленность, возобновляемые источники энергии

Краткая характеристика ТЭК Хабаровского края. Структура топливно-энергетического комплекса (ТЭК) Хабаровского края представлена непосредственно электроэнергетикой, генерацией тепловой энергии, нефтеперерабатывающей, угледобывающей промышленностью, производственной системой газоснабжения, а также системой возобновляемых источников энергии.

Потребности экономики и населения края в электрической и тепловой энергии обеспечиваются энергоисточниками 5 крупных энергетических компаний, перетоками электроэнергии из Объединенной энергосистемы Востока, а также ведомственными и муниципальными локальными энергоисточниками.

Обеспечение края в нефтепродуктах в основном осуществляется мощностями действующих Комсомольского и Хабаровского НПЗ. Заводы обеспечивают поставки нефтепродуктов не только в регионы Дальнего Востока, но и на экспорт, в основном в страны Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР). Нефть (в связи с тем, что в регионе не добывается) в Хабаровский край поставляется главным образом из Восточной Сибири и по нефтепроводу из Сахалинской области.

Добычу угля в крае осуществляет АО "Ургалуголь" – структурное подразделение АО "Сибирская угольная энергетическая компания" (далее – АО "СУЭК").

Газификацию промышленных объектов и населения края обеспечивает 15 предприятий различных ведомств, ведущее значение из которых принадлежит Хабаровсккрайгазу и ПАО

"Газпром". Природный газ поставляется из месторождений Сахалинской области по магистральному газопроводу «Сахалин – Хабаровск – Владивосток». Сжиженный углеводородный газ (СУГ) обеспечивается 3 газонаполнительными станциями за счёт попутного газа, вырабатываемого на нефтеперерабатывающих заводах края.

В 2021 году на реализацию проектов в ТЭК Хабаровского края было направлено 25,3 млрд руб. инвестиционных ресурсов, в том числе: электроэнергетика и производство тепловой энергии – 13,0 млрд руб.; нефтепереработка и развитие инфраструктуры сбыта нефтепродуктов – 4,0 млрд руб.; добыча угля - 8,0 млрд руб.; развитие газотранспортной инфраструктуры и газификация – 0,3 млрд руб. По итогам 2021 года из выделенных средств 10 процентов, по различным причинам, оказалось неосвоенными.

Возобновляемые источники энергии (ВИЭ) или по некоторой классификации – нетрадиционные источники энергии (НИЭ) в Хабаровском топливно-энергетическом балансе в официальной статистике не учитываются по причине незначительной доли. Например, на производство электрической и тепловой энергии в топливно-энергетическом балансе края приходится около 84 процентов, остальное, – на прочие источники, в которые входят и ВИЭ. В то же время они используются в быту, на предприятиях, имеющих определённую специфику, связанную с их уникальными возможностями, такими как небольшие финансовые затраты на возведение и малые эксплуатационные расходы, изолированность и автономность потребителей и др.

Следует отметить, что в мировой практике их доля в некоторых странах Европы достигает 40 процентов, к сожалению, в России – не более 3 процентов.

Общие положения и особенности энергосистемы Хабаровского края. К основной отличительной особенностью энергетического комплекса Хабаровского края следует отнести его определённую автономность, т. е. практическую изолированность от других региональных энергосистем и, прежде всего, Восточно-Сибирских. В определённой степени это компенсируется за счёт связей с Объединённой энергосистемой Востока, однако по причине отсутствия мощных электрических систем электропередачи энергии, эта связь используется лишь как дополняющая и в экстренных случаях [1, с. 4–18].

Следующей особенностью является использование генерирующих станций в совмещённом режиме по производству одновременно электрической и тепловой энергии. Указанная специфика сложилась исторически и в настоящее время является малоэффективной экономически в отличие от энергосистем, специализирующихся на отдельном производстве энергии, что

сказывается на эксплуатационных затратах, себестоимости производства энергии и в итоге на тарифах для населения.

Одной из отличительных особенностей энергетического комплекса Хабаровского края также является его зависимость от использования такого вида топлива как уголь. В настоящее время уголь для электростанций края в основном поступает из Ургальского месторождения, расположенного на значительном расстоянии от мест потребления, что связано со значительными транспортными издержками и, как следствие, отражается в конечной цене для потребителей.

Между тем доля используемого природного газа, имеющего более низкую цену для конечного потребителя, поступающего с месторождений Сахалинской области, не превышает в топливном балансе 10 процентов. Для сравнения – в топливном балансе страны в среднем она составляет более 50 процентов, а в некоторых регионах, где природный газ не добывается, достигает более 80 процентов.

Существенным недостатком энергетического комплекса края является эксплуатационная изношенность его оборудования. С целью его ремонта и модернизации было принята специальная программа, на реализацию которой направлялись соответствующие финансовые средства. Например, в 2021 году из различных источников на эти цели было выделено около 1,5 млрд руб. [2, с. 158]. В целом же за 10 лет было выделено и освоено более 18 млрд руб. Между тем, принятые меры хотя и позволили не допустить дальнейшей деградации энергетического комплекса, к коренной его реконструкции не привели.

В особенности это проявилось в продолжающемся износе энергетических подстанций и сетей всех категорий. Например, износ самых распространённых подстанций мощностью 220 кВ составляет 87 процентов, 0,4/10 кВ – 75 процентов, линий эл. передач 210 кВ 59 процентов, 0,4/10 кВ – 58 процентов [3, с. 18].

Нефтеперерабатывающая отрасль в Хабаровском крае состоит из: Комсомольского нефтеперерабатывающего завода (ПАО "НК "Роснефть"), Хабаровского нефтеперерабатывающего завода (АО "Нефтегазхолдинг") и мобильной установки по приготовлению топлив ООО "Трансбункер-Ванино" (Группа компаний "Трансбункер").

Нефтеперерабатывающими заводами края в 2020 году переработано 11,1 млн тонн нефти. Вся товарная продукция, выпускаемая Комсомольским и Хабаровским нефтезаводами, соответствует требованиям технического регламента «О требованиях к автомобильному и авиационному бензину, дизельному и судовому топливу, топливу для реактивных двигателей и топочному мазуту».

На предприятиях внедрена и сертифицирована система менеджмента качества.

В соответствии с целевыми параметрами, определёнными Стратегией социально-экономического развития Хабаровского края до 2030 года, переработку нефти по базовому варианту планируется довести до 12,8 млн тонн.

Нефтеперерабатывающая промышленность края относится к высоко рентабельной и высокопроизводительной отрасли промышленности, разрабатывает и реализует крупные инвестиционные проекты и программы, вносит существенный вклад в развитие региона и в положительный внешнеторговый баланс края.

Угледобывающая промышленность. Угледобывающее предприятие Хабаровского края АО "Ургалуголь" осуществляет промышленное освоение Ургальского каменноугольного и Мареканского бурогоугольного месторождений с общими балансовыми запасами более 1,2 млрд тонн и является градообразующим предприятием в рабочем пос. Чегдомын, определяющим в целом социально-экономическое развитие Верхнебуреинского и Охотского районов Хабаровского края. Объем добычи угля в 2020 году составил 7,3 млн тонн угля в горной массе.

В связи с тем, что объемы угля, добываемого АО "Ургалуголь", обеспечивают более чем на 40 процентов потребности энергосистемы, жилищно-коммунального хозяйства, социальной сферы и населения края, а также учитывая значительные балансовые запасы с наличием железной дороги, следует рассматривать это месторождение в качестве одной из основных топливных баз Хабаровского края.

Газификация и газоснабжение. На территории Хабаровского края система газоснабжения обеспечивает потребности энергетики, промышленности, коммунальную и социальную сферу природным и сжиженным углеводородным газом (далее – СУГ).

Развитие в крае системы газоснабжения природным газом начато в 1987 году с вводом в эксплуатацию магистрального газопровода "Оха - Комсомольск-на-Амуре" производительностью 1,5 млрд м³ в год, позволившего начать газификацию края с переводом на природный газ г. Комсомольска-на-Амуре, населенных пунктов Комсомольского, Ульчского, Николаевского объектов энергетики, промышленности, коммунально-бытовых потребителей и жилищного фонда.

Ресурсной базой природного газа для потребителей края являются шельфовые месторождения о. Сахалин. В крае создана газотранспортная сеть общей протяженностью около 2,5 тыс. км,

которая снабжает природным газом энергосистему, промышленность, коммунальную энергетику и население.

По состоянию на 01.01.2022 г. природным газом газифицировано 32 населенных пункта. Потребителями являются 47 промышленных объектов (в т. ч. 10 теплоэлектростанций, 37 котельных), 190 коммунально-бытовых и жилищно-коммунальных объектов, около 107 тыс. квартир (частных домовладений). В соответствии с поручением Президента Российской Федерации В. В. Путина об ускорении газификации страны, количество квартир (частных домовладений), газифицированных природным газом, по состоянию на 01.01.2021 года увеличилось по сравнению с 2018 годом на 3274 единиц.

Возобновляемые источники энергии (ВИЭ). К возобновляемым источникам энергии относится значительная группа генерирующих устройств, использующих природные ресурсы и отходы производств и жизнедеятельности животных [4, с. 10]. В настоящее время статистической службой Хабаровского края в балансовых отчётах по выработке энергии эта позиция не учитывается. Между тем, с учётом специфики размещения производительных сил и населения края, а также постоянном росте тарифов на электрическую и тепловую энергию, использование ВИЭ становится необходимой и актуальной задачей с обеспечением соответствующей финансовой и организационной поддержки.

Следует отметить, что несмотря на то, что Хабаровский край имеет одно из ведущих мест по продолжительности солнечных дней в году, энергия солнца в промышленных масштабах в крае не используется.

Ветроэнергетика также является одной из перспективных в Хабаровском крае. При этом наиболее приемлемыми для использования энергии ветра в крае являются побережье Охотского моря, Татарского пролива и частично долины реки Амур. В крае изготавливаются ветроэнергетические установки мощностью от 250 Вт до 10 кВт.

В настоящее время в Хабаровском крае смонтировано более 500 ВЭУ разной мощности, которые используются для энергоснабжения лесозаготовительных, охотничьих и фермерских хозяйств.

Биоэнергетика в крае представлена главным образом отходами биомассы от лесной отрасли.

Количество древесных отходов в местах рубок на территории края по разным оценкам составляет свыше 25 тыс. м³ в год. Биомасса (дрова) используется в качестве топлива на 56 коммунальных отопительных котельных. Кроме того, в крае широко используются биоэнергетические установки мощностью 6 и 12 кВт для получения

биогаза. Значительное количество отходов лесной отрасли используется населением в качестве печного топлива.

Геотермальная энергетика представлена в крае только тепловыми насосами. В Хабаровском крае реализовано лишь несколько средних по мощности проектов с применением тепловых насосов для теплоснабжения и кондиционирования жилых домов, офисных и складских помещений общей мощностью около 180 кВт.

Заключение. Проведённое краткое исследование функционирования топливно-энергетического комплекса Хабаровского края позволяет сделать общий вывод о том, что он в целом обеспечивает потребности развития экономики и населения края, а принимаемые меры по его модернизации, определённые Стратегией социально-экономического развития Хабаровского края до 2030 года, позволят в перспективе удовлетворить потребности устойчивого развития народного хозяйства.

Между тем, существуют направления в его развитии, которые требуют повышенного внимания и активизации действий. В электроэнергетике к такому направлению следует отнести электросетевую систему. Особую тревогу вызывает физический износ распределительных подстанций, на некоторых из которых он достигает 80 процентов. К недостаткам энергетического комплекса следует отнести также его топливный баланс, смещённый в сторону угля как основного топлива. Как отмечалось, в топливном балансе природный газ не превышает 10 процентов, практически отсутствуют гидроресурсы и возобновляемые источники энергии. В итоге, сложившаяся ситуация является одной из причин повышенных тарифов на электроэнергию как для промышленных потребителей, так и для населения.

В топливно-энергетическом комплексе края слабым «звеном» остаются возобновляемые источники энергии (ВИЭ). Между тем для Хабаровского края, с его «очаговым» размещением производительных сил и населения и достаточной ресурсной базой указанных источников, это направление должно получить приоритетное значение, в особенности для обеспечения энергией удалённых районов.

Список литературы и источников:

1. Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Хабаровского края на период до 2030 года/ Постановление Правительства Хабаровского края от 13 июня 2018 г. № 215-пр.[URL: docs.cntd.ru/document/465353006](https://docs.cntd.ru/document/465353006)

2. Панкратьева С. Г. Современное состояние и перспективы развития энергетики Хабаровского края // Власть и управление на

Востоке России. 2019. № 3 (88). С. 156–163. DOI 10.22394/1818-4049-2019-88-3-156 -163

3. Бердин В. Х. Возобновляемые источники энергии в изолированных населенных пунктах Российской Арктики. М.: Всемирный фонд дикой природы (WWF), 2018. 80 с.

4. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 15.07.2019 № 1544 - р. «О перечне генерирующих объектов тепловых электростанций, подлежащих модернизации (реконструкции) или строительству в неценовых зонах оптового рынка электрической энергии и мощности» URL: publication.pravo.gov.ru/Document/

5. Об утверждении государственной программы Хабаровского края: Энергоэффективность и развитие энергетики в Хабаровском крае. URL: <http://docs.cntd.ru/document/995151172> (дата обращения 10.09.2019).

4. Дарькин С. М. Перспективы развития энергетики Дальневосточного федерального округа // Стратегический экономический обзор. № 25. 2018.

СОБЛЮДЕНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ТРЕБОВАНИЙ КАК РЕАЛЬНАЯ ВОЗМОЖНОСТЬ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ РАБОТЫ ЛОСОСЕВЫХ РЫБОВОДНЫХ ЗАВОДОВ САХАЛИНСКОЙ ОБЛАСТИ

*Гринберг Е. В.,
ФГБОУ ВО «СахГУ»,
г. Южно-Сахалинск
Христофорова Н. К.,
д-р биол. наук, профессор,
ДВФУ, г. Владивосток
Литвиненко А. В.
канд. биол. наук, доцент,
ФГБОУ ВО «СахГУ»,
г. Южно-Сахалинск*

Аннотация. Предложен комплексный подход к проблеме увеличения эффективности работы лососевых рыбоводных заводов Сахалинской области, объяснена сущность понятия «экологические требования» к рыборазведению, показаны пути и приведены конкретные примеры улучшения экономических показателей работы рыбоводных предприятий без дополнительных финансовых затрат.

Ключевые слова: искусственное воспроизводство, лососевый рыбоводный завод, горбуша, кета, промысловый возврат, себестоимость, эффективность работы, экономическая выгода

Рыбная отрасль наряду с лесной и нефтегазовой занимает в экономике Сахалина и Курил одно из ведущих мест. Для понимания путей развития, построения планов и прогнозов, а также поиска рычагов увеличения эффективности работы рыбохозяйственного сектора экономики области, необходимо знать на каких основаниях он держится.

В общем виде рыбная или рыбохозяйственная отрасль имеет пять составляющих:

- рыболовство;
- рыбоводство (аквакультура);
- переработка;
- вспомогательная инфраструктура;
- профильные НИИ и вузы.

Цель нашей работы – анализ второй составляющей. Аквакультура (рыбоводство), а точнее две её формы – искусственное воспроизводство (здесь будем называть его искусственное разведение – ИР) и пастбищное рыбоводство (ПР) в Сахалинской области стремительно развиваются. Достаточно сказать, что количество лососевых рыбоводных заводов (ЛРЗ) с конца XX века изменилось более чем в четыре раза – с 17 до 75 [1]. Вклад искусственно разведенных кеты и горбуши в валовых ежегодных уловах значительный. Особенно значимы эти доли для основного объекта ИР и ПР – кеты (по некоторым оценкам количество искусственно разведенной кеты в уловах достигает 90% [2]).

Эффективность работы ЛРЗ оценивается по большому числу показателей, например себестоимости выращивания одного малька, рентабельности и окупаемости предприятия, количеству работников на один миллион продукции и др. Но самый значимый показатель – это промысловый возврат, который принято выражать в процентах или в абсолютном исчислении – штуках, тоннах (центнерах). Именно по доле промыслового возврата можно сделать большинство как экономических, так и экологических выводов об эффективности работы ЛРЗ. Мы намеренно употребляем термины «экономический» и «экологический» вместе, потому что они взаимосвязаны и взаимозависимы.

Увеличение промыслового возврата в зоне действия любого ЛРЗ – сложная задача, решить которую можно только реализуя экологический подход к процессу ИР и ПР на каждом отдельно взятом предприятии с учетом его специфики. Перечислим часть направлений и работ в рамках экологического подхода к разведению тихоокеанских лососей для увеличения экономических показателей эффективности работы:

- совершенствование действующего и разработка нового рыбоводного оборудования;
- ихтиопатологические исследования для разработки экологичных и щадящих мер борьбы с заболеваниями рыб и/или их предупреждения;
- изучение гидрологических и гидробиологических условий в прибрежной зоне базовых рек ЛРЗ;
- определение «приемной емкости» приустьевых зон базовых водотоков и взаимосвязи оптимальных сроков выпуска молоди с ее длиной, массой и возрастом в градусо- и календарных днях;
- экспериментальный поиск оптимальных показателей факторов среды в разные периоды производственного процесса (для эмбрионов в период инкубации, для предличинок в период выдерживания, для личинок и мальков в период подращивания);
- создание простых и доступных тестов для определения готовности молоди к скату (завершенности процесса смолтификации);
- определение набора и соотношения разводимых объектов (видов лососей) на основе научных рекомендаций с учетом экологической специфики района выпуска и форм лососей (горбуша летняя или осенняя, осенняя кета речная или озерная);
- возврат к разведению горбуши на исторически «горбушевых» реках и многие другие предложения.

В понятие «экологический подход» обязательно должна быть включена подготовка квалифицированных кадров, прошедших обучение по программам бакалавриата и магистратуры или переподготовка по направлению «Водные биоресурсы и аквакультура». Не менее важно для работников ЛРЗ Сахалино-Курильского региона периодическое (один раз в 3–5 лет) повышение квалификации.

Повторимся, что экологический подход к ИР тихоокеанских лососей тесно связан с экономической составляющей работы ЛРЗ. Реализуя его в каждом производственном периоде рыбоводного цикла, а также на этапах анализирования предыдущего цикла и подготовки к новому, без каких-либо дополнительных затрат и усилий можно значительно улучшить качество выпускаемых мальков и существенно (на 10–15%) увеличить их количество. В основе экологического подхода к рыборазведению на ЛРЗ лежит создание, регулирование и контроль оптимальных экологических условий (абиотических и биотических) для производителей, эмбрионов (икры), предличинок, личинок и мальков, а также неукоснительное соблюдение биотехники.

Рыбоводный (производственный) цикл по разведению тихоокеанских лососей привычно делят на несколько

последовательных периодов. Начинается все с проведения рыбоводной путины (работа с производителями, сбор и осеменение икры, подготовка икры к инкубации и транспортировке), затем происходит череда последовательных периодов, протекающих под крышей инкубационно-личиночных цехов и питомников – инкубация икры, выдерживание предличинок и подращивание молоди. На некоторых ЛРЗ подращивание мальков происходит в каналах, бассейнах или прудах под открытым небом.

Для каждого из основных производственных периодов приведем небольшие примеры – расчеты «цены» ошибок и нарушений биотехники ИР или экономико-экологических выгод, а также кратко опишем последствия как нарушений, так и непонимания принципа оптимальности экологических условий при искусственном разведении пойкилотермных организмов. Расчеты выполнены на основе более чем двадцатилетнего опыта работы на ЛРЗ о. Сахалин, а в качестве объекта выбрана кета как наиболее массово разводимый в области вид.

В период работы с производителями, при выдерживании их в садках, за счет создания и соблюдения условий экологического способа стимулирования созревания гонад, от каждых 1000 штук рыб можно добиться выживаемости 960 штук, против 720 штук, рассчитываемых по действующим нормам [3]. От 240 штук «лишних» рыб, которые могли бы погибнуть даже при незначительных нарушениях экологических условий выдерживания, можно получить:

- 780 кг кеты «зубатки» (кеты с нерестовыми изменениями), если рыб просто выловить и продать;
- 288,6 тыс. штук живой свежеоплодотворенной икры или
- 60 кг икры-сырца (от 120 штук самок) и
- 720 кг потрошеной кеты, если рыб использовать для сбора живой икры или просто выпотрошить самок для получения икры-сырца.

Неправильное (неграмотное) выдерживание, обездвиживание (забой) производителей, неверные действия при получении икры, спермы и осеменении приводят не только к тому, что более 30% икринок могут быть не оплодотворенными, но и к более тяжким, отсроченным по своим проявлениям экономическим и экологическим последствиям. Например, на всех последующих этапах развития продукции, полученной с нарушениями биотехники, выживаемость хоть и находится порой в границах биопоказателей, но достоверно меньше, при сравнении со здоровой продукцией. Еще хуже (опаснее) такие сложно статистически доказуемые последствия, как ухудшение физиологических показателей

продукции, сокращение резистентности к заболеваниям, замедление темпов весового и линейного роста и др.

Первичный учет и инвентаризация икры в результате неверно определенной массы одной икринки (в том числе и из-за нарушений правил проведения набухания икры, ее упаковывания и транспортировки) выявляют как недостачу, так и излишек икры, что одинаково чревато и экологическими, и экономическими последствиями (например, невыполнением плана выпуска молоди из-за недостающей икры или ухудшением физиологического состояния и снижением выживаемости из-за превышения плотности посадки при избыточно собранной и заложенной икре). Приведем конкретный пример расчета количества икринок в 500 кг собранной икры: когда в одном случае масса икринки будет определена как 250 мг, а в другом – 220 мг. Если масса икринки на самом деле 250 мг, то истинное количество собранной икры (2000,0 тыс. шт.) будет на 273,0 тыс. шт. (13,7%) меньше необходимого, и предприятие заплатит значительный штраф за невыполнение договора.

Личиночный и мальковый этапы развития лососей составляют суть производственного периода подращивания, и именно они предваряют ответственнейший момент выпуска молоди и полностью зависят от производственной грамотности работников – от эффективности выдерживания производителей, сбора икры, ее инкубации, выдерживания предличинок. Все ошибки и нарушения, а точнее их последствия, накапливаются как снежный ком и проявляются в отставании весового и линейного темпов роста, плохом усвоении кормов, снижении резистентности к заболеваниям, увеличении затрат кормов и себестоимости выращивания одного малька и др.

Одним из удобных и специфичных критериев оценки качества периода подращивания служит так называемый «кормовой коэффициент» («коэффициент оплаты корма») – КК. Допустим, КК, установленный фирмой-производителем кормов, составляет не более 0,7. При условии подращивания здоровой молоди без нарушений биотехники, в оптимальных экологических условиях фактический КК будет не выше 0,6. Таким образом, для подращивания 1 млн штук мальков до массы 1000 мг, на заводе вместо 490 кг корма используют всего лишь 420 кг, а распорядиться 70 кг «лишнего» корма могут несколькими способами.

Стоимость одного килограмма сбалансированного полноценного корма, как правило, начинается с 200 руб. и сэкономленный корм можно выгодно продать. Если же продолжать кормить молодь на ЛРЗ, то сверх установленной массы к выпуску возможно получить для каждого малька 117 мг прироста и выпустить со средней массой 1,117 г. Еще один вариант использования

сэкономленного корма – выкормить до плановой «навески» и выпустить дополнительное количество мальков. В нашем примере – 167,1 тыс. штук сверх каждого миллиона по плану выпуска или 3510,0 тыс. штук для завода с мощностью по выпуску 21,0 млн штук.

Согласно биотехническим показателям [3], при инкубировании икры кеты выживаемость составляет около 90%, при выдерживании предличинок – 98% и при подращивании молоди – 97%. Таким образом, от каждого собранного 1,0 млн штук икры кеты на ЛРЗ необходимо получить не менее 855,5 тыс. штук мальков. Опыт показывает, что за счет создания оптимальных условий среды, соответствия потребностям организма на эмбриональном, личиночном и мальковом этапах и недопущения нарушений биотехники ИР, выживаемость можно существенно увеличить и получить 940,5 тыс. штук мальков от каждого заложенного миллиона икринок.

Для среднестатистического ЛРЗ с мощностью по выпуску 21,0 млн штук и по сбору около 24,5 млн штук такая экономия позволит выпустить примерно 2082,5 тыс. штук (+9,9%) мальков сверх плана и получить дополнительно в виде возврата (допустим в 1%) не менее 20 825 штук рыб или 67,68 тонн рыбы.

Все вышеприведенные экономические (и экологические) выгоды могут быть достигнуты без дополнительных затрат, только за счет грамотных и добросовестных действий при ИР тихоокеанских лососей.

Список литературы и источников:

1. Сахалино-Курильское территориальное управление Федерального агентства по рыболовству // Электрон. дан. Режим доступа URL: <http://www.sktufar.ru/си> (дата обращения 24.10.2022).
2. Коряковцев Л. В. Современное состояние искусственного воспроизводства тихоокеанских лососей в Сахалинской области, проблемы и перспективы развития // Международная морская научная школа по искусственному разведению гидробионтов: Сб. науч. трудов. Изд-во Санкт-Петербургского государственного аграрного университета. Пушкин. 2015.
3. Методика расчёта объёма добычи (вылова) водных биологических ресурсов, необходимого для обеспечения сохранения водных биологических ресурсов и обеспечения деятельности рыбоводных хозяйств, при осуществлении рыболовства в целях аквакультуры (рыбоводства) // Приказ №25 Министерства сельского хозяйства Российской Федерации от 30.01.2015. В действие вступил 10.03.2015.

ФОРМИРОВАНИЕ И РЕАЛИЗАЦИЯ ИННОВАЦИЙ В ЭКОНОМИКЕ ХАБАРОВСКОГО КРАЯ

*Гудкова Е. В.,
канд. экон. наук,
ИЭИ ДВО РАН,
г. Хабаровск*

Аннотация. Определены целевые ориентиры модели формирования и реализации инноваций в экономике Хабаровского края, обосновывается переход к стимулированию межрегиональной промышленной кооперации.

Ключевые слова: пространственная специфика, целевые ориентиры модель, микроструктура, Хабаровский край

В соответствии со Стратегией научно-технологического развития Российской Федерации [1] в стране осуществляется переход к модели производственно-технологической инновации. В её рамках в Стратегии социально-экономического развития Хабаровского края на период до 2030 года [2] поставлена задача перехода к инновационной экономике. Она заключается в повышении привлекательности Дальнего Востока России для человека и бизнеса, индустриализации и выводе на ключевое место в мировых трансграничных потоках.

Хабаровский край занимает 18 место по объему ВРП на душу населения. В структуре ВРП основное место занимает промышленное производство (22,0%). Процесс возникновения, производства, распространения практических новшеств, модели формирования и реализации инноваций, микроструктур обосновывают лидирующие позиции авиа-судостроения Хабаровского края: Комсомольский-на-Амуре филиал АО «Гражданские самолёты Сухого»; ПАО «Амурский судостроительный завод»; АО «Хабаровский судостроительный завод».

Индекс промышленного производства [3] в январе 2021 г. к январю 2020 г. составил 93,5%. В 2022 г. по сравнению с соответствующим периодом предыдущего года составил 104,6%, против индекса производства транспортных средств и оборудования 135,7% за аналогичный период.

В структуре отгруженной продукции по виду экономической деятельности обрабатывающих производств в период с 2005 г. по 2020 г. следует выделить рост доли производства машин и оборудования, транспортных средств с 19,2% до 24,8% [4].

Рост инвестиций в основной капитал определен развитием высокотехнологичных предприятий ТОСЭР «Комсомольск», расширением производств по механической обработке деталей,

режущего инструмента и композитных материалов производственной площадки «Парус», созданием индустриального парка, механообработывающих производств на базе филиала «Завод Амурлитмаш» АО «Дальэнергомаш».

Риски санкций негативно влияют на производство и экспорт высокотехнологичной продукции. Комплекс экономических мер ориентирован на рост межрегиональной промышленной кооперации в условиях международных экономических санкций. Реализация крупных проектов авиа-судостроения, гражданского и военного назначения, стимулирует укрепление межрегиональных связей Хабаровского края с субъектами Центрального, Северо-Западного, Сибирского, Приволжского федеральных округов.

Изменения процесса возникновения, производства, распространения практических новшеств, модели формирования и реализации инноваций, определили антикризисные меры, осуществляемые Правительством Хабаровского края. В них предусмотрено формирование кластеров «Недра»; «Зеленый кластер»; «Инжиниринг промышленности городской среды»; «Междисциплинарный кластер»; «Цифровой регион».

В результате намечены ориентиры для процессов производства, распространения и реализации инноваций в экономике Хабаровского края.

Список литературы и источников:

1. Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41449/page/1> (дата обращения: 24.08.2022).
2. Стратегия социально-экономического развития Хабаровского края на период до 2030 года. URL: <https://mines.khabkrai.ru/Strategicheskoe-planirovanie/Dokumenty-strategii-socialno-ekonomicheskogo-razvitiya-kraya/> (дата обращения: 23.09.2022).
3. Социально-экономическое положение Хабаровского края. URL: <https://gks.ru/region/doc11108/Main.htm> (дата обращения: 23.08.2022).
4. Регионы России. Социально-экономические показатели - 2021 г. URL: https://www.gks.ru/bgd/regl/b21_14p/Main.htm (дата обращения: 23.10.2022).

ЭКСПОРТ РОССИЙСКИХ ЭНЕРГОРЕСУРСОВ В СТРАНЫ СВА В УСЛОВИЯХ САНКЦИЙ

*Дёмина О. В.,
канд. экон. наук,
Мазитова М. Г.,
ИЭИ ДВО РАН,
г. Хабаровск*

Аннотация. Проанализирована динамика экспорта российских энергоресурсов в 2010–2021 гг. Показано, что основными торговыми партнерами для Дальнего Востока являлись Китай, Республика Корея и Япония (СВА-3). Приведена хронология введения санкционных ограничений на ТЭК России в 2014–2022 гг. Описано участие стран СВА-3 в секторальных ограничениях на российский ТЭК и оценено влияние санкций на экспорт энергоресурсов.

Ключевые слова: ТЭК, санкции, экспорт энергоресурсов, Дальний Восток, Северо-Восточная Азия

Экспорт российских энергоресурсов в 2010–2021 гг.

Резкое изменение внешних условий функционирования российской экономики в рамках санкционных ограничений, введенных в 2022 г., вызывает вопросы о компенсаторных возможностях экспорта энергоресурсов в восточном направлении в условиях практически полной потери европейского рынка.

Развитие ТЭК Дальнего Востока на протяжении последних двух десятилетий было подчинено национальной цели по расширению экспорта российских энергоресурсов в АТР. Так, в 2010–2021 гг. развитие ТЭК макрорегиона характеризовалось ростом производственных показателей: угля – в 1,7 раз, природного газа – в 1,8 раз и нефти – 1,9 раз. Доля Дальнего Востока в структуре производства первичных энергоресурсов страны увеличилась с 5 до 8%, а в структуре экспорта – с 9 до 15%.

В 2010–2021 гг. объем экспорта дальневосточных энергоресурсов в натуральных показателях увеличился в 1,8 раза. При этом доля первичных энергоресурсов, направляемых на экспорт, в структуре добычи составляла – 60–73%.

Для Дальнего Востока в силу его экономико-географического положения основными рынками сбыта энергоресурсов являются Китай, Япония и Республика Корея (СВА-3).

Санкции в отношении российского ТЭК в 2014–2022 гг.

В силу значимого вклада ТЭК в основные макропоказатели России сектор стал одной из основных мишеней для применения секторальных санкций по мере эскалации российско-украинского

конфликта. Инициатором введения были США, которые поддержали страны Европейского союза, Великобритания, Канада, Австралия, Новая Зеландия и Япония и пр.

Первые ограничения были введены в 2014 г. с целью ухудшения условий разработки месторождений углеводородов со сложными геологическими условиями и направлены на снижение конкурентоспособности российского ТЭК в долгосрочной перспективе. В результате санкций данного периода наблюдался отток иностранных инвестиций, была снижена интенсивность освоения месторождений арктического шельфа, при этом динамика показателей деятельности предприятий ТЭК практически не изменилась [1, с. 10-18].

В 2017 г. наблюдалось ужесточение санкций с сохранением основных направлений воздействия: ограничение доступа к капиталу и технологиям, ограничение сотрудничества с российскими компаниями в энергетических проектах. В данный период под санкционные ограничения попали российские трубопроводные проекты, что обусловило задержку сроков реализации газотранспортной системы Северный поток-2, заблокировав дополнительный канал поставок российского газа на европейский рынок [2, с. 14-19].

Самые масштабные санкции введены в 2022 г.: запрет на инвестиции в ТЭК России, эмбарго на российские энергоресурсы, прекращение поставок оборудования для ТЭК и его обслуживания в рамках текущих контрактов, приостановка действия зеленых сертификатов, расширение списка высокотехнологичного оборудования, запрещенного к ввозу в Россию [3, с. 3-11].

Масштаб санкционных ограничений со стороны стран СВА-3 различается.

Япония присоединилась к санкциям, введенным США и Евросоюзом, в финансово-экономической, торговой, технологической, транспортной сферах.⁵ Так, в списке запрещенных к экспорту в Россию товаров и технологий в июле оказались более 400 наименований, среди которых программное обеспечение, нефтеперерабатывающее оборудование, грузовая техника, самосвалы, бульдозеры, железнодорожные локомотивы, обрабатывающие станки и другое электрическое оборудование, используемое в промышленности.⁶ Прежде всего ограничения скажутся на угольной и горно-металлургической промышленности. Высокий процент японского оборудования находится на предприятиях Дальнего Востока.⁷

---

⁵ Подробнее см.: [4, с. 98-103].

⁶ Япония в июне довела до нуля импорт нефти из России. ТАСС. 21.07.2022. <https://tass.ru/ekonomika/15274305> (дата обращения: 08.11.2022).

⁷ Экскаваторы попали под каток // Коммерсант. 10.06.2022. <https://www.kommersant.ru/doc/5405713> (дата обращения: 08.11.2022).

Вместе с тем Министерство экономики, торговли и промышленности Японии составило список импортируемых из России полезных ископаемых и энергоресурсов, замена которых является проблематичной в краткосрочной перспективе. В список вошли: нефть, СПГ, уголь и коксующийся уголь, газы, включая неон, используемые при производстве полупроводников, палладий, ферросплавы.⁸

Республика Корея также присоединилась к санкциям в финансовой сфере, но добилась исключения своих технологических компаний из-под экспортных санкций против России.

Китай официально не присоединился к санкциям в отношении России, однако соблюдает ограничения, введенные со стороны США, нарушение которых предполагает ввод вторичных санкций.

Последствия санкций для экспорта продукции ТЭК в страны СВА-3 в 2022 г.

Электроэнергия. Китай является основным потребителем российской электроэнергии, поставляемой в восточном направлении (84%). Поставки осуществляются в рамках долгосрочного контракта, заключенного в 2012 г. При этом контракт был пересмотрен в 2021 г. в сторону увеличения объема экспорта. В соответствии с соглашением объем поставок в 2022 г. составит 4,4 млрд кВт·ч, что на 16% выше прошлогоднего показателя.⁹

Уголь. Япония в апреле заявила, что намерена постепенно снижать импорт угля из России, а затем полностью запретить его. На долю России приходилось 11% от общего объема импорта угля в Японию в 2021 г. Японская энергетическая компания Kyushu Electric Power, которая закупала в России 7% угля, объявила об отказе от закупок.¹⁰ Ограничения привели к сокращению экспорта российского угля в натуральных измерителях, однако в денежном выражении экспорт многократно увеличился, благодаря росту цен. В итоге за девять месяцев 2022 г. поставки в Японию сократились на 33,4% при увеличении стоимостного объема на 102,3%.¹¹

Республика Корея не делала резких заявлений об отказе от российского угля, но планирует в 1,5 раза увеличить поставки из Австралии, чтобы снизить зависимость от РФ. Корейские компании в

---

⁸ Япония перечислила ресурсы из России, импорт которых трудно заменить // Коммерсант. 31.03.2022. <https://www.kommersant.ru/doc/5283489> (дата обращения: 08.11.2022).

⁹ Россия увеличит экспорт электроэнергии в Китай в 2022 году до рекордных 4,4 млрд кВт·ч // ТАСС. 28.12.2021. <https://tass.ru/ekonomika/13315263> (дата обращения: 08.11.2022).

¹⁰ Российскому углю рада не вся Азия // Коммерсант. 05.09.2022. <https://www.kommersant.ru/doc/5546896> (дата обращения: 08.11.2022).

¹¹ Рассчитано по данным: Trade Statistics of Japan // Ministry of Finance Japan. <https://www.customs.go.jp/toukei/shinbun/happyou.htm> (дата обращения: 08.11.2022).

секторе черной металлургии также активно используют российский коксующийся уголь, а переход на поставки из других регионов может быть проблематичен для коксохимического производства.¹² По итогам девяти месяцев Республика Корея нарастила поставки угля из РФ на 6,3%. Стоимостный объем при этом увеличился на 129,1%.¹³

В отличие от других стран СВА-3 Китай наращивает поставки: за 8 месяцев 2022 г. экспорт российского угля превысил уровень 2021 г. на 3,4%. На рынке угля Китая Россия замещает поставки из Австралии и Индонезии¹⁴. Повышенный спрос обусловлен, в том числе значительным дисконтом (около 65–70% к австралийским аналогам на базе FOB).

Углеводородное сырье. Введение Японией в июне эмбарго на импорт нефти было скомпенсировано увеличением поставок СПГ и беспрецедентным ростом цен на углеводороды. Так, за 9 месяцев 2022 г. стоимостный объем экспорта российской нефти в Японию увеличился на 14,8% при уменьшении количественного объема поставок на 33,9%, стоимость экспорта СПГ увеличилась в 2 раза при увеличении поставок на 6%.¹⁵

Власти Японии неоднократно заявляли о важности дальневосточных проектов «Сахалин-1» и «Сахалин-2» и призывали японские компании не покидать их. После перевода имущества оператора проекта «Сахалин-2» в собственность российской компании на основании Указа Президента РФ¹⁶, японские предприятия подтвердили свое участие в проекте и закупках топлива. Кроме того, одни из крупнейших участников «Сахалина-2» – Mitsubishi и Mitsui – сохранили свои доли в проекте.¹⁷

Следует также ожидать, что после соответствующего Указа Президента РФ¹⁸ о создании нового оператора «Сахалина-1» японские компании подтвердят участие и в этом проекте.

---

¹² Российскому углю рада не вся Азия // Коммерсант. 05.09.2022. <https://www.kommersant.ru/doc/5546896> (дата обращения: 08.11.2022).

¹³ Рассчитано по данным: Trade statistics // Korea Customs Service. https://unipass.customs.go.kr/ets/index_eng.do (дата обращения: 08.11.2022).

¹⁴ Поставки российского угля в Китай достигли максимума за пять лет // РБК. 20.09.2022. <https://www.rbc.ru/business/20/09/2022/6329c3709a79474445b1456f> (дата обращения: 08.11.2022).

¹⁵ Рассчитано по данным: Trade Statistics of Japan // Ministry of Finance Japan. <https://www.customs.go.jp/toukei/shinbun/happyou.htm> (дата обращения: 08.11.2022).

¹⁶ Указ Президента Российской Федерации от 30.06.2022 № 416 «О применении специальных экономических мер в топливно-энергетической сфере в связи с недружественными действиями некоторых иностранных государств и международных организаций». <https://rg.ru/documents/2022/07/04/neftgaz-doc.html> (дата обращения: 08.11.2022).

¹⁷ «Сахалин-2» остался при своих // Коммерсант. 26.08.2022. <https://www.kommersant.ru/doc/5534665> (дата обращения: 08.11.2022).

¹⁸ Указ Президента Российской Федерации от 07.10.2022 № 723 «О применении дополнительных специальных экономических мер в топливно-энергетической

Российские энергоресурсы изначально не попали под санкционные ограничения Республики Корея, но нефтеперерабатывающие заводы страны стремятся сократить импорт российской нефти до нуля, заменив поставками из США.¹⁹ За девять месяцев 2022 г. поставки российской нефти в Республику Корея сократились на 47,6%, стоимостный объем при этом уменьшился на 25%.²⁰

Долгосрочные контракты по поставкам СПГ из России в Республику Корея продолжают исполняться Государственной Корейской газовой корпорацией (KOGAS), являющейся единственным импортером СПГ в стране.²¹ За девять месяцев 2022 г. поставки СПГ уменьшились на 26,6% при увеличении стоимостного объема экспорта на 23,3%.²²

Поставки российской нефти в Китай, осуществляемые в рамках долгосрочных контрактов, сохраняются. Однако спотовые покупки осуществляют мелкие независимые компании, а крупнейшие государственные компании Sinopec, CNOOC, PetroChina, Sinochem от новых спотовых покупок воздерживаются. За 9 месяцев 2022 г. объем экспорта российской нефти превысил прошлогодний уровень за соответствующий период в натуральных показателях – на 8,8%, в стоимостном выражении – в 1,6 раз.²³

Экспорт природного газа из России в Китай осуществляется в двух формах: трубопроводный газ и СПГ. В настоящее время заключены два долгосрочных контракта на поставки трубопроводного газа: по Силе Сибири и по «дальневосточному маршруту». На сегодняшний день действует только первый маршрут, по которому идет постепенное наращивание поставок по мере развития инфраструктуры проекта. За январь-июль 2022 г. поставки трубопроводного газа увеличились в натуральных показателях на

сфере в связи с недружественными действиями некоторых иностранных государств и международных организаций». <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202210070089> (дата обращения: 08.11.2022).

¹⁹ Южная Корея сократила импорт нефти из РФ на 43,7% // Neftegaz.ru. 06.05.2022. <https://neftegaz.ru/news/transport-and-storage/736422-yuzhnaya-koreya-sokratila-import-nefti-iz-rf-na-43-7/> (дата обращения: 08.11.2022).

²⁰ Рассчитано по данным: Trade statistics // Korea Customs Service. https://unipass.customs.go.kr/ets/index_eng.do (дата обращения: 08.11.2022).

²¹ Источник сообщил, что Южная Корея по-прежнему закупает российский СПГ // РИА новости. 28.05.2022. <https://ria.ru/20220528/gaz-1791467499.html> (дата обращения: 08.11.2022).

²² Рассчитано по данным: Trade statistics // Korea Customs Service. https://unipass.customs.go.kr/ets/index_eng.do (дата обращения: 08.11.2022).

²³ Рассчитано по: General Administration of Customs of the People's Republic of China (GACC). <http://english.customs.gov.cn/> (дата обращения: 08.11.2022).

63,4% по сравнению с аналогичным периодом 2021 г.²⁴ В стоимостном выражении за 9 месяцев поставки увеличились в 2,8 раз.²⁵

Таким образом, санкционные ограничения, введенные в 2022 г., обусловили снижение спроса на российскую нефть из-за отказа крупных нефтегазовых компаний стран СВА-3 от спотовых покупок нефти в связи с риском репутационного ущерба и возможных проблем с финансированием, а также сокращение поставок нефти в Японию и Республику Корея из-за остановки проекта «Сахалин-1» по причине выхода оператора проекта Exxon Mobil в связи с американскими санкциями. Эмбарго на российские энергоресурсы еще не отразилось на показателях экспорта за 9 месяцев 2022 г., так как действие эмбарго на уголь вступило в силу только в августе, и потребители заранее наращивали запасы, а по нефти эмбарго вступит в силу только с декабря. При этом для Японии до 5 июня 2023 г. сделано исключение по выведению морских поставок нефти с проекта «Сахалин-2».

Динамика спроса на российский уголь среди стран СВА-3 носит разнонаправленный характер: санкционные ограничения ведут к сокращению экспорта в Японию, в то же время существенный дисконт на российский уголь делает его более привлекательным для Китая и Республики Корея.

Список литературы и источников:

1. Григорьев Л., Гимади В., Курдин А., Мишина О. Секторальные санкции: год спустя // Бюллетень Аналитического центра при Правительстве РФ. 2015. Выпуск № 27. 31 с.

2. Григорьев Л., Гимади В., Амирагян А. и др. Усиление антироссийских санкций и мировой ТЭК // Бюллетень Аналитического центра при Правительстве РФ. 2017. Выпуск № 50. URL: <https://ac.gov.ru/archive/files/publication/a/13864.pdf>.

3. Григорьев Л., Голяшев А., Курдин А. ТЭК России в условиях санкционных ограничений // Бюллетень Аналитического центра при Правительстве РФ. 2022. Выпуск № 106. URL: <https://ac.gov.ru/uploads/2-Publications/energo106.pdf>.

4. Минакир П.А., Мазитова М.Г. Российско-японские торгово-экономические связи: сложная история и туманные перспективы // Японские исследования. 2022. No 3. С. 84–104. <http://dx.doi.org/10.55105/2500-2872-2022-3-84-104>.

---

²⁴ Катков М. Китай в августе закупил у России энергоносители на рекордную сумму // Ведомости. 21.09.2022. <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2022/11/09/949423-sozдание-sobstvennogo-suda-po-pravam-cheloveka> (дата обращения: 08.11.2022).

²⁵ Рассчитано по: General Administration of Customs of the People's Republic of China (GACC). <http://english.customs.gov.cn/> (дата обращения: 08.11.2022).

К ВОПРОСУ О ПЕРИОДИЗАЦИИ И РАЙОНИРОВАНИИ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ОБРАБАТЫВАЮЩЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В РЕГИОНАХ РОССИИ

*Домнич Е. Л.,
канд. экон. наук,
ИЭИ ДВО РАН,
г. Хабаровск*

Аннотация. В исследовании предложена периодизация и районирование регионов России в рамках 2006–2020 гг. с точки зрения инновационного развития обрабатывающей промышленности. На основании анализа стоимостных индикаторов технологических инноваций, дефлированных в постоянные цены 2006 г., обосновано выделение периодов 2006–2013 гг. и 2014–2020 гг. в рамках которых регионы, объединённые в 6 групп, демонстрировали специфические траектории инновационного развития.

Ключевые слова: технологические инновации, регионы, периодизация, районирование

В разрезе отраслей промышленности Росстат де-факто предоставляет один стоимостной индикатор объёма инноваций, пригодный для дефлирования, а значит, способный стать базой для межрегиональных и межвременных сопоставлений: объём отгруженных инновационных товаров, работ и услуг (ОИТ). В 2006–2020 гг. в целом по обрабатывающей промышленности России ОИТ увеличился в текущих с ценах с 0,6 до 3,4 трлн руб., а в постоянных ценах 2006 г.²⁶ до 1,3 трлн руб. Начиная с 2013–2014 гг. ОИТ обрабатывающих производств оставался на уровне 1,3 – 1,4 трлн руб. в постоянных ценах, а затраты организаций на технологические инновации – на уровне 0,6 трлн руб. в текущих ценах. По сути, это означает стагнацию инновационного сектора обрабатывающей промышленности страны в 2014–2020 гг. По нашему мнению, справедлива и другая интерпретация постоянства уровня индикатора: с помощью федерального заказа в противовес многочисленным внешним шокам (от пандемии до санкций) инновационная активность обрабатывающих отраслей сегодня поддерживается приблизительно на уровне 2013 г.

Таким образом, на интервале 2006–2020 гг. выделяются два периода, отличающихся друг от друга как по величине прироста объёма инновационных товаров, так и по содержанию инновационных процессов в обрабатывающей промышленности страны.

---

²⁶Дефлирование индикатора в цены 2006 г. выполнено на основании индекса цен производителей промышленной продукции.

В рамках первого периода, 2006–2013 гг., инновационная активность промышленных предприятий осуществлялась в условиях открытой экономики, обрабатывающие производства которой сильно упростились и потеряли объёмы выпуска в результате кризиса 2008 – 2009 гг. [1–5], а затем восстанавливались вследствие благоприятной рыночной конъюнктуры. Среднее геометрическое значение ежегодных темпов роста ОИТ за этот период составило 112,8% при том, что в 2008 г. зафиксировано падение (отрицательный прирост) показателя на 7,4%, а в 2009 г. – на 16,5%.

Во время второго периода, 2014–2020 гг., инновационная активность предприятий осуществлялась в условиях всё более сужающихся возможностей для международного сотрудничества и привлечения иностранных технологий при возрастающей роли прямой государственной поддержки. Темп роста ОИТ в этот период стал менее волатильным нежели в 2006–2013 гг., однако его среднее геометрическое значение за 2014–2020 гг. составило лишь 98,5% (отрицательный прирост на 1,5%). Пребывание на «плато 2013 г.» в течение 7 лет на самом деле означает медленное сползание уровня производства по мере деградации технологической и отраслевой структуры.

Важно, что противопоставление периодов 2006–2013 гг. и 2014–2020 гг. справедливо для динамики ОИТ обрабатывающей промышленности каждого региона²⁷. Далеко не во всех регионах динамика ОИТ совпадает со среднероссийской, однако везде рубеж 2013–2014 гг. стал точкой перелома регионального тренда. Это даёт основание для группирования обрабатывающего комплекса страны на основе сходства и различий динамики ОИТ в рамках 2006–2013 и 2014–2020 гг. (табл. 1). В 40 регионах период 2006–2013 гг. стал временем восстановления и роста ОИТ (средний темп роста более 105%). В 2014–2020 гг. наращивание ОИТ продолжилось в 14 таких регионах, стагнировало (средний темп роста от 95% до 105%) в 16 регионах и снижалось (средний темп роста менее 95%) в 10 регионах. Указанные регионы можно условно объединить, соответственно, в 1-ю, 2-ю и 3-ю группы.

В обрабатывающей промышленности 14 регионов в 2014–2020 гг. открылись возможности для роста, которых не было в 2006–2013 гг. В том числе динамика ОИТ в 7 из них в 2006–2013 гг. стагнировала, а в других 7 – снижалась. Эти регионы объединены, соответственно, в 4-ю и 5-ю группы. Наконец, обрабатывающая промышленность 15 регионов стагнировала либо сокращала ОИТ как в 2006–2013 гг., так и в 2014–2020 гг. Эти регионы объединены в 6-ю группу. Правдоподобно

---

²⁷Здесь и далее из выборки исключены г. Севастополь, республики Алтай, Ингушетия, Калмыкия, Карачаево-Черкесская, Крым, Тыва, Хакассия, Чечня, Забайкальского края, Чукотский автономный округ и Еврейская автономная область.

предположить, что обрабатывающая промышленность регионов, включённых в состав каждого их шести районов, характеризуется общностью реакции на внешние шоки, одинаковым доступом к источникам финансирования и общим сходством механизмов инновационного развития.

Таблица 1 - Группы регионов, выделенные на основании динамики объёма инновационных товаров в обрабатывающей промышленности в 2006–2020 гг.

Группы	Динамика объёма инновационных товаров		Регионы, включённые в состав групп
	2006 – 2013	2014–2020	
1	рост	рост	республики Марий Эл и Удмуртия, Камчатский и Хабаровский края, Белгородская, Волгоградская, Костромская, Мурманская, Омская, Оренбургская, Рязанская, Смоленская, Тульская, Тюменская области
2	рост	стагнация	г. Санкт-Петербург, республики Башкортостан, Мордовия, Татарстан, Чувашия, Красноярский и Ставропольский края, Владимирская, Ки-ровская, Курская, Ленинградская, Магаданская Нижегородская, Ростовская, Ульяновская, Ярославская области
3	рост	спад	г. Москва, Республики Адыгея, Бурятия и Коми, Архангельская, Астраханская, Липецкая, Новосибирская, Саратовская, Челябинская области
4	стагнация	рост	Приморский край, Брянская, Воронежская, Иркутская, Пензенская, Псковская, Тамбовская области
5	спад	рост	республики Дагестан и Карелия, Краснодарский край, Ивановская, Орловская, Калининградская, Кемеровская области
6	стагнация / спад	стагнация / спад	республики Алтай, Кабардино-Балкария, Саха (Якутия), Пермский край, Амурская, Вологодская, Калужская, Курганская, Московская, Новгородская, Самарская, Сахалинская, Свердловская, Тверская, Томская области

Примечание: составлено автором.

Список литературы и источников:

1. Домнич Е. Л. Структура дальневосточного машиностроения: проблемы измерения и опыт оценки // Региональная экономика: теория и практика. 2016. №8. с. 4 – 18.

2. Домнич Е. Л. Технико-экономическое развитие машиностроения Дальнего Востока на современном этапе // Труды Братского государственного университета. 2015. Т.1. с. 11 – 14.

3. Минакир, П. А., Демьяненко, А. Н. Пространственная экономика: эволюция подходов и методология // Экономическая наука современной России. – 2010. - №3. – с. 7 – 25.

4. Митяков С. Н., Митякова О. И., Мурашова Н. А. Инновационное развитие регионов России: ранжирование регионов // Инновации. 2018. №1. с. 36 – 42.

5. Унтура Г. А., Есикова Т. Н., Зайцев И. Д., Морошкина О. Н. Проблемы и инструменты аналитики инновационного развития субъектов РФ // Вестник Новосибирского гос. Ун-та. Серия: Социально-экономические науки. 2014. Т. 14. вып. 1. с. 81 – 100.

ЭКОНОМИКА РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ: НОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ВОЗМОЖНОСТИ

*Дондоков З. Б.-Д.,
д-р экон. наук, профессор,
БНЦ СО РАН,
г. Улан-Удэ*

Аннотация. Дана оценка воздействия новых геополитических условий на экономику Республики Бурятия. Определены проблемы и возможные перспективы развития отдельных отраслей республики.

Ключевые слова: Республика Бурятия, отрасль, промышленность, ограничения

Введение беспрецедентных санкций коллективного Запада на фоне проведения специальной военной операции (СВО) определяет необходимость структурной перестройки экономики России и ее регионов.

В соответствии с Указом Президента Российской Федерации в территориях субъектов РФ введены различные режимы жизнедеятельности.²⁸ В дальневосточных регионах, включая Республику Бурятия, установлен «уровень базовой готовности», характеризуемый минимальным перечнем мер. Таким образом, в них в меньшей степени по сравнению с рядом российских регионов, действуют ограничения, обусловленные проведением СВО.

---

²⁸ Указ Президента Российской Федерации от 19 октября 2022 г. № 757 «О мерах, осуществляемых в субъектах Российской Федерации в связи с Указом Президента Российской Федерации от 19 октября 2022 г. № 756».

Новые условия по-разному влияют на функционирование и перспективы развития отраслей экономики Республики Бурятия. В условиях складывающейся геополитической ситуации значительные изменения происходят в сфере российского экспорта. Действующие запреты и ограничения в отношении вывоза продукции предприятий России негативно влияют на производство в газовой и нефтяной промышленности, цветной и черной металлургии, лесопереработке и других отраслях по добыче и первичной обработке природных ресурсов.

В Республике Бурятия динамика промышленного производства в течение 9 месяцев 2022 г. характеризовалась неоднозначными процессами по конкретным видам деятельности. В целом за прошедший период объем промышленного производства по сравнению с аналогичным периодом прошлого года вырос 24,3% [1, с. 9]. Во многом это объясняется низкой производственной активностью в 2021 г., связанной с ограничениями, действовавшими в условиях пандемии COVID-19. Вместе с тем в сентябре 2022 года произошел резкий спад промышленного производства – 68,1% по сравнению с 2021 г. Следует отметить, что в предшествующие месяцы ситуация была значительно лучше. Так, в мае 2022 г. соответствующее значение составляло 197,8%, в июне – 92,3%, в июле – 115,4%, в августе – 96,7%. Основная причина спада промышленной продукции в Бурятии в сентябре 2022 г. кроется в резком снижении производства в ВЭД «Производство прочих транспортных средств и оборудования». Значение показателя в этом периоде составило лишь 19,8% от аналогичного показателя прошлого года. Продукция этой отрасли производится на двух крупнейших машиностроительных предприятиях республики – Улан-Удэнском авиационном заводе и Улан-Удэнском локомотивовогоноремонтном заводе.

Вместе с тем, производство по ВЭД «Добыча полезных ископаемых» в течение 9 месяцев 2022 г. характеризовалось положительной динамикой. За этот период времени было произведено продукции на 59,9% больше, чем годом ранее. При этом в сентябре объем отгруженной продукции составил 162,9% от соответствующего показателя 2021 г. Это свидетельствует о том, основные предприятия отрасли, включая Тугнуйский угольный разрез, продукция которого в основном шла на экспорт в страны Восточной Азии, ОАО «Хиагда», занимающееся добычей природного урана, не испытывали особых затруднений. Тем не менее, в новых геополитических условиях не исключаются значительные, в т.ч. негативные изменения спроса на продукцию этих предприятий. Неопределенная ситуация на рынке минерально-сырьевых ресурсов может отрицательно повлиять на

перспективы реализации новых крупных проектов по добыче полезных ископаемых.

Вместе с тем, в новых условиях возрос спрос на высокотехнологичные изделия, используемые для проведения СВО. Так, ОАО «Улан-Удэнское приборостроительное производственное объединение», входящее в ОАО «Концерн «Радиоэлектронные технологии» (КРЭТ) Госкорпорации Ростех, испытывавшее в последние годы большие проблемы с производственной загрузкой, в настоящее время перешло на трехсменный график производства.²⁹ В связи с этим на предприятии обострилась кадровая проблема: требуются токари, фрезеровщики, инженеры-конструкторы, технологи и укладчики. Нехватка квалифицированных кадров ставит новые задачи для службы занятости и системы профессионального образования республики. Следует отметить, что такая интенсификация производства является признаком перехода экономики Республики Бурятия на «мобилизационные рельсы».

В течение 9 месяцев 2022 г. в Республике Бурятия произошел значительный прирост объемов работ по ВЭД «Строительство». По сравнению с аналогичным периодом прошлого года он составил 43,0%, а в сентябре этот показатель достиг 58,4%. Во многом это связано с реализацией крупных инфраструктурных и социальных проектов, входящих в федеральные программы. Среди них можно отметить строительство нового моста через реку Уда в г. Улан-Удэ, реконструкцию участка автомобильной дороги Улан-Удэ – Курумкан, строительство школ и детских садов. В обозримом будущем с учетом усложняющейся экономической ситуации следует ожидать уменьшение объемов государственного финансирования таких проектов, а также снижение производственной активности в жилищном строительстве.

В условиях нарастающих проблем в международных и межрегиональных перевозках, роста транспортных и логистических издержек российские регионы сталкиваются с вопросами наполнения внутреннего рынка потребительских товаров. Это может способствовать развитию местной промышленности, включая производство одежды, обуви, строительных материалов, продуктов питания, а также сельского хозяйства.

Одним из перспективных направлений развития экономики Республики Бурятия с учетом СВО может стать рекреационно-оздоровительная деятельность, включающая наряду помимо оказания туристических услуг и традиционно сложившегося в республике

---

²⁹ В Улан-Удэ промпредприятия усиливают режим работы из-за ситуации с Украиной [Электронный ресурс]. – URL: <https://ulan.mk.ru/economics/2022/11/02/v-ulanude-prompredpriyatiya-usilivayut-rezhim-raboty-izza-situacii-s-ukrainoy.html> (дата обращения: 05.11.2022).

санаторно-курортного лечения, оказание новых медицинских реабилитационных услуг.

Список литературы и источников:

1. Социально-экономическое положение Республики Бурятия. Январь – сентябрь 2022 г. Комплексный доклад. Бурятстат. – Улан-Удэ, 2022. – 119 с.

К ВОПРОСУ ОЦЕНКИ УРОВНЯ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ

*Егоров Н. Е.,
канд. физ.-мат. наук, доцент,
Давыдова З. Е.,
СВФУ,
г. Якутск*

Аннотация. В статье представлена методика оценки уровня инновационного развития регионов (ИРР) России на основе авторской эконометрической модели «Тройная спираль» на примере субъектов Дальневосточного федерального округа (ДФО). В качестве информационной базы использованы статистические сборники Росстата и Роспатента за 2020 год. Результаты рейтинговой оценки интегрального уровня ИРР показали лидирующие позиции Камчатского края, Магаданской области и Хабаровского края. Приведенная методика может быть использована региональными властями для проведения оперативной оценки современного состояния инновационной деятельности в субъектах России.

Ключевые слова: регион, инновационное развитие, эконометрическая модель, Тройная спираль, статистические показатели

О концепции модели Тройной спирали (ТС) имеется множество научных трудов зарубежных и отечественных исследователей. Например, различные формы инновационного развития в рамках модели ТС на примере зарубежного опыта рассмотрены в работах [1-4]. С научными трудами, посвященными вопросам адаптации модели ТС в регионах России, можно ознакомиться в материалах статей российских ученых, опубликованных, например, за последние годы [5-8]. Во всём мире с трех спиральной моделью работают ученые и практики из различных областей и междисциплинарных сфер исследования, таких как искусственный интеллект, политическая

теория, социология, профессиональная этика, высшее образование, региональная география, организационное поведение, находя возможности для интеграции и новых направлений в исследовании теории ТС [4].

Оперативная оценка уровня инновационного развития регионов (ИРР) Дальневосточного федерального округа (ДФО) выполнена на основе авторской эконометрической модели Тройной спирали [8] по трем статистическим показателям [9, 10], характеризующим конечные результаты инновационной деятельности (ИД) акторов ТС (наука, бизнес, государство):

- выдача патентов в России на изобретения, полезные модели и промышленные образцы в расчете на 10000 численности рабочей силы региона (ЧРС);

- объем инновационных товаров работ, услуг (в процентах от общего объема отгруженных товаров, выполненных работ, услуг);

- затраты на ИД из средств бюджетов субъектов Российской Федерации (в процентах от общего объема затрат на ИД).

Результаты численных расчетов показали, что в 2020 году по уровню ИРР среди субъектов ДФО лидирующие позиции занимают Камчатский край, Магаданская область и Хабаровский край, при этом пять регионов ДФО имеют более высокие значения, чем по России. По значениям доли вклада акторов в общий уровень ИРР существенный вклад на лидерские позиции регионов оказывают показатели объемов затрат на ИД из средств бюджетов субъектов, например, для Камчатского края они составляют 99,6%. Следует отметить, что в 2020 году в Магаданской области ИРР полностью обусловлена благодаря только финансовой поддержки региональной власти (100%), когда как в Хабаровском крае наблюдается существенный вклад бизнеса (99,2%) на инновационное развитие. Относительно высокие показатели вклада региональной власти в уровень ИРР также наблюдаются у Чукотского АО (99,8%), Забайкальского края (99,3%) и Республики Саха (Якутия) (95,2%).

Таким образом, в 2020 году в уровень ИРР ДФО основной вклад внесли бюджетные затраты регионов. Результаты корреляционно-регрессионного анализа показали высокое значение коэффициента линейной парной корреляции ($R=0,94$) взаимосвязи интегрального значения ИРР и затрат на ИД из средств бюджетов субъектов ДФО, что указывает на возможность выполнения прогнозных оценок зависимости уровня ИРР от бюджетных средств региона, выделяемых на ИД.

По результативности изобретательской деятельности первое место занимает Еврейская АО, у которой данный показатель существенно выше, чем у других регионов ДФО (в 3,9 раза больше, чем среднее по ДФО), а также и аналогичного среднего значения по

РФ. Следует отметить, что данный показатель отражает эффективность патентной активности экономически активного населения Еврейской автономной области (37 полученных патентов на 78 тыс. ЧРС), что обеспечило 6 место в рейтинге распределения уровня ИРР среди регионов ДФО.

Как следует из расчетов, Хабаровский край занимает второе место в рейтинге по сводному интегральному индексу инновационного развития. Данный факт в основном обусловлен тем обстоятельством, что в 2020 году в крае наблюдается высокий показатель объема по выпуску инновационной продукции, что превышает его средние значения по РФ и ДФО почти в 3,2 и 5,9 раза, соответственно. На втором и третьем месте расположились Камчатский и Приморский края.

Одним из важных индикаторов для динамического развития ИД в регионе является государственная поддержка местной власти в виде финансирования из средств регионального бюджета. По данным 2020 года наибольший объем затрат на ИД из средств бюджетов субъектов ДФО был выделен Камчатским краем: 41,3% от общего объема затрат на ИД. Отметим, что в 5 регионах ДФО объем затрат на ИД за счет средств бюджета субъекта выше, чем в среднем по РФ (1,5%). Таким образом, лидирующее положение Камчатского края по уровню ИРР среди субъектов ДФО обусловлено, в основном, высокими показателями бюджетных затрат на ИД и объемом выпуска инновационной продукции.

Таким образом, сводный интегральный уровень инновационного развития регионов, рассчитанный по авторской эконометрической модели Тройной спирали, может быть использован региональными властями для проведения оперативной оценки современного состояния инновационной деятельности в субъектах РФ.

Список литературы и источников:

1. Etzkowitz H., Zhou C. The Triple Helix: University–Industry–Government Innovation and Entrepreneurship. New York: Routledge. 2018. 328 p.
2. Saad M., Zawdie G. Theory and Practice of Triple Helix Model in Developing Countries: Issues and Challenges. New York: Routledge. 2011. 336 p. DOI: [10.4324/9780203838211](https://doi.org/10.4324/9780203838211).
3. Cai Y., Etzkowitz H. Theorizing the Triple Helix model: Past, present, and future // Triple Helix Journal. 2020. № 6(1). С. 1-38. DOI: 10.1163/21971927-bja10003.
4. Борисоглебская Л.Н., Михайлов В.Н. Взаимодействие университетов, бизнеса и государства в контексте «тройной спирали» на зарубежном примере: проблемы и перспективы // Приоритетные научные направления: от теории к практике. 2016. № 21. С. 175-186.

5. Артемова Д.И. Государственная власть, стратегия развития регионов, «Тройная спираль» // Государственная власть и местное самоуправление. 2020. № 9. С. 36-44. DOI: 10.18572/1813-1247-2020-9-36-44.

6. Батракова Л.Г. Инновационное развитие регионов России по модели Тройной спирали // Социально-политические исследования. 2020. № 3(8). С. 67-80. DOI: 10.20323/2658-428X-2020-3-8-67-80.

7. Антонов А.Г., Помогаева К.Ю. Инновационная спираль // Московский экономический журнал. 2019. № 5. С. 5. DOI: [10.24411/2413-046X-2019-15005](https://doi.org/10.24411/2413-046X-2019-15005).

8. Егоров Н.Е., Васильева Н.В. Оценка уровня инновационного развития регионов на основе эконометрической модели «Тройная спираль» и российского регионального инновационного индекса // Вопросы инновационной экономики. 2022. Т. 12. № 3. DOI: [10.18334/vinec.12.3.115181](https://doi.org/10.18334/vinec.12.3.115181).

9. [Регионы России. Социально-экономические показатели. 2021: Стат. сб. / Росстат, 2021. 1112 с. URL: https://rosstat.gov.ru](https://rosstat.gov.ru)

10. Поступление патентных заявок и выдача охранных документов в России по субъектам Российской Федерации. URL: <https://fips.ru>.

О МЕХАНИЗМЕ ИНТЕГРАЦИИ ГОРНОДОБЫВАЮЩЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В ЭКОНОМИЧЕСКУЮ СИСТЕМУ ХАБАРОВСКОГО КРАЯ

*Жукова И. В.,
канд. экон. наук, доцент,
Дальневосточный институт управления – филиал РАНХиГС,
г. Хабаровск*

Аннотация. Существующая в настоящий момент система государственного управления в недропользовании не всегда учитывает особенности и интересы российских регионов, что сказывается не только на воспроизводстве минерально-сырьевой базы, но и ведет к снижению объемов проведения геологоразведочных работ и нарушению стадийности и последовательности их проведения. Значение горнодобывающей промышленности в экономике регионов Дальнего Востока России трудно переоценить. Добыча полезных ископаемых является определяющим видом экономической деятельности и для Хабаровского края. Между тем, правильно определенные инструментальные средства в управлении, максимально интегрированные в управляемый (управляющий) объект (горнодобывающую отрасль промышленности) позволяют не только

разработать оптимальную инновационную модель управления, но и предложить новые элементы механизма интеграции промышленности в ту или иную экономическую систему. Таким элементами автор считает геологические, горнотехнические и эколого-экономические предпосылки развития горнодобывающей промышленности и минерально-сырьевой базы.

Ключевые слова: горнодобывающая промышленность, механизм интеграции, минерально-сырьевые ресурсы, интегрированная система управления

Решение стратегических задач, связанных с экономическим ростом, которые сегодня стоят перед экономикой страны, достижением поставленных целей национальных проектов требует значительного увеличения объемов использования минерально-сырьевых ресурсов. Поэтому стратегии регионального развития должны быть согласованы с прогнозами национальной системы в целом и прогнозами других региональных систем. Автор согласен с утверждениями ведущих экономистов страны и другими исследователями в том, что в таком случае обязательно должны быть учтены территориальная и пространственная локализации видов экономической деятельности, обусловленные специализацией соответствующего региона [1, 2].

Для регионов обладание существенными запасами минерально-сырьевых ресурсов определяет на долгие годы их специализацию и характер развития. Экономика региона, в котором доходы формируются не менее чем на 50% за счет использования природных ресурсов, имеют полное право называться «сырьевыми регионами» или «сырьевыми (ресурсоориентированными) территориями».

Дальневосточный регион вносит немалый вклад в социально-экономическое развитие Российской Федерации, поскольку Дальний Восток вместе с акваториями представляет собой крупнейшую минерально-сырьевую базу России.

Общее количество перспективных площадей для разведки новых месторождений превышает 10 тысяч. В общей сложности в регионе насчитывается 1100 месторождений различных полезных ископаемых, 280 объектов ранга месторождений с прогнозными ресурсами, порядка 9300 рудопроявлений, многие тысячи ожидающих своей оценки пунктов рудной минерализации, шлиховых и геохимических аномалий [3].

В Хабаровском крае разрабатываются месторождения угля, строительных материалов, подземных вод, олова, но наиболее развита добыча благородных металлов, в первую очередь золота. 10 % всех разведанных в России запасов золота приходится именно на долю Хабаровского края, Хабаровский край входит в число трех основных золотодобывающих регионов России [4]. Добыча полезных

ископаемых является определяющим видом экономической деятельности для Хабаровского края.

Между тем, степень освоения минерально-сырьевого потенциала горнодобывающим комплексом Хабаровского края низкая. Это связано, прежде всего, со слабой экономической освоенностью, определяющей низкую востребованность потенциала и повышенную себестоимость добычи. Существующий организационно-экономический механизм управления горнодобывающей промышленностью не отвечал, и не отвечает и в настоящий момент, современным требованиям осуществления хозяйственной деятельности, не отражает всех взаимосвязей между федеральными, региональными и отраслевыми органами управления горнодобывающей промышленностью. Действующая система государственного управления отраслью ориентирована лишь на решение текущих вопросов, но не является динамичной, в то время как проблемы управления отраслью, как правило, носят долговременный характер, и их решение требует продуманной долгосрочной стратегии и энергичной государственной региональной политики [5].

В связи с этим необходим организационно-экономический механизм управления горнодобывающей промышленностью динамичный, способный при любых изменениях внешних и внутренних факторов воздействовать на процесс добычи с целью и воспроизводства, и удовлетворения потребности в минеральном сырье.

Автор уже указывал ранее, что проблемы минерально-сырьевого сектора в регионе можно разделить на 2 основных группы [5]:

1. Проблемы его функционирования (поиски и разведка - создание минерально-сырьевой базы предприятий – добыча и реализация сырья - воспроизводство минерально-сырьевой базы);

2. Проблемы взаимосвязи с другими секторами экономики и социальной сферы.

В первой группе наиболее актуальными проблемами являются:

- восполнение минерально-сырьевой базы;

- государственное регулирование недропользования (в последние годы акценты в этой сфере сместились в пользу контроля и надзора, и принизились действия, направленные на развитие минерально-сырьевого комплекса).

Во второй группе важнейшие проблемы можно сформулировать следующим образом:

- обеспечение сырьем устойчивого энергопроизводства (энергетическая безопасность);

- замещение ввозимого минерального сырья минеральным сырьем, имеющимся в регионе;

- повышение эффективности использования производимого в регионе минерального сырья для сельского хозяйства, строительства и других внутренних потребностей.

Автор утверждает, что решение этих проблем возможно через сближение экономических и геологических аспектов в управлении в горнодобывающей промышленности края. Для тех территорий, на которых горнодобывающие предприятия осуществляют добычу, в настоящий момент дальнейшее развитие связано с укреплением минерально-сырьевой базы (инвестициями в геологоразведку), внедрением новых технологий добычи и переработки руд. Для новых же районов дальнейшее развитие связано с территориальной организацией комплексов на основе государственно-частного партнерства, обоснованием первоочередных объектов освоения путем сравнительных экономических расчетов [6].

Таким образом, перспективы развития горнодобывающей промышленности возможны на основе интеграции с действующими предприятиями. А геологические, горнотехнические и эколого-экономические предпосылки развития горнодобывающей промышленности и минерально-сырьевой базы являются элементами механизма интеграции горнодобывающей промышленности в экономическую систему Хабаровского края. Предлагаемые для использования элементы позволяют сбалансировать экономические интересы горнодобывающих предприятий, потребителей минерально-сырьевой продукции и собственника недр; распределить на взаимовыгодной основе доходы между государством – собственником недр и недропользователями; пополнить доходную часть бюджетов всех уровней в части платежей при пользовании недрами.

Список литературы и источников:

1. Андриченко Л.В. Стратегия государственного регионального развития Российской Федерации: правовые основы. – Журнал российского права. №5 (245), 2017. С. 5-17.

2. Крюков В.Г. Природные ресурсы Дальнего Востока: состояние, перспективы освоения // Природно-ресурсный потенциал Азиатской России и сопредельных стран: пути совершенствования использования. Материалы международной конференции (Иркутск, 11-13 сентября 2002 г.) - Иркутск: Изд-во Института географии СО РАН, 2002, с. 6-7.

3. Бакулин Ю.И., Жукова И.В. Реформирование минерально-сырьевого сектора экономики Дальнего Востока завершено. //О некоторых вопросах и проблемах экономики и менеджмента. Материалы международной научно-практической конференции (Красноярск, 10 ноября 2015 г.) – Изд-во: Инновационный центр развития образования и науки, 2015. С. 66-72.

4. Жукова И.В. Организационно-экономический механизм управления горнодобывающей промышленностью (на примере Хабаровского края): дисс. канд. экон. наук/ Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск, 2011. 181 с.

5. Жукова И.В. Минерально-сырьевой комплекс Дальнего Востока: от ресурсов до экономической базы промышленности. – Хабаровск: Дальневосточный институт управления - филиал РАНХиГС. 2019. 160 с.

6. Жукова И.В. Классификация проблем в недропользовании. М., Государственная служба. 2016. №6 (104). С. 21-27.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ С ОТЕЧЕСТВЕННЫМ И ЗАРУБЕЖНЫМ РЫНКАМИ ТОВАРОВ

*Изотов Д. А.,
д-р экон. наук,
ИЭИ ДВО РАН,
г. Хабаровск*

Аннотация. На основе таможенной статистики и статистики ввоза-вывоза товаров производственного и потребительского назначения проведен анализ взаимосвязи Дальнего Востока России с отечественным и зарубежным товарными рынками. Показано, что макрорегион в основном вывозил товары на близлежащие зарубежные рынки, а ввозил – из других регионов России.

Ключевые слова: внешняя торговля, зарубежный рынок, отечественный рынок, Дальний Восток России

Перспективы для диверсификации торговых потоков России в пользу ключевых стран Восточной Азии главным образом связаны с развитием дальневосточного макрорегиона, который территориально относится к АТР. Функционирование экономики Дальнего Востока России осуществляется в условиях протекания различного рода процессов, а также влияния экзогенных и эндогенных факторов. Помимо уникального экономико-географического положения и, в связи с этим, выполнения макрорегионом транзитных функций, производство избыточных для экономики сырьевых товаров определяет масштаб торгово-экономических взаимодействий Дальнего Востока со странами АТР.

Как и любые другие открытые экономики, Дальний Восток тесно связан как с отечественным, так и с зарубежным рынками. Поэтому торговые потоки являются важным источником для функционирования

экономики макрорегиона, а для их интенсификации необходимо устранение различного рода барьеров.

В среднем за 2000–2019 гг. стоимостной объем торговли Дальнего Востока со странами Восточной Азии значительно превосходил его торговлю с другими регионами России – почти в четыре раза. Отсутствие гарантированного спроса со стороны национальной экономики, общая неконкурентоспособность местных обрабатывающих производств и высокий уровень транспортных затрат способствовали расширению торговли макрорегиона с территориально близкими экономиками Восточной Азии, из которых выделялись Китай, Япония и Республика Корея [1, с. 33]. Данные страны стали выступать основным рынком сбыта избыточных для Дальнего Востока товаров сырьевой группы.

Увеличение доли зарубежных стран во внешней торговле Дальнего Востока являлось объективным процессом, поскольку данное положение свойственно для регионального развития ряда стран, имеющих схожую структуру с российской экономикой и обладающих протяженной границей с зарубежными странами, характеризующимися емкими рынками. Соответственно, наращивание торговли Дальнего Востока происходило главным образом за счет расширения экспорта в страны Восточной Азии, что объяснялось их территориальной близостью к макрорегиону и высоким спросом на продукцию дальневосточного сырьевого сектора. Важнейшее значение в увеличении стоимостных объемов экспорта макрорегиона играло увеличение цен на сырьевые товары на мировом рынке, особенно углеводородного сырья. По этой причине более половины стоимостного объема экспорта Дальнего Востока приходилось на Сахалинскую область в связи с разработкой нефтегазовых месторождений в данном регионе, преимущественно на основе иностранных инвестиций и технологий [2, с. 644]. Помимо Сахалинской области, в 2010-е гг. стоимостной объем экспорта Дальнего Востока стал увеличиваться за счет нефтегазовых проектов Республики Саха (Якутия), ориентированных преимущественно на китайский рынок.

Наряду с развитием крупных экспортных проектов, в рамках рассматриваемого периода происходило наращивание транзитных функций южных регионов Дальнего Востока для экспорта сырьевых товаров из остальных российских регионов, преимущественно, сибирских. При прочих равных условиях, масштабы экспортных потоков, их структурные характеристики определялись как общими условиями ведения бизнеса в рамках того или иного региона Дальнего Востока, так и способностью мер государственной политики снижать различные барьеры, сдерживающие потенциал расширения экспорта.

Поставки (вывоз) продукции из регионов Дальнего Востока на отечественный рынок преимущественно формировались нефтепродуктами, сырьевыми товарами, продукцией пищевой промышленности, строительными материалами и т.д. Причем большая доля товаров, вывозимых из регионов Дальнего Востока на отечественный рынок, особенно нефтепродуктов, электроэнергии и продукции пищевой промышленности, поступала в другие дальневосточные регионы. В целом, наращивание поставок товаров из регионов Дальнего Востока в остальные регионы России ограничивалось исключительно узкими нишами, которые преимущественно поддерживались государственным спросом, а транспортные издержки по сравнению с регионами Сибири ограничивали целесообразность поставок дальневосточной продукции, аналогичной сибирской, в западные российские регионы.

Товарный ассортимент ввоза из других российских регионов и импорта в регионы Дальнего Востока является сопоставимым, за исключением некоторых инвестиционных товаров. При этом, для входящих торговых потоков было характерно превышение стоимостного объема товаров, ввезенных в дальневосточные регионы с отечественного рынка, над импортом.

Российские производители стали активно использовать в производстве конечной продукции импортные инвестиционные товары и технологии. В долгосрочном периоде наблюдалось в целом переоснащение российскими собственниками производственных фондов за счет импорта для выпуска сопоставимой с зарубежными аналогами продукции, в том числе при использовании в производственном процессе ввозимых из-за рубежа необходимых компонентов. Заметные изменения в пользу отечественных компаний на российском рынке произошли в производстве несложных потребительских товаров, в частности, продовольствия. При этом также нельзя не отметить высокие барьеры для импорта в Россию для целого ряда товарных групп, а также сравнительно низкие цены на энергоносители на российском рынке. Данные аспекты, опираясь на отклонение в предпочтениях российских потребителей в пользу отечественных товаров, а также на систему поддержки ряда ключевых промышленных предприятий, способствовали сравнительно успешному функционированию ряда отраслей промышленности России, выпускающих различные товары, ориентированные на заполнение широких товарных ниш, в том числе на основе массового использования импортного сырья и материалов. Поэтому, являясь частью единого национального рынка, на рынки регионов Дальнего Востока стала массово поставляться продукция из остальных регионов России. Также нельзя не отметить поставку отечественных товаров на

Дальний Восток из других регионов страны в рамках системы закупок компаний федерального значения.

На основе прямых иностранных инвестиций в конце 1990-х и в 2000-е гг. преимущественно в европейской части России были созданы крупные производственные мощности по выпуску различных потребительских товаров, а также товаров производственно-технического назначения глобальным и субглобальным специализированным корпоративным сектором. Данное обстоятельство позволило закрепиться данным корпорациям на рынке России за счет получения конкурентных преимуществ в сбыте своей продукции как на российском рынке, так и для ее экспорта в некоторые постсоветские страны. Локализованные на российской территории сборочные мощности крупнейших зарубежных производителей способствовали наращиванию доли в потреблении отечественных товаров на российском рынке по сравнению с импортом. Данный процесс преимущественно затронул выпуск потребительских товаров длительного пользования, а также инвестиционных товаров и материалов и осуществлялся в условиях сравнительно высоких барьеров для готовой аналогичной импортной продукции и использования различного рода льгот для сосредоточенных в России производственных комплексов. При этом определенная доля товаров, ввозимых на Дальний Восток из остальных регионов страны, изготавливалась из импортных компонентов с малой долей локализации. С этой точки зрения, для Дальнего Востока наблюдалось наращивание товарооборота с остальными регионами страны за счет косвенного перераспределения на территории России масштабных потоков импорта.

Несмотря на то, что в России осуществлялось много попыток создания условий для производства сложных потребительских и инвестиционных товаров на основе зарубежных технологий и капитала с максимальной степенью локализации, российская экономика оставалась в целом зависимой от импорта товаров конечного спроса в данных сегментах рынка. При этом следует заметить, что большая часть потребительских товаров длительного пользования, а также инвестиционного назначения распределялась на российском рынке в рамках сложившихся глобальных и субглобальных производственно-логистических цепочек, а ввозимые в дальневосточные регионы импортные товары, в том числе из стран Восточной Азии, в ряде случаев поступали через портовую инфраструктуру западных регионов России, тем самым увеличивая цены на данные товарные группы на рынке Дальнего Востока.

Снижение экономической активности в странах Восточной Азии в период пандемии повлекло за собой сокращение их внутреннего потребления и, соответственно, снижение цен практически на все

импортируемые товары, в том числе, на продукцию дальневосточного экспорта [3]. В рамках 2020–2021 гг., в условиях пандемии, наблюдалось сокращение экспорта Дальнего Востока почти по всем основным товарным группам. В 2022 г. процесс резкого увеличения цен на сырьевые товары наблюдался наряду с введением беспрецедентных санкций к российской экономике, в результате которых наблюдалось сокращение добычи углеводородного сырья в Сахалинской области. В таких условиях привязанность Дальнего Востока к отечественному рынку станет еще больше. Особую актуальность приобретает расширение торговли с КНР, поскольку Китай остается единственным крупнейшим для России торговым партнером, который в явном виде не придерживается масштабных санкций, введенных в 2022 г. против российской экономики. В любом случае, при прочих равных условиях, наращивание барьеров во внешнеторговых взаимодействиях с зарубежными странами неизбежно будет сдерживать рост открытой экономики, которой является Дальний Восток России.

Список литературы и источников:

1. Экономическое сотрудничество Дальнего Востока России и стран Азиатско-Тихоокеанского региона / отв. ред. П.А. Минакир; Рос. акад. наук, Дальневост. отд-ние, Ин-т экон. исследований; Фонд мира Сасакава. Хабаровск: РИОТИП, 2007. 208 с.
2. Минакир П.А. Экономика регионов. Дальний Восток / отв. ред. А.Г. Гранберг; Институт экономических исследований ДВО РАН. М.: ЗАО «Издательство «Экономика», 2006. 848 с.
3. Изотов Д.А. Внешнеторговый дизайн на Дальнем Востоке: динамика, структура, вызовы // Регионалистика. 2020. Т. 7. № 5. С. 39–52.

**СЕВЕРО-АРКТИЧЕСКИЕ ТЕРРИТОРИИ ДАЛЬНЕГО
ВОСТОКА: МАГИСТРАЛЬНАЯ ИНФРАСТРУКТУРА И
ФОРМИРОВАНИЕ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО МЕЗОРЕГИОНА**

*Краснопольский Б. Х.,
д-р экон. наук,
ИЭИ ДВО РАН,
г. Москва*

Аннотация. Особенности жизнедеятельности коренного и пришлого населения на северо-арктических территориях Дальнего Востока, естественная «усеченность» их пространственно-хозяйственных образований являются причиной определенных трудностей в

рациональном и сбалансированном развитии их пространственной структуры, вызывают определенные природно-экологические и социально-экономические дисбалансы и др. По нашему представлению, большие возможности здесь кроются в опережающем создании и развитии внешних (магистральных) элементов инфраструктуры данных образований, понимаемых в системно-эволюционном плане, в создании условий для системных взаимосвязей всех формирующихся составляющих этих образований и действия механизмов получения системно-эмерджентных, мультипликативных эффектов, начиная с первичных этапов их формирования. Судя по протекающим процессам в пространственном развитии северо-восточных арктических и «приарктических» территорий Дальнего Востока, которые исторически развивались в тесной системной взаимосвязи, здесь естественным образом совместно формируется некий Северо-Восточный мезорегион. Это означает, что к пространственному развитию этих территорий, их социумов и экономических структур необходимо подходить как к единому пространственно-хозяйственному образованию.

Ключевые слова: государственное регулирование, пространственно-хозяйственные образования, Дальний Восток, магистральная инфраструктура, системный подход, пространственное развитие, системная эффективность пространственных образований, Северо-Восточный мезорегион

В данном случае, прежде всего, речь может идти о возможностях стратегического планирования, которое является базой государственного регулирования, методология и методика которого тесно связана именно со стратегическими оценками опережающего создания элементов пространственной инфраструктуры, в первую очередь – ее магистральных составляющих. В основе системы стратегического планирования, как это хорошо известно, лежит Федеральный закон "О стратегическом планировании в Российской Федерации"³⁰. Из документов по стратегическому планированию прекрасно видно, что роль инфраструктуры в реализации различного рода программ государственного регулирования развития пространственно-хозяйственных образований весьма высока, что требует повышенного внимания к научной проработке ее проблем, тем более в специфических условиях дальневосточного сектора Арктической зоны РФ (АЗРФ).

Большинство литературных источников в области теоретических проблем формирования и функционирования такой категории

---

³⁰ Федеральный закон от 28.06.2014 N 172-ФЗ (ред. от 31.07.2020) "О стратегическом планировании в Российской Федерации". URL: dc5442cb47f4b0a30f3adf9a0f530d26 (дата обращения: 17.09.2022).

экономических систем как инфраструктура показывает, что методологические подходы к изучению этого феномена строятся в основном на *отраслевых подходах* [1-5]. Данные подходы связаны в основном с оценкой чисто экономических функций, затрат и результатов, входящих в состав инфраструктуры видов деятельности. Подобные подходы имеют свой эффект. Но они не являются, по нашему мнению, достаточно научно обоснованными и перспективными. Методологический подход к исследованию феномена инфраструктуры должен строиться на базе альтернативного направления в современной экономической науке, а именно – симбиоза эволюционной и системной экономических теорий (системно-эволюционная экономика), который вытекает из *системно-эволюционной парадигмы* в современном естествознании [6; 7]. Такие методологические приемы, отражающие *системный эффект* инфраструктуры, должны строиться на концептуальных подходах, исследования на основе которых имеют тесные связи с такими понятиями как *хаос (беспорядок) и стабильность (порядок)*, отражающими сущность двух противоположных, но взаимодополняющих моделей организации систем: *иерархической и гетерархической*. Внутренние (эндогенные) и внешние (экзогенные, магистральные) элементы инфраструктуры реализуют эти состояния порядка и хаоса в развитии систем. Внутренние элементы ответственны за создание и поддержание *порядка* в системе, внешние элементы – за *открытость* системы, что связано с внесением определенной порции *хаоса* с экзогенного уровня, который вынуждает рассматриваемую систему к постоянному совершенствованию механизмов самоорганизации и адаптации к изменяющимся внутренним и внешним условиям [8].

Что касается арктического бассейна, то в связи с известными событиями на Украине против нашей страны были направлены масштабные санкции Запада, в т.ч. стран-членов Арктического совета. По этой причине Россия, несмотря на то, что она является председателем этого совета в 2021–2023 гг., перенаправила свои усилия с международного уровня на решение внутренних проблем АЗРФ. Наша страна укрепляет транспортно-сырьевую специализацию арктической зоны на базе начавшегося в предыдущие годы *создания восьми опорных зон промышленно-сырьевого развития*, что, естественно, ведет к росту объемов перевозок по Севморпути и повышению интенсивности морского трафика [9-11]. Две из этих зон (Северо-Якутская и Чукотская) расположены в восточном секторе АЗРФ, в северо-арктической части Дальневосточного макрорегиона. Эти промзоны обладают достаточно благоприятными условиями для развития здесь в качестве отрасли специализации добывающей промышленности.

В качестве первичной основы социально-экономического развития любой территории выступают ее исторически сформировавшиеся муниципальные образования – опорные населенные пункты (ОНП). Что касается АЗРФ, то в этом плане недавно была опубликована научная работа по исследованию развития ОНП Российской Арктики [12]. Исследователями были выделены ряд критериев и три основные группы функций этих ОНП: обеспечение внешней безопасности, внутренней безопасности и социально-экономического развития поселковых агломераций. В северо-восточной части АЗРФ было выделено по названным критериям и функциям около *двух десятков* ОНП. Выводы и предложения в приведенной выше работе можно считать вполне доказанными. Но для решения вопросов инфраструктурного развития на *более высоких уровнях пространственно-хозяйственных образований* АЗРФ этого недостаточно. Эти стратегические оценки, по нашему мнению, должны вытекать из проработки направлений развития следующих их составляющих:

- опорные населенные пункты (направления их развития в первом приближении оценены, в частности, в приведенной выше работе по ОНП);

- опорные зоны промышленно-сырьевого освоения (направления оценены в соответствующих правительственных документах, которые упоминались выше);

- опорная сеть магистральной инфраструктура с ее внешними и внутренними элементами регионального и межрегионального уровней, закладывающая системные основы для объединения и тесной взаимосвязи воспроизводственных и социально-организующих процессов на территории (предстоит оценка ее развития с учетом тех методических подходов, которые предлагаются в данной статье);

- схема пространственно-хозяйственных образований регионального и межрегионального масштаба, формирующихся на базе опорных населенных пунктов, опорных промзон и опорной магистральной инфраструктуры, выступающая в качестве объекта государственного регулирования (предстоит оценка направлений их развития, учитывая те методические предложения, которые также предлагаются в данной статье).

Что касается двух последних составляющих оценки, то здесь возникают некоторые соображения, также частично вытекающие из упомянутой выше работы по ОНП АЗРФ [12, с. 113-115]. В данной работе обращается внимание на то, что при выявлении подобных населенных пунктов в арктической зоне необходимо учитывать роль базовых поселений на «подарктических» территориях, не входящих непосредственно в состав АЗРФ. В дальневосточном секторе АЗРФ это касается как Чукотки, так и северо-арктических улусов Якутии, где в качестве таких поддерживающих поселений выступают населенные

пункты приарктических территорий Магаданской области и центральных районов Республики Саха (Якутия).

Вообще, тесное взаимодействие между районами высокоширотного Дальнего Севера и Ближнего Севера сложилось исторически и оно практически неразрывно. Применительно к северо-арктическим территориям Дальнего Востока возникает весьма неординарное представление о *естественном существовании здесь некоего Северо-Восточного мезорегиона*³¹ как части Дальневосточного макрорегиона³². Что касается этого пространственного образования, то исходя из высказанных выше соображений, можно сделать следующий вывод:

- необходимо на данном этапе развития восточных территорий АЗРФ разработать специальную федеральную целевую программу «*Формирование опорной сети системно-организованной магистральной инфраструктуры на северо-арктических территориях Дальнего Востока (Северо-Восточный мезорегион) на долгосрочную перспективу*». Именно эта программа будет выступать в дальнейшем в качестве объекта государственно-регионального регулирования и стратегического планирования. Роль этого мезорегиона важна еще и тем, что он практически является трансграничным «форпостом» АЗРФ и Северо-Востока России в Северо-Тихоокеанской зоне и граничит со штатом Аляска, США, ныне недружественной страной для нашего государства, что связано с обеспечением геостратегической безопасности России.

Данная программа с перспективным лагом в несколько десятков лет даст импульс к реализации всех других возможностей повышения

---

³¹ Термин *мезорегион* идет от типологических соотношений таких понятий как макро-, мезо- и микро-. В нашем случае наиболее масштабной в этом смысле структурой является *Дальневосточный макрорегион*. Именно относительно этого региона и возникает представление о существовании некоего Северо-Восточного мезорегиона как его части, который занимает срединное положение между макро- и микроструктурами. Речь об этом мезорегионе идет только в *исследовательских целях*, а не для каких-либо изменений в системе управления Дальневосточным макрорегионом, что вообще не является актуальным в настоящее время.

³² Здесь есть некоторая аналогия, если вспомнить историю нашей страны 1950-60-х годов прошлого века, с созданием во времена СССР на этих территориях так называемого *Северо-Восточного совнархоза* в составе Якутии и Магаданской области (включая Чукотку, которая тогда административно входила в состав Магаданской области). Это была своеобразная структура, в основном связанная с политико-административными реформами, происходившими тогда в стране, с переходом от в основном отраслевого управления экономикой страны к территориальному принципу. Совнархоз внес огромный вклад в комплексное развитие этого региона, в создание базы освоения природных ресурсов, системы расселения, магистральной инфраструктуры, например, Колымской автотрассы Магадан-Якутск с ее ответвлениями, речных транспортных коммуникаций, морских портов, системы энергообеспечения и др.

эффективности экологически ответственного, экономически рационального и социально сбалансированного дальнейшего освоения и устойчивого развития восточно-арктических территорий АЗРФ в тесной связи с «подпитываемыми» это развитие приарктическими территориями Северо-Востока страны. Разработка подобной программы может быть возложена на Институт экономических исследований ДВО РАН, имеющий огромный многолетний опыт проведения научных разработок на Дальнем Востоке [13], который недавно создал исследовательский Консорциум, объединяющий научные коллективы и организации, ведущие фундаментальные и прикладные исследования проблем экономического, социального и научно-технологического развития Дальнего Востока как на региональном, так и федеральном уровнях. Этот Консорциум обладает высоким научно-исследовательским потенциалом для разработки предлагаемой программы.

Список литературы и источников:

1. Кузнецова А.И. Инфраструктура: Вопросы теории, методологии, прикладные аспекты современного инфраструктурного обустройства. Гео-экономический подход. Изд. 3-е. М: КомКнига. 2013. 456 с.
2. Ланцов А.Е. Инфраструктура: понятие, виды и значение // Экономика, статистика, информатика. 2013. №3. С. 47-52.
3. Jochimsen, R. Theorie der Infrastruktur: Grundlagen der marktwirtschaftlichen Entwicklung. Tübingen, J.C.B. Mohr. 1966. 253 p.
4. Buhr, W. What is Infrastructure? // Department of Economics, School of Economic Disciplines, University of Siegen. Siegen Discussion Paper. No. 107- 03. 2003. 32 p.
5. Carlsson R., Otto A. & Hall J.W. The role of infrastructure in macroeconomic growth theories // Civil Engineering and Environmental Systems. 2013. Vol. 30 (3-4). Pp. 263-273.
6. Нельсон Р., Уинтер С. Эволюционная теория экономических изменений / пер. с англ. М.: Дело. 2002. 536 с.
7. Клейнер Г.Б. Новая теория экономических систем и ее приложения // Журнал экономической теории. 2010. №3. С. 41–58.
8. Краснопольский Б.Х. Институциональная инфраструктура пространственно-хозяйственных образований Арктики // Экономика региона. 2022. Т. 18, вып. 2. С. 353-368. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2022-2-4>.
9. Дальневосточная и Тихоокеанская Арктика: на перекрестке двух океанов и континентов / отв. ред. Б.Х. Краснопольский; Институт экономических исследований ДВО РАН. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН. 2021. 248 с.

10. Лазарев В.А. Северный морской путь как фактор притяжения товарных потоков из Северо-Восточной Азии // Регионалистика. 2019. Т. 6. № 6. С. 77-87.

11. Леонов С.Н., Заостровских Е.А. Влияние портов Северного морского пути на формирование очаговых зон освоения восточной Арктики // Арктика: экология и экономика. – 2021. – Т. 11. – № 1. – С. 6–18.

12. Опорные населённые пункты Российской Арктики: материалы предварительного исследования. URL: <https://arctic-russia.ru/article/opornye-naseleнные-punkt-y-novy-y-subekt-prostranstvennogo-razvitiya-arktiki/> (дата обращения: 01.11.2022).

13. Минакир П.А., Прокапало О.М. Экономика Дальнего Востока России: состояние и перспективы // Регионалистика. 2017. Т. 4. № 3. С. 48-56.

ЗАВИСИМОСТЬ ЯПОНО-РОССИЙСКИХ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ ОТ ДЕНЕЖНО-КРЕДИТНОЙ ПОЛИТИКИ ЯПОНИИ

*Криводубова Ю. В,
ИЭИ ДВО РАН,
г. Хабаровск*

Аннотация. Рассматриваются эффекты взаимосвязи между регулированием инфляционных процессов в Японии и развитием торгово-экономических отношений с российским Дальним Востоком. Показано, что особенности японской финансовой системы, финансовых рынков и финансовых институтов определяют более низкий уровень инфляции в экономике по сравнению с большинством стран мира. Это при прочих равных условиях создает приоритетность для поддержания региональных торгово-экономических взаимосвязей, включая российский Дальний Восток, даже в условиях усиления влияния политических рисков.

Ключевые слова: международная торговля, денежно-кредитная политика Японии, инфляция, российско-японские отношения на Дальнем Востоке

Взаимозависимость состояния национальных денежно-кредитных систем и развития международных торговых отношений имеет большое значение при формировании и реализации двухсторонних проектов (1, с. 312-327). При этом устойчивость национальной валюты является не только важным индикатором эффективности политики, проводимой центральными банками, но и

служит стимулирующим фактором для поддержки и развития экономических отношений. В установлении партнерских взаимосвязей она может иметь существенное значение для формирования внешнеторговых транзакций.

Для российского Дальнего Востока в этом аспекте приоритетным является рассмотрение состояния инфляционных процессов в экономиках основных партнеров – КНР, Японии, Южной Кореи. В данной работе оценим современное состояние денежно-кредитных показателей третьей экономики мира – Японии, а также их влияние на перспективы развития региональных экономических процессов в Северо-Восточной Азии, включая Дальний Восток России.

После ковидного шока и в условиях углубляющего энергетического кризиса монетарная политика подавляющего большинства стран мира вошла в цикл количественного ужесточения и повышения учетных ставок в целях борьбы с инфляцией, которая повысилась до своего сорокалетнего максимума.

На фоне массовых ускорений инфляционных процессов в мире, охвативших и высокоиндустриальные, и развивающиеся страны, особым объектом следует признать Японию, которая является исключением из текущего общемирового тренда (табл.1).

Таблица 1 - Темпы роста инфляции потребительских цен в странах G7, на конец года, в %

<i>Страна</i>	<i>2019</i>	<i>2020</i>	<i>2021</i>	<i>2022</i> <i>(прогноз)</i>
Канада	2,06	0,7	4,73	6,19
Франция	1,59	-0,18	3,32	6,3
Германия	1,53	-0,65	5,68	10,17
Италия	0,48	-0,28	4,15	8,74
Япония	0,51	-0,9	0,51	2,4
Великобритания	1,3	0,58	5,38	11,34
США	2,05	1,54	7,36	6,38

Источник: World Economic Outlook Database, IMF, October 2022 (6)

К такому эффекту привели не только эффективные действия центрального банка страны, но и особенности формирования и регулирования государством финансовой системы страны. Денежно-кредитная политика Японии всегда находилась в тесной взаимосвязи с её финансовой системой и структурой финансовых рынков, которые на протяжении всей своей истории развития имели ряд уникальных отличительных характеристик, не свойственных другим экономикам мира. Поэтому, несмотря на многие формальные сходства в денежно-кредитной политике Японии и других стран, за использованием

одинаковой терминологии зачастую скрывалось разное содержание [2, с. 196].

Японская финансовая система прошла в своем развитии путь от регулирования методами жесткого административного, практически планового, контроля в послевоенный период 1945-1956 гг., до одной из самых либеральных финансовых систем в мире к началу 2000-х гг. Так, в 1952-1955 гг. доля государственного финансирования в кредитовании нефинансовых корпораций достигала 32,1%, а приоритетных отраслей – 38,9%. В последующие годы она несколько снижалась, но даже при этом оставалась высокой в сравнении с другими странами [3, с.18].

Однако, по мере решения задач восстановления экономики, государство ослабляло свое вмешательство, что в 1953-1975 гг. способствовало началу процессов постепенной либерализации японского финансового сектора, когда методы прямого административного контроля уступили место косвенным методам, подразумевавшим целенаправленное влияние на политику частных финансовых институтов.

Каргилл и Рояма [4] выделили ряд факторов, которые определяли монетарную политику Японии накануне крупномасштабных финансовых реформ и либерализации середины 1970-х гг.

Наиболее значимыми среди них являлись следующие:

(1) Зависимость корпоративного сектора экономики от получения финансирования через банковскую систему (преимущественно через городские банки), что привело к «закредитованности» корпоративного сектора.

(2) Зависимость банковской системы от прямых кредитов Банка Японии, которые являлись главным источником капитала для коммерческих банков – вся банковская система находилась в долгу у Банка Японии. Не только корпоративный сектор, но и банки были «закредитованными». В отличие от центральных банков других стран мира, прямые кредиты Банка Японии являлись основным источником стимулирования роста активов городских банков, что определяло фундаментально иную роль прямого финансирования в денежно-кредитной политике Банка Японии в сравнении с другими странами.

(3) Сложившаяся система движения капиталов между городскими банками и другими финансовыми институтами на межбанковском рынке в связи с имевшей место сегментацией финансовых институтов, при которой городские банки кредитовали крупные корпорации и испытывали недостаток финансовых ресурсов, а региональные банки имели избыток финансовых ресурсов, поскольку кредитовали малый и средний бизнес, финансовые ресурсы между разными финансовыми институтами перераспределялись только через он-кольный рынок, заменявший краткосрочный межбанковский рынок и корректировавший «структурный дисбаланс банковской

ликвидности», которая являлась еще одной особенностью рынка капиталов в Японии. Данное явление исчерпало себя в 1970-х гг., когда стали полноценно функционировать другие финансовые рынки.

(4) Изоляция национального финансового рынка Японии от международных рынков капитала.

В ходе реформирования финансового сектора некоторые уникальные характеристики японских финансовых институтов, финансовых рынков и денежно-кредитной политики были утрачены. Монетарная политика Японии, функционирование финансовых рынков, японские финансовые институты стали во многом идентичны американским по своей организации и функциям, хотя при этом продолжали сохраняться чисто японские система почтовых сбережений, регулирование депозитных процентных ставок, система основного банка, недостаточно развитый рынок государственных ценных бумаг.

После ослабления ограничений на движение капиталов японская финансовая система интегрировалась в мировые финансы, и Япония постепенно стала, наряду с США, ведущим поставщиком капиталов на мировые рынки.

Современная японская финансовая система является третьей в мире по емкости после американской и китайской. По набору используемых инструментов денежно-кредитной политики она идентична другим развитым экономикам мира. Однако, в отличие от них, Япония является единственной страной, неуклонно придерживающейся ультра-мягкой монетарной политики, которую она начала проводить с начала 2000-х гг. для преодоления длительных периодов дефляции. И продолжает этому следовать, вплоть до настоящего времени [5, p.20].

Таким образом, современный низкий уровень инфляции в стране является, прежде всего, следствием политики, проводимой Банком Японии. Это, в свою очередь, является важным стимулом для осуществления национальным бизнесом активных и эффективных экспортно-импортных взаимосвязей, прежде всего, со странами и регионами Северо-Восточной Азии, включая Дальний Восток России. Даже произошедшее присоединение Японии к санкционным антироссийским программам стран Европы и Северной Америки не стало препятствием для поддержания российско-японских внешнеэкономических контактов. Так, японские фирмы при поддержке российского правительства сохранили доли участия в крупных энергетических проектах на Сахалине. В свою очередь, российская сторона предоставила японским фирмам соответствующие их предыдущим акционерным позициям возможности в управлении совместным бизнесом. Это в значительной мере было связано с оценками успешности Японии в управлении экономической и

финансовой системы страны. Этот вариант решения проблем показал, что в двусторонних международных экономических процессах возникновение и реализация крупномасштабных политических рисков могут быть компенсированы устойчивостью показателей функционирования национальных хозяйственных систем, включая эффективную денежно-кредитную политику.

Список литературы и источников:

1. Белов А.В. Япония: экономика и бизнес. С-Пб. Изд-во С-Пб. УН-та. 2017. 383 с.
2. Ackley Gardner, Ishi Hiromitsu. Fiscal, Monetary and Related Policies // Asia's New Giant. How the Japanese Economy Works / Hugh Patrick, Henry Rosovsky (ed.). The Brookings Institute, Washington D.C. 1976.
3. Sakakibara Eisuke. The Japanese Financial System in Transition // Banking in Japan. Volume III: Japanese Banking since 1973: Deregulation, Internationalization and Adjustment / William M. Tsutsui (ed.). London. 1999.
4. Cargill, Thomas F., Royama Shoichi. Monetary Policy Prior To Reform // Banking in Japan. Volume II: Japanese Banking in the High-Growth Era, 1952-1973 / William M. Tsutsui (ed.). London. 1999.
5. Minutes of the Monetary Policy Meeting of the Bank of Japan Policy Board on September 21-22, 2022. URL: https://www.boj.or.jp/en/mopo/mpmsche_minu/minu_2022/g220922.pdf (дата обращения: 4 ноября 2022 г.)
6. World Economic Outlook Database, IMF October 2022 (www.imf.org)

ИНСТРУМЕНТЫ ПРОГРАММНОГО РАЗВИТИЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

*Кулагина О. В.,
канд. экон.наук, доцент,
Дальневосточный институт управления – филиал РАНХиГС,
г. Хабаровск*

Аннотация. Представлен ретроспективный анализ государственных программ развития Дальнего Востока, дана оценка соответствия структурных элементов Национальной программы документам стратегического планирования в части целеполагания, предложены к обсуждению вопросы реорганизации институциональной инфраструктуры управления развитием Дальнего Востока и Арктики.

Ключевые слова: национальная программа, государственные программы развития, социально-экономическое развитие, Дальний Восток

Дальний Восток как тихоокеанский фронт России, территория, которая соприкасается с Азией, является геостратегической важной территорией России, Арктическая зона Российской Федерации вызывает еще больший интерес всех мировых держав.

Дальневосточный регион представляет собой уникальный макрорегион России (площадь – 6169,3 тыс. кв. км, что составляет 36,0% всей территории Российской Федерации). Сам регион располагает богатой минерально-сырьевой базой. Отметим, что освоение Дальнего Востока и привлечение населения в регион представляется неоспоримой задачей, требующей определённого стратегического подхода. Считаем, что в данном стратегическом подходе государственная поддержка становится важным фактором социально-экономического развития макрорегиона.

На Дальнем Востоке богатый опыт реализации государственных программ, доказавших, что эта стратегически важная, экономически сложная территория развиваться другим способом, кроме целенаправленной концентрации государственных ресурсов, не будет. В целях анализа практики применения программного планирования на Дальнем Востоке необходимо оценить результаты программ.

Для выхода региона из кризиса требовалось принятие специальных мер государственной поддержки, концентрации средств государственного бюджета на основных целевых направлениях. Результаты первой программы, реализуемой на Дальнем Востоке («Программа формирования военно-индустриального комплекса» (1930 г.)), были достаточно успешны. Минакир П.А. и Прокапало О.М. в своих научных трудах отмечают, что «к концу 1950-х годов в регионе был сформирован мощный оборонно-промышленный комплекс со специализацией в судостроении и самолетостроении, а также ресурсодобывающий комплекс, эксплуатирующий наиболее эффективные, в том числе уникальные, природные ресурсы. Тем не менее, внутренние ресурсы, полученные от внутрирегиональных продаж и экспорта, изымались в централизованный фонд для последующего перераспределения, что во многом предопределило все последующие проблемы экономического и социального развития Дальнего Востока» [1]. При этом, в следующей программе «комплексного развития производительных сил Дальневосточного экономического района и Читинской области (1967 г.)» было сильно увеличено количество целей, и, как следствие, плановые задания по основным социально-экономическим индикаторам были выполнены не

в полном объеме: в отрасли промышленности ровно половина целей была достигнута, а в аграрной отрасли ни одна цель не достигнута [2].

«Долгосрочная государственная программа комплексного развития производительных сил Дальневосточного экономического района, Бурятской АССР и Читинской области на период до 2000 года» (1987 г.) фактически действовала всего 3 года вместо планируемых 12 лет. Концепция долгосрочного развития Дальневосточного региона перестала соответствовать реалиям экономики, ее следовало модифицировать в направлении доминирования рыночных принципов распределения ресурсов [1]. Провал данной программы обусловлен самой целевой и организационной структурой программы, отсутствием эффективной целереализующей системы и специального организационно-финансового механизма управления, который при необходимой степени централизации осуществлял бы согласование целей функционирования и развития субъектов хозяйствования, контролировал распределение ресурсов между подпрограммами и участниками программы [3]. Подводя итог реализации второй программы, можно сказать, что задуманные целевые установки достигнуты не были, за рассматриваемые годы социально-экономическая ситуация в регионе не улучшилась, а также не были созданы новые стимулы экономического и социального развития.

Федеральная целевая программа экономического и социального развития Дальнего Востока и Забайкалья на 1996–2005 годы была пролонгирована несколько раз, и её реализация должна была завершиться только к 2018 году. Основное отличие этой программы от предыдущих классических состояло в том, что изначально предполагалось децентрализованное управление, что предполагало финансирование основной части программы регион должен обеспечивать сам. Уже на начальных этапах реализации можно было предположить, что программные цели достигнуты не будут, что и подтвердилось к 2000 году. Реальное выделение ресурсов из федерального бюджета в 1996–2000 гг. составило 5,2%, а из региональных бюджетов – около 17%. Инвестиции в программные объекты составили лишь 20% валовых инвестиций, вложенных в экономику региона за 1996–2000 гг. [4].

Федеральный центр не реагировал на возникающие риски во внешней среде для поддержки в экономической политике субъектов РФ, в 1998 году случился валютно-финансовый кризис, который вследствие изменил условия и тенденции развития региона. «Далее никаких явных результатов программа не приносила, относительная стагнация экономики Дальнего Востока («отстающий рост») не преодолена; ни один из «выходных» параметров программы не выполнен в полном объеме» [2].

В 2014 г. Правительством РФ утверждена госпрограмма «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона» с периодом реализации в 2014–2025 гг., в рамках которой были приняты масштабные меры государственной поддержки инвесторов, разработанные для развития приоритетных отраслей региона, созданы особые условия и налогово-правовых режимы для бизнеса на Дальнем Востоке. Однако реализация этих проектов продвигалась очень медленно и не оказала существенного воздействия на экономику Дальнего Востока России. Ввиду низкой исполнительской дисциплины (выполнено всего лишь 45,5% мероприятий, хотя для этих целей было выделено 95,5% от запланированных расходов) Министерство финансов РФ сократило финансирование программы на 2017–2019 гг., до 17 млрд руб. в год, которыми распоряжалось Минвостокразвития России [5].

Однако активное государственное регулирование на Дальнем Востоке с использованием крупномасштабных программ не привело к глобальному прорыву ни в демографической ситуации, не произошло изменение восприятия этой территории как зоны более привлекательной для жизни или сопоставимой в привлекательности для жизни по сравнению с другими федеральными округами.

Несмотря на предпринимаемые меры, все перечисленные программы не дали какой-то серьезный импульс в развитии региона, хотя менялись и сами целевые установки программ, и их количество, что связано как с внешними факторами (например, реализация интересов федерального центра, кризисы, степень сотрудничества с соседними странами), так и с внутренними (например, реализация интересов субъектов Дальнего Востока, развитие определенных отраслей Дальнего Востока, решение вопросов в социальной сфере).

Несогласованность, размытость целей использования инструментов и моделей пространственного развития в сфере программного и стратегического планирования на Дальнем Востоке подтверждают такие дальневосточные ученые как Сыркин В.И., Минакир П.А., Леонов С.Н., Прокапало О.М., Исаев А.Г. [4]. Вместе с тем, как нам представляется, обозначенные проблемы решаются не в полном объеме и требуют дальнейшего научного осмысления и решения.

В соответствии с Указом № 474 Президента РФ темпы роста показателей национальных целей в каждом субъекте ДФО должны вырасти выше среднероссийских к отчетной дате – 2024 году [6].

Дальний Восток уже по традиции является плацдармом для внедрения новых инструментов развития территории на сегодняшний момент, это реализация нового инструмента стратегического планирования для Дальнего Востока – Национальной Программы (далее НП) развития Дальнего Востока на период до 2025 года и на

перспективу до 2035 года. В данной программе сделана попытка перехода от программно-целевого подхода в сторону проектного стратегического управления территорией. Эта программа – рамочный стратегический документ, декларирующий основные направления развития региона, в соответствии с которым должны приниматься и реализовываться более мелкие и конкретные документы, а именно, проекты [7].

Вызывает сомнение реальность достижения задач НП по ускорению темпов экономического роста Дальнего Востока и повышению качества жизни населения до уровня выше среднероссийского. На наш взгляд, достижение таких значений целевых показателей возможно только при одновременном значительном опережении темпов роста экономики Дальнего Востока и стагнации среднероссийской динамики, что подтверждается несоответствием целевых установок требованиям SMART - принципа в части достижимости.

Целевые показатели национальной программы социально-экономического развития Дальнего Востока и стратегий социально-экономического развития субъектов ДФО слабо сопоставимы, кроме того, цели и целевые показатели национальной программы не совпадают с целями и показателями нацпроектов и региональных программ, неизмеримы или отстают от показателей, которые должны быть достигнуты в ходе реализации нацпроектов.

Единый информационно-аналитический центр развития Дальнего Востока для обеспечения мониторинга исполнения и синхронизации действий ответственных исполнителей Программы так и не был создан, хотя он должен был быть создан до начала её реализации. Поэтому оценить двухгодичное функционирование НП не представляется возможным.

В целях корректирования работы институтов по развитию Дальнего Востока и Арктики, для достижения национальных целей, которые были установлены Указом № 474, была осуществлена трансформация – переход в новую архитектуру единого института развития.

Упразднение Агентства Дальнего Востока по привлечению инвестиций и поддержке экспорта, Агентства по развитию человеческого капитала на Дальнем Востоке и Арктике и Фонда развития Дальнего Востока и Арктики привело к перераспределению их функций между федеральными органами исполнительной власти и госкорпорацией развития "ВЭБ.РФ". Корпорация развития Дальнего Востока и Арктики (КРДВ) с 2021 года стала основой единого института развития Дальнего Востока, который аккумулирует в себе многие полномочия консолидированных институтов развития,

представляя собой контур развития Дальнего Востока и Арктики: единый институт – единый результат.

Министерство Российской Федерации по развитию Дальнего Востока и Арктики и Корпорация декларируют функционирование в плотном взаимодействии на основе стратегического целеполагания. КРДВ выступает в роли оператора использования мер государственной поддержки, основной задачей которого является: эффективно использовать выделяемые государством ресурсы, отбор тех проектов, которые дадут максимальный мультипликационный эффект от привлекаемых государством ресурсов [8]. Проекты, необходимые для реализации национальных целей, отбираются с участием министров и зампредов правительства, а значимые для регионов – губернаторами.

В связи с проведенной реорганизацией институциональной инфраструктуры управления и развития Дальнего Востока и Арктики целесообразно было бы включение в Национальную программу исчерпывающей информации о роли, функциях и полномочиях акционерного общества «Корпорации развития Дальнего Востока и Арктики», а также государственной корпорации ВЭБ.РФ в социально-экономическом развитии Дальневосточного федерального округа, наблюдается асинхронность в решении этого вопроса.

Стратегические государственные решения по ускорению развития экономики и социальной сферы макрорегиона путем частых реорганизаций институциональной инфраструктуры управления развитием дальневосточной территорией, а также реализацией всё новых правительственных программ не приносит ощутимых положительных изменений в социально-экономическом развитии субъектов ДФО.

Таким образом, на сегодняшний день проследить бесспорные результаты деятельности Национальной программы на территории Дальнего Востока невозможно. Да, создаются новые производства, высокопроизводительные рабочие места, вкладываются огромные средства в создание инфраструктуры как за счет бюджетных средств, так и частных, но каким образом в конечном счете это повлияет на пространственное развитие макрорегиона и достижение национальных целей – сказать сложно.

Список литературы и источников:

1. Минакир, П.А., Прокапало, О.М. Дальневосточный приоритет: инвестиционно-институциональные комбинации // Журнал новой экономической ассоциации. - 2018. - №2(38). - С. 146-155.
2. Сериков, С. Г. Практика применения программно-целевого планирования в региональной экономической политике по развитию

российского Дальнего Востока. // Региональная экономика: теория и практика. – 2018. – № 16 (452). – С. 902-911.

3. Кузнецова, О.В. Проблемы выбора приоритетов пространственного развития. // Вопросы экономики. 2019. - №1. - С. 146-157.

4. Kulagina O.V. Tools For Strategic Development Of The Far East/ O.V. Kulagina// European proceedings of social and Behavioural Sciences EPSBS. – 2022. - №1. – С. 587-594.

5. Аганбегян, А.Г. Развитие Дальнего Востока: национальная программа в контексте национальных проектов // Пространственная экономика. - 2019. - №3. - С. 165-181.

6. Указ Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 года № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74304210/>

7. Национальная программа социально-экономического развития Дальнего Востока на период до 2024 года и на перспективу до 2035 года, утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2020 года № 2464-р <https://minvr.gov.ru/upload/iblock/fdc/nats-programma.pdf>

8. Хван, И. С. Реформа системы институтов развития Дальнего Востока: направления и задачи / И. С. Хван // Власть и управление на Востоке России. – 2020. – № 4(93). – С. 101-108.

КЛАСТЕРНЫЙ ВЕКТОР РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

*Кулаков И. В.,
Финансовый департамент администрации г. Хабаровска,
Ковалева М. В.,
канд. экон. наук, доцент,
Дальневосточный институт управления – филиал РАНХиГС,
г. Хабаровск*

Аннотация. В статье показано, что в настоящее время промышленный прогресс обеспечивают не разрозненные предприятия, а их объединения, группы, кластеры и сети. Применение в России накопленного зарубежного опыта возможно с поправкой на приоритеты национальной экономической политики, а также с учетом региональных особенностей развития: природно-ресурсного потенциала, отраслевой специализации, участия в международном разделении труда. Для этого необходимо актуализировать региональные стратегии социально-экономического развития, схемы

территориального планирования, проводить анализ потенциальных отраслей экономик регионов, благоприятных для кластеризации. В статье проведен анализ отраслей экономики Хабаровского края с позиций выявления благоприятных условий для применения кластерного подхода к структурированию, рассмотрены варианты формирования в регионе кластерного ядра развития.

Ключевые слова: отрасли экономики, кластерные объединения, конкурентоспособность, регион, экономика Хабаровского края

На современном этапе экономического развития кластерный подход к формированию региональных структур положен в основу пространственных стратегий, как в Российской Федерации, так и во многих зарубежных странах. Он придает устойчивый характер производственным и деловым связям, усиливает потенциал развития, как отдельных экономических субъектов, так и территорий их локации. Регионы, в которых формируются кластеры, повышают свою конкурентоспособность и становятся более привлекательными для инвестиций и последующего экономического прогресса.

Согласно классическим определениям, под кластером понимается локально концентрированное расположение фирм, имеющих близкую специализацию и ориентированных на создание и использование агломерационных институтов в организации производственной деятельности. [6, с. 256]

Для включения региональной экономики в процесс сетевой глобализации посредством развития ее отдельных субъектов необходимо рассматривать кластер как проявление самоорганизации социально-экономического пространства по всем направлениям (факторам производства, технологиям, знаниям, занятости, культурной среде и др.). [7, с. 970]

В соответствии с зарубежным опытом развития кластерный подход можно назвать политикой повышения конкурентоспособности экономик [9, с. 34]. Деятельность по реализации кластерного подхода возможна в рамках кластеризации и предполагает комплекс организационно-экономических мероприятий, проводящихся государственными и общественными институтами для того, чтобы объединить предприятия с целью установления между ними неформальных связей и сетевого сотрудничества. Кластеризация предприятий выступает не только мощным инструментом для стимулирования их регионального развития, но и является средством достижения целей промышленной политики или повышения конкурентоспособности [8, с. 125].

Кроме того, для целей увеличения показателей экономического роста Россия перешла к инновационному типу развития. В этом процессе она сформировала новую модель пространственного

развития, в том числе за счет появления новых центров социально-экономического развития и сетей территориально-производственных кластеров с их территориальными конкурентными преимуществами.

На территории Российской Федерации в рамках реализации вышеуказанного проекта формирование и функционирование кластеров определяют значимые региональные отрасли в рамках территориального разделения труда и региональной специфики. Основное предназначение кластеров – это обеспечение эффективной деятельности организаций-участников и взаимовыгодные связи кластеров смежных отраслей.

В настоящее время в России по инициативе Минэкономразвития и при содействии Кластерной обсерватории НИУ Высшая школа экономики была разработана и реализована интерактивная кластерная карта. Согласно данным этой карты, в 2022 году на территории страны насчитывается 135 кластеров различных сфер экономики (машиностроение, фармацевтика, IT отрасль, сельское хозяйство, оборонная промышленность и т.д.). В состав 119 кластеров входят 3846 участников, в числе которых обеспечены рабочими местами 1446155 человек. [2, с. 12]

Однако, как показывает аналитическая информация по развитию кластеров, в Российской Федерации 87 кластерных объединений или 73,1% от общего количества кластерных объединений нашей страны находятся в стадии начального развития. 22 кластерных объединения (18,5%) достигли средней стадии и только лишь 10 кластеров (8,4%) находятся на высокой стадии развития. В эту десятку входят такие кластеры как Камский инновационный территориально-производственный кластер (151561 рабочих мест), Нефтехимический территориальный кластер Республики Башкортостан (49094 рабочих мест), Санкт-Петербургский Кластер чистых технологий для городской среды (44251 рабочих мест).

В настоящее время используется несколько форм государственной поддержки кластерных объединений, включая поддержку центром кластерного развития в рамках программы Минэкономразвития России; включение в перечень промышленных кластеров, утверждаемых Минпромторгом России; включение в перечень пилотных проектов.

Наибольшая доля поддержки кластерных объединений приходится на центр кластерного развития в рамках программы Минэкономразвития России (пользуются поддержкой 47 кластерных объединений на начальном этапе развития, что составляет 54% от общего числа данных кластеров). Стоит обратить внимание, что всего 9 кластерных объединений включены в перечень промышленных кластеров, утвержденный Минпромторгом России, что является минимальной мерой поддержки.

Несмотря на официально объявленные меры поддержки по созданию и развитию кластеров, в России по сравнению с зарубежными странами кластерная политика развита слабо. Так, по 27 кластерам вообще отсутствуют меры поддержки, из них 26 на начальном этапе организации, что составляет 29,8% от общего числа данных кластеров.

Определенные проблемы связаны с географической локализацией кластерных структур. Разработка и реализация кластерной политики входит в число стратегических задач всех федеральных округов нашей страны. Однако практически все крупные и развитые кластеры находятся в европейской части России, тогда как в Дальневосточном федеральном округе в настоящее время сформирован всего лишь один – Инновационный территориальный кластер авиастроения и судостроения Хабаровского края, в который входят 62 организации с 27373 рабочих мест.

Данный кластер был создан в 2012 году, находится на начальном уровне организации и включен в перечень пилотных инновационных территориальных кластеров. Основными видами деятельности этого кластера являются: строительство, сборка и ремонт воздушных и морских судов различных классов, двигателестроение, производство металлических изделий и материалов для корпуса, поставка оборудования и комплектующих деталей, а также научно-исследовательская деятельность в области технологий материаловедения, электроники и двигателестроения.

Целью объединения данного кластера является повышение уровня компетенции специалистов предприятий – участников кластера, повышение уровня использования передовых технологий и оборудования на предприятиях, входящих в состав кластера, развитие системы аутсорсинга. Данный кластер был проанализирован дальневосточными учеными-экономистами [4, с. 98], которые показали, как высокий потенциал такого образования, так и серьезные проблемы его эффективного развития. Обращая внимание на кластерную карту, становится очевидно, что Дальневосточный регион отстает в развитии организации кластерных объединений в отраслях своей экономики.

Очевидно, что в данной ситуации является необходимым проведение системного анализа территорий региона, в т.ч. Хабаровского края, с точки зрения активизации их кластерного потенциала.

Существует несколько способов определения потенциальных кластеров и их возможных участников в современной практике. Воспользуемся методикой, основанной на алгоритме анализа региональных кластеров, предложенной Дж. Линдквистом [9, с. 236]. Сначала осуществляется подсчет индекса локализации, позволяющий оценить региональные и национальные экономические характеристики с

помощью следующих переменных – занятость (L), инвестиции (I), являющихся базисными для определения кластерного объединения. Стоит обратить внимание на динамику переменных периода 2018-2021 гг.

На основе этих данных рассчитаны показатели: «среднегодовая численность занятых в экономике», «инвестиции в основной капитал» на основе информации с официального сайта Федеральной службы государственной статистики за период 2018-2021 гг. Аналитические расчеты позволили с точностью определить отрасли с потенциалом к кластеризации и установить стадию развития потенциального кластера.

Индекс локализации, позволяющий сравнить значения характеристики для регионального и национального уровня, рассчитывается по следующей формуле $LQ=(li/l)/(Li/L)$ [3, с. 43]. Расчеты показывают, что значения индекса локализации по строительной отрасли имеет максимальное значение 0,79, стремится к единице на протяжении рассматриваемого периода, а значит, строительная отрасль обладает кластерными признаками.

Практическое применение данных расчетов видится в распоряжении Президента России В.В. Путина на пленарной дискуссии Восточного экономического форума (ВЭФ-2021) подготовить предложения по организации строительного кластера в Хабаровском крае. И действительно, одной из острых проблем Дальнего Востока является дефицит строительных материалов. Данный факт в разы уменьшает конкурентные преимущества экономики региона в целом, увеличивая себестоимость любого инвестиционного проекта, замедляя темпы их реализации.

Проведенный анализ показал целесообразность формирования инвестиционных предложений для привлечения новых участников строительной отрасли для создания профильного кластера. В наши дни строительство, как в Хабаровском крае, так и на Дальнем Востоке, в целом разворачивается стремительным образом: возводится жилье, создаются объекты социальной, транспортной и инженерной инфраструктуры. Для этих целей целесообразно определить, в чем профильный рынок нуждается сильнее всего, в каких видах и объемах строительных материалов. Создание строительного кластера обеспечит увеличение темпов и снижение себестоимости строительства. Снижение производственных затрат производителей строительных материалов будет достигнуто посредством введения преференций внутри кластерной группы.

Краевыми властями по поручению Президента РФ обсуждается и разрабатываются возможные преференции для резидентов строительного кластера. Следует понимать, что они должны быть исключительными, чтобы привлечь значительные инвестиции. Вышеуказанные мероприятия направлены на решение острой проблемы – высокой стоимости строительства. Создание кластера

позволит производить строительные материалы в регионе, что значительно уменьшит издержки на транспортные расходы, а это в свою очередь снизит затраты подрядных организаций на реализацию всевозможных строительных проектов.

Список литературы и источников:

1. Карта кластеров России // Российская кластерная обсерватория НИУ ВШЭ, 2020, URL: <https://map.cluster.hse.ru> (дата обращения 01.11.2022);
2. Российская кластерная обсерватория // НИУ ВШЭ, 2020, URL: <https://cluster.hse.ru> (дата обращения 01.11.2022);
3. Батурин Г.Г., Первухин М.А., Титова Н.Ю. Анализ кластерного потенциала отраслей экономики регионов Дальнего Востока России // Экономика и управление, 2016, №3, с.42-45;
4. Ефремов В.Ф., Габунов В.В. Развитие инновационного территориального кластера авиастроения и судостроения Хабаровского края, 2020, с.97-105;
5. Раевская Е.А. Кластеры как разновидность сетевой структуры // Экономические системы, 2013, №1, с.5-9;
6. Минакир П.А. Российское экономическое пространство. Стратегические тупики // Экономика региона, 2019, с.967-980;
7. Портер М. Конкуренция // Издательский дом «Вильямс», 2005, с.256;
8. Фотонов А.Г., Бергаль О.Е. Территориальные кластеры в системе пространственного развития: зарубежный опыт // Пространственная экономика, 2020, №4, с.113-135;
9. Lindquist G. // Disentangling Clusters: Agglomeration and Proximity Effects / Dissertation for the Degree of Doctor of Philosophy, Ph. D. Stockholm School of Economics, 2009. p. 236.

**ФИНАНСОВЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ ОРГАНОВ МЕСТНОГО
САМОУПРАВЛЕНИЯ ПО СТИМУЛИРОВАНИЮ
МУНИЦИПАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ**

*Леонов С. Н.,
д-р экон. наук,
ИЭИ ДВО РАН,
г. Хабаровск*

Аннотация. Показана значимость на муниципальном уровне таких финансовых инструментов, как местные налоговые льготы и нормативы налоговых доходов, передаваемых в местные бюджеты. Отмечена нацеленность финансовых инструментов, используемых

органами местного самоуправления на текущее выживание, а не на региональное развитие, при этом инструмент муниципальных облигационных займов, недооцененный с точки зрения потенциала влияния на местное развитие, в современных условиях финансовой нестабильности остается для муниципалитетов за пределами дорогим.

Ключевые слова: финансирование муниципального развития, местное самоуправление

Муниципальное развитие понимается как особый режим функционирования региональной системы, ориентированный на позитивную динамику уровня и качества жизни населения и обеспеченный устойчивым, сбалансированным воспроизводством имеющегося потенциала территории [1; 2]. Несмотря на тридцатилетний опыт реформирования местного самоуправления (МСУ) в России, вопрос о финансовых возможностях органов МСУ в части регулирования муниципального развития остается открытым [3].

Управление региональным развитием осуществляется путем воздействия на хозяйственный территориальный комплекс различных нормативных инструментов, обеспечивающих согласование интересов центра и регионов (субъектов федерации и муниципалитетов).

Финансовые методы регулирования муниципального развития, среди которых выделяются налоговые, трансфертные инструменты, а также инструменты привлечения заемных средств [2; 4; 5], особо важны для органов МСУ в силу хронического недофинансирования процессов регионального развития. Рассмотрим их подробнее.

Налоговые инструменты нацелены на использование налоговых льгот и передачу органам МСУ дополнительных налоговых источников по единым и дифференцированным нормативам. Большую часть налоговых доходов местных бюджетов (от 77 до 85%) за 2007-2021 гг. формируют три налога – налог на доходы физических лиц (НДФЛ), налог на имущество физических лиц, налог на землю (табл. 1).

Несмотря на формирующуюся тенденцию роста поступлений налога на имущество физических лиц (с 2007 г. по 2022 г. они увеличились почти в 8,5 раза), к 2022 г. данные средства составили лишь 3,6% от общего объема налоговых доходов муниципальных бюджетов.

Налог на землю играет более заметную роль в доходах местных бюджетов (особо он значим как источник налоговых поступлений бюджетов сельских поселений). В период с 2007 г. по 2022 г. поступления земельного налога увеличились в 2,6 раза, достигнув к 2022 г. 166,2 млрд руб. (10,6% всех местных налоговых доходов в России).

Таблица 1 - Основные налоговые доходы местных бюджетов в РФ
(млрд рублей)

Налог	2007	2009	2011	2013	2015	2017	2019	2021
Налоговые доходы всего	579,5	719,8	879	1042,3	976,9	1122,9	1340,7	1569,8
НДФЛ	388,7	491	582	730	617,1	701,2	850,3	988,9
Налог на землю	63,9	88,3	107,1	137,8	163,8	165,3	164,7	166,2
Налог на имущество физических лиц	6,8	14,2	4,4*	19,8	25,7	37,0	47,6	57,5

*) Объем налога уменьшился в сравнении с 2010 г. на 67,4% в результате изменений в налоговом законодательстве, поступления по данному налогу за 2011 г. были зачтены в 2012 г.

Источник: составлено по [6]

Среди налоговых инструментов, используемых в российской практике для стимулирования регионального развития, особо выделяется группа обязательных, согласно действующему законодательству, налоговых источников, которые передаются на местный уровень. Особая роль в перераспределении налоговых доходов принадлежит НДФЛ. Изначально норматив перечисления федерального НДФЛ в региональные бюджеты составлял 10%, затем он был увеличен до 20%, а в 2014 г. – снижен до 15%. Как видно из табл. 1, перераспределение НДФЛ значительно влияет на доходы местных бюджетов, определяя объем и структуру местных бюджетных доходов, главного источника финансирования регионального развития.

Трансфертные инструменты включают стимулирующие и выравнивающие трансферты, а их эффективность зависит от методик распределения конкретного вида трансфертов и от масштабов средств, выделенных для решения соответствующих задач [7]. Поэтому ряд исследователей [8] рассматривает трансферты как механизм, в большей степени направленный на балансировку интересов органов власти по обеспечению роста качества жизни населения, и в меньшей – на обеспечение экономического развития.

Инструменты, связанные с привлечением заемных средств, включают банковские и бюджетные кредиты, а также выпуск региональных и муниципальных облигаций. Эти инструменты относятся к потенциальным источникам финансирования регионального развития, хотя в настоящее время внутренние заимствования осуществляются в основном для финансирования дефицитов бюджетов и погашения долговых обязательств [9].

Как видно из данных табл. 2, за 2007-2021 гг. долговые обязательства муниципалитетов выросли в 3,6 раза (со 102,5 млрд рублей в 2007 г. до 373,3 млрд рублей к 2022 г.). При этом госдолг субъектов РФ за это же время вырос в 5,3 раза (с 458,7 до 2448 млрд

рублей). В последние годы наблюдается снижение темпов прироста как государственного, так и муниципального долга.

Отметим, что в структуре муниципального долга растет доля привлекаемых кредитов, составляющая 91,9% (в том числе 68,3% – кредиты кредитных организаций, а 23,6% – бюджетные кредиты), муниципальные гарантии формируют лишь 1,8% муниципального долга, а муниципальные ценные бумаги составляют 6,4% долговых обязательств [10].

Таблица 2 - Объем государственного долга субъектов РФ и долга муниципальных образований на конец года (млрд рублей)

Объем долга	2007	2009	2011	2013	2015	2017	2019	2021
Госдолг субъектов РФ	458,7	890,8	1171,8	1737,7	2318,6	2315,4	2113	2448
Муниципальный долг	102,5	134,9	215,5	288,9	342,1	368,0	380,2	373,3

Источник: составлено по [11]

Поскольку привлекаемые в составе муниципального долга кредиты ориентированы главным образом на погашение кассовых разрывов и покрытие дефицита бюджетов, то их вряд ли можно считать инструментом территориального развития. В отличие от кредитов, ценные бумаги интересны именно как инструменты территориального развития. Органы МСУ могут влиять на условия привлечения средств, а средства, привлекаемые по этим займам, могут являться источниками финансирования долгосрочных региональных проектов.

Облигационные займы в силу названных причин следует рассматривать в роли особых инструментов территориального развития. Возможность муниципальной эмиссии существует в российском законодательстве с 1991 г., когда Законом РСФСР от 6 июля 1991 г. №1550-1 «О местном самоуправлении в РСФСР», был разрешен выпуск местных облигационных займов для развития социальной и производственной инфраструктуры.

Однако, как видно из данных табл. 3, муниципальные облигационные займы не столь характерны для современной российской практики, как многочисленные региональные займы.

В середине 1990-х гг. муниципальные облигации были достаточно популярны. Их выпускали как крупные заёмщики (города Брянск, Волгоград, Ярославль), так и небольшие муниципалитеты (Подмосковная Дубна, Чапаевск в Самарской области). После финансового кризиса 1998 г. рынок заимствований сузился, а правовое регулирование и практика облигационных заимствований сильно изменились в результате принятия ФЗ-136 от 29.07.1998 г. «Об особенностях эмиссии и обращения государственных и муниципальных ценных бумаг».

Таблица 3 - Объем государственных ценных бумаг субъектов РФ и муниципальных ценных бумаг на конец года (млрд рублей)

Ценные бумаги	2007	2009	2011	2013	2015	2017	2019	2021
Государственные ценные бумаги субъектов РФ	190,9	377,8	343,9	450,7	432,3	548,5	588,6	799,9
Муниципальные ценные бумаги	13,6	7,1	7,2	10,7	10,2	21,1	21,3	19,9

Источник: составлено по [11].

Как видно из данных табл. 3, кризис 2008 года заметно повлиял на падение рынка муниципальных облигаций, который лишь в 2010-е гг. смог перейти к фазе оздоровления. Однако кризис 2014 г. вновь ударил по рынку муниципальных займов, хотя и слабее, чем в 2008 г. Главной причиной демпфирования ситуации явилось достаточно болезненное состояние рынка муниципальных облигаций, лишь в 2016 году сумевшего превысить уровень 2007 года по общему объему муниципальных ценных бумаг (15,5 и 13,6 млрд рублей, соответственно).

На этапе 2017-2020 гг. рынок муниципальных ценных бумаг продолжил рост до 24,7 млрд рублей, снизившись к 2022 г. до 19,9 млрд рублей. Падение внимания к эмиссии муниципальных ценных бумаг в 2021 году можно объяснить ростом бюджетных кредитов, предоставленных региональным бюджетам федеральным уровнем власти в период ковидных ограничений.

В целом, как видно из данных табл. 3, муниципалитеты более «осмотрительны» в вопросе роста долговых обязательств, чем субъекты Российской Федерации.

Резюмируя, отметим, что на уровне муниципалитетов наиболее значимы для органов МСУ такие финансовые инструменты регулирования территориального развития, как местные налоговые льготы и нормативы налоговых доходов, передаваемые в местные бюджеты. Инструмент муниципальных облигационных займов, являвшийся недооцененным с точки зрения потенциала влияния на региональное развитие местных сообществ, в современных условиях финансовой нестабильности остается за пределами дорогим для муниципалитетов. Фактически на протяжении 2007-2022 гг. не произошло резкого усиления финансовых возможностей органов МСУ по регулированию муниципального развития. Все финансовые инструменты, доступные органам МСУ, оказываются «заточенными» под текущее выживание. На стратегическое развитие у муниципалитетов по-прежнему нет ни средств, ни возможности их занять.

Список литературы и источников:

1. Демьяненко А.Н. Несколько слов о качестве институтов: региональное стратегическое планирование // Регионалистика. 2016. Т. 3. №1. С. 6-12;
2. Лексин В.Н., Швецов А.Н. Государство и регионы : теория и практика государственного регулирования территориального развития. Москва : URSS, 2009. – 366 с. – ISBN 978-5-397-00799-3.
3. Леонов, С. Н. Финансовые результаты реформы местного самоуправления. Опыт регионов Дальнего Востока / С. Н. Леонов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2021. – Т. 14. – № 6. – С. 160-175. – DOI 10.15838/esc.2021.6.78.9. – EDN ZEUUOX.
4. Левина В.В. Особенности применения бюджетно-налоговых инструментов регулирования социально-экономического развития муниципальных образований // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки, 2017, №3, с.115-127
5. Печенская-Полищук, М. А. Инструменты и принципы перераспределения бюджетных ресурсов в регионе / М. А. Печенская-Полищук // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2020. – Т. 13. – № 2. – С. 71-88.
6. Финансовые взаимоотношения с регионами и муниципальными образованиями. Оперативные данные по исполнению бюджетов субъектов РФ и местных бюджетов (<https://minfin.gov.ru/ru/performance/regions/operational/municipalities/>)
7. Леонов, С. Н. Динамика состояния муниципальных бюджетов дальневосточных субъектов федерации за годы реформы / С. Н. Леонов // Региональные проблемы. – 2022. – Т. 25. – № 3. – С. 135-138. – DOI 10.31433/2618-9593-2022-25-3-135-138. – EDN LBQULT.
8. Левина В.В. Использование финансовых инструментов регулирования регионального развития: проблемы и перспективы // Управленец, 2017, №3, с.18-24
9. Минакир, П. А. Государственный региональный долг: тенденции и особенности формирования / П. А. Минакир, С. Н. Леонов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2019. Т. 12. № 4. С. 26-41. DOI 10.15838/esc.2019.4.64.2. EDN SIQJCX.
10. Информация о результатах проведения мониторинга исполнения местных бюджетов и межбюджетных отношений в субъектах Российской Федерации на региональном и муниципальном уровнях за 2020 год (https://www.minfin.ru/ru/performance/regions/monitoring_results/Monitoring_local/results/)
11. Объем государственного долга субъектов РФ и долга муниципальных образований (https://www.minfin.ru/ru/performance/public_debt/subdbt)

ОСОБЕННОСТИ ВЛИЯНИЯ ФАКТОРОВ СОВРЕМЕННОГО КРИЗИСА В РЕСУРСНОЙ ЭКОНОМИКЕ: ДАЛЬНИЙ ВОСТОК РОССИИ

Ломакина Н. В.,
д-р экон. наук,
ИЭИ ДВО РАН,
г. Хабаровск

Аннотация. Показаны особенности и результаты воздействия современных кризисов в экономике ресурсного типа. Рассмотрены ключевые факторы кризиса «тотальных санкций» 2022 г., направления их воздействия и возможные риски для минерально-сырьевого комплекса Дальнего Востока и его базовой отрасли золотодобывающей промышленности. Исследованы отклики экономической системы отраслевого уровня на отдельные внеэкономические шоки современного кризиса. Показаны возможные изменения текущей динамики производства в минерально-сырьевом комплексе ДФО.

Ключевые слова: санкции, факторы кризиса, динамика производства, минерально-сырьевой комплекс, Дальневосточный федеральный округ

При исследовании причин, направлений и последствий воздействия финансово-экономических кризисов на отдельные страны и регионы были отмечены определенные особенности их проявлений в ресурсных отраслях и регионах (странах), в экономике которых они преобладают [1]. Для российской экономики, одной из важных характеристик которой является преобладание во многих регионах сырьевой специализации, актуальным является оценка регионального «среза» проявления кризисов. В рамках таких исследований показано, что в российской практике в регионах ресурсного типа сырьевые отрасли, доминируя в структуре основных макроэкономических показателей, зачастую становились «амортизаторами» их падения в условиях отрицательной динамики [2]. Похожие оценки были получены нами и для ресурсных отраслей Дальнего Востока [3, 4].

Совсем иные факторы и направления воздействия оказались характерны для кризисов 2020–2022 гг. с их набором внеэкономических шоков. К настоящему времени появился уже целый ряд исследовательских работ с оценками последствий «пандемического» кризиса 2020–2021 гг. как для национальной экономики, так и для уровня российских регионов [5–7 и др.]. Такие оценки были получены и для отдельных отраслей ресурсного сектора ДФО [8]. Анализ факторов воздействия и реакции минерально-сырьевого комплекса (МСК) показал, что характер оценок для кризисной ситуации 2020–2021 гг., вызванной мировой пандемией коронавирусной инфекции, практически не

изменился в сравнении с ситуациями «традиционных» кризисов. При наличии новых направлений кризисного воздействия (логистические проблемы компаний, дополнительные затраты в связи с санитарно-эпидемиологическими ограничениями и т.д.), ключевые факторы, определяющие ситуацию в этом комплексе и его роль в экономике региона, остались прежними – цена на золото, валютный курс, состояние минерально-сырьевой базы, инвестиционная активность компаний. И эти «фундаментальные» факторы обеспечили, несмотря на появившиеся реальные трудности, сохранение вполне благоприятной перспективы для минерально-сырьевого комплекса ДФО.

Однако, наметившийся выход из «пандемийного» кризиса 2020–2021 гг. оказался прерван ситуацией «тотальных санкций». Случившийся в 2022 г. новый «набор» внеэкономических шоков, включающий такие санкционные меры как запрет экспорта из РФ ряда товаров (в т.ч. и сырьевых), серьезные «рестрикции» в банковской сфере, уход иностранных компаний из российской экономики (с соответствующими технологическими, сервисными, логистическими и инвестиционными последствиями) по своему негативному воздействию может оказаться достаточно значимым не только для текущей динамики, но и для перспективного развития МСК ДФО.

Что касается ухода иностранных компаний, то в МСК ДФО происходит продажа активов, ранее принадлежавших иностранным инвесторам. Так, например, в июне 2022 г. канадская компания Kinross Gold продала все свои российские активы компании Highland Gold Mining (HGM): месторождения Купол и Двойное в Чукотском АО и месторождение Чульбаткан в Хабаровском крае. Такие примеры в минеральном секторе ДФО не единичны: меняются владельцы компаний «Петропавловск», «Сусуманзолото», обсуждается разделение компании «Polymetal» на российскую и казахстанскую части и т.д. Процессы смены владельцев компаний по различным причинам и основаниям, вызванные ситуацией «тотальных санкций», вновь могут повлечь «волну» организационных изменений и бизнес-рисков. Однако, есть надежды, что уже сформировавшийся уровень определенной устойчивости дальневосточного МСК удержит его от потерь, сравнимых с трансформациями периода начала российских реформ.

Минерально-сырьевой комплекс стал тем сектором, на который кроме общих санкций, принятых для российской экономики, был направлен и еще целый ряд специальных рестрикций. Так, проявлениями «тотальных санкций», направленными на прямую дискриминацию золотодобывающей отрасли, стали временное лишение аффинажных предприятий России статуса Good Delivery Лондонской ассоциацией драгметаллов (LBMA) (с марта 2022 г.), а позднее - эмбарго на импорт российского золота (август 2022 г.), что также ужесточает условия деятельности дальневосточных

предприятий, специализирующихся на золотодобыче. В качестве вариантов решения этих проблем российскими экспертами рынка золота называются либо переаффинаж российского золота в других странах, либо переориентация продаж на дружественные страны – Китай, Индия и т.д. Все эти варианты в экономическом смысле для золотодобытчиков означают: 1) рост затрат на логистику и переаффинаж (или продажу с дисконтом в 15-20%) и, соответственно, 2) снижение прибыли и рентабельности.

Однако, при всей сложности преодоления описанных выше «тотальных санкций», к наиболее серьезной по потенциалу воздействия руководители как регионального, так и отраслевого управления относят ситуацию «крепкого рубля». Действительно, такую ситуацию можно назвать условно новой, т.к. для всех кризисов последних 15-20 лет было характерно сочетание преимущественного роста мировой цены на золото и ослабления рубля. Это позволяло российской золотодобывающей отрасли без существенных потерь проходить такие кризисные ситуации. Для кризиса 2022 г. характерна совсем иная ситуация с направленностью трендов формирования доходов и расходов в золотодобывающей отрасли. Существенно возросшему уровню затрат соответствует тренд снижения доходной части в рублевом эквиваленте (так, например, если в апреле ЦБ установил учетную цену золота 5015 рублей за грамм, то среднемесячная цена в сентябре составила уже только 3300 рублей за грамм [9]). Возможно, для покрытия «вилки» между затратами и доходами достаточным окажется запас рентабельности продукции в золотодобывающей отрасли и его снижение до какого-то приемлемого уровня. Но и этот уровень может быть пройден, поэтому стратегически верным остается, конечно, решение всегда актуальной задачи снижения затрат за счет совершенствования технологий и организации производства в отрасли.

Что касается текущей динамики добычи полезных ископаемых, то в целом в первой половине 2022 г. она выглядит неровной, и её формирование вполне соответствует отмеченным ранее факторам – особенностям структуры МСК по субъектам РФ и разнонаправленной динамике цен на различные виды минерального сырья. Для большинства субъектов РФ в ДФО по итогам трех кварталов 2022 г. сохранялся позитивный характер направленности динамики производства в МСК. Однако, в январе-сентябре 2022 г. следует отметить отрицательную динамику производства (по сравнению с соответствующим периодом прошлого года) в МСК Сахалинской области (-26,5%) и значительный слом тенденции динамики производства в МСК Чукотского автономного округа (-14,5%) [10].

С появлением более полного спектра статистических и других информационных оценок возможны будут к анализу и другие аспекты

кризисного и посткризисного развития МСК ДФО (финансовые, структурные, социальные и другие), в т.ч. и отдалённые.

Список литературы и источников:

1. Гуриев С., Плеханов А., Сонин К. Экономический механизм сырьевой модели развития // Вопросы экономики. 2010. № 3. С. 19.
2. Малкина М.Ю. Вклад регионов и отраслей в финансовую нестабильность российской экономики // Terra Economicus. 2018. Том 16, № 3. С. 118-130.
3. Региональный мониторинг: Дальневосточный федеральный округ / под ред. О.М. Прокапало; Российская академия наук, Дальневосточное отделение, Институт экономических исследований. – Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2019. – 210 с.
4. Антонова Н.Е., Ломакина Н.В. Ресурсные отрасли Хабаровского края в условиях отрицательной динамики экономики // Регионалистика. 2020. № 6. С. 5-22.
5. Зубаревич Н.В. Влияние пандемии на социально-экономическое развитие и бюджеты регионов // Вопросы теоретической экономики. 2021. № 1. С. 48-60.
6. Малкина М.Ю. Устойчивость экономики российских регионов к пандемии 2020 // Пространственная экономика. 2022. Т. 18. № 1. С. 101-124.
7. Матвеева Е.В., Гоосен Е.В., Никитенко С.М., Митин А.А. Индикаторы стрессоустойчивости Кузбасса в условиях пандемии 2020 г. (на материалах экспертных оценок) // Вестник Забайкальского государственного университета. 2020. Т. 26. № 7. С. 86-96.
8. Antonova N.E., Lomakina N.V. Resource Industries of the Far East: Manifestations of the Current Crisis and Their Fundamental Causes. Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. 2021. Т. 14. № 7. С. 978-986.
9. России надо покупать по 300 тонн своего золота. <https://gold.1prime.ru/interview/20221004/469932.html>. Дата обращения 07.10.2022.
10. Индексы производства по отдельным видам экономической деятельности по субъектам Российской Федерации. 26.10.2022. https://rosstat.gov.ru/enterprise_industrial. Дата обращения 08.11.2022.

ПРОБЛЕМЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ ДЛЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

*Мандаров Р. С.,
магистрант,
Цыбенков М. В.,
магистрант,
Барлуков А. М.,
канд. экон. наук, доцент,
ФГБОУ ВО «БГУ»,
г. Улан-Удэ*

Аннотация. В статье показаны проблемы цифровизации экономики на Дальнем Востоке. Выявлены основные проблемы первого этапа реализации проекта «Цифровая экономика»: инфраструктура, кадры, стоимость Интернета. Рассмотрены возможные наметившиеся пути их решения.

Ключевые слова: экономика, цифровизация, проблемы, экономическое развитие

Дальний Восток в настоящее время имеет важное стратегическое значение для развития экономических отношений. Проекты по развитию экономики в восточном направлении набирают обороты и в связи с ситуацией на политической арене.

Так, по Дальнему Востоку оборот предприятий вырос на 35% за 1 квартал 2022 года по сравнению с соответствующим периодом 2021 года (составил 3,2 трлн руб.). При этом развитие предприятий поддерживается за счет инвестирования, объем которого в 1 квартале 2022 года составил около 6 трлн руб. [3]. Казалось бы, развитие экономики на Дальнем Востоке идет по оптимистичному плану стратегических планов по развитию экономики России в целом. Однако экономические отношения претерпевают изменения посредством цифровизации.

Цифровизация – это формирование цифровой среды функционирования сфер деятельности человека, другими словами, создание интерактивных форм взаимодействия.

На Дальнем Востоке процесс цифровизации вообще, не только в экономике, имеет большие трудности в связи с отдаленностью самой территории от столицы России и территорий, в которых цифровизация осуществляется успешно [4].

Важным и первым этапом проекта «Цифровой экономики» на Дальнем Востоке является создание инфраструктуры, основной из которых является обеспечение сетью «Интернет».

Этот этап и формирует основные проблемы цифровизации экономики на Дальнем Востоке:

1. Отсутствие сети Интернет на значительной территории Дальнего Востока. В данной проблеме кроется проблема территориальной разобщенности населенных районов, нехватка финансирования, сохранение традиционных форм жизнедеятельности, а в некоторых районах и отказ от новшеств современного мира.

2. Сложность проведения традиционной оптоволоконной сети Интернет в отдаленные территории. Исторически сложившиеся сложности в составе земли Дальнего Востока усложняют процесс прокладывания линий сети Интернет: это вечная мерзлота, пустынные степи на достаточно больших территориях, скалистые горы с обледенением, сейсмическая активность. Даже мобильный интернет в таких районах имеет частые сбои, очень низкую скорость. Поэтому было принято решение о создании качественно новой формы прокладывания сети Интернет в таких районах – проект спутникового интернета, который только разрабатывается. Так, к 2025 году планируется запустить 4 спутника [2].

3. В плане развития торговых отношений на Дальнем Востоке осуществление цифровизации в виде маркетплейсов и интернет-магазинов также затруднительно в связи с плохой транспортной инфраструктурой, а в отдельных случаях, ее отсутствием. Также до недавнего времени авиасообщение не развивалось.

Это основные проблемы, которые формируют сложности первого этапа развития проекта «Цифровизации экономики». Также стоит отметить, что качество инфраструктуры, которая будет формироваться в рамках данного проекта, должно быть не хуже имеющейся в столице страны [1]. Это необходимо для обеспечения эффективной цифровизации экономики на Дальнем Востоке, так как цифровые сервисы для экономики требуют достаточных мощностей для обработки больших объемов данных и их передачи на большие расстояния.

Важной проблемой в дальнейшем при внедрении цифровизации в экономику Дальнего Востока станет кадровый потенциал Дальневосточного федерального округа.

Кадры в сфере цифровизации в настоящее время востребованы и в других регионах страны и зарубежья, где условия и заработная плата выше, чем сейчас на Дальнем Востоке. Также стоит отметить, что за 1 квартал 2022 года миграционный отток на Дальнем Востоке составил почти 12 тыс. человек [3]. Таким образом, важно при реализации инфраструктурных планов по развитию цифровых сетей обеспечить и наличие кадров. Важно отметить, что такими кадрами могут быть и приглашенные эксперты с других регионов в качестве удаленной работы. Они же могут стать экспертами в программах обучения

специалистов, работающих в экономической сфере на Дальнем Востоке.

В экономике важной составляющей прибыли являются издержки. На сегодняшний день трафик сети Интернет по Дальнему Востоку является самым дорогостоящим, что в конечном счете скажется и на прибыли предпринимателя, который решится внедрить цифровизацию в свой бизнес. Тем самым необходимо учитывать и данный риск, что мелкие предприниматели не смогут обеспечить конкурентоспособность крупным предприятиям с возможностями беспрепятственного осуществления проекта «Цифровизации экономики»[5].

Таким образом, важными проблемами цифровизации экономики на Дальнем Востоке являются:

- неразвитая инфраструктура, как в рамках цифровых технологий, так и транспортной инфраструктуры;
- кадровый дефицит;
- стоимость Интернета.

Две проблемы могут решиться при запуске спутникового интернета за счет сокращения издержек по прокладыванию кабелей в труднодоступные районы, а также возможности создания онлайн-обучающих курсов в сфере цифровизации для местных жителей, привлечения экспертов. Следовательно, после 2025 года проблемы цифровизации экономики сократятся, что даст большие возможности для эффективной реализации проекта «Цифровая экономика» на Дальнем Востоке России.

Список литературы и источников:

1. Ициксон А. И. Тенденции развития информационной инфраструктуры на Дальнем Востоке России // Пространственная экономика. 2018. – №4. – С. 162-171.
2. Минцифры: Проект спутникового интернета будет представлен до конца 2 квартала 2022 года [Электронный ресурс] // ФГБУ «Редакция «Российской газеты». – Режим доступа: <https://rg.ru/2022/02/17/mincifry-proekt-sputnikovogo-interneta-budet-predstavlen-do-konca-2-kvartala-2022-goda.html>
3. Социально-экономическое положение Дальневосточного федерального округа в I квартале 2022 года [Электронный ресурс] // Статистический сборник. – Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Dalnevost-fo_2k-2022.pdf
4. Цифровизация в регионах Дальнего Востока стала набирать обороты [Электронный ресурс] // Российская газета - Экономика Дальнего Востока: №31(8085). – Режим доступа: <https://rg.ru/2020/02/13/reg-dfo/cifrovizaciia-v-regionah-dalnego-vostoka-stala-nabirat-oboroty.html>

5. Цифровые технологии в российской экономике / К.О. Вишневский, Л.М. Гохберг, В.В. Дементьев и др.; под ред. Л.М. Гохберга; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: НИУ ВШЭ, 2021. – 116 с.

О МЕРАХ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ ЭКСПОРТНЫХ ПРОЕКТОВ МАЛОГО И СРЕДНЕГО БИЗНЕСА В ХАБАРОВСКОМ КРАЕ

*Молокова А. И.,
Российский экспортный центр.
Центр поддержки экспорта Хабаровского края,
г. Хабаровск*

Аннотация. Рассматриваются современные проблемы осуществления внешнеэкономической деятельности субъектами МСП, региональные особенности этого процесса в Хабаровском крае. Оценивается системная поддержка экспортных операций МСП организациями Российского экспортного центра, включая Хабаровский центр. Предлагаются новые направления государственной поддержки, позволяющие снизить риски во внешнеэкономической деятельности.

Ключевые слова: экспортные операции; малое и среднее предпринимательство; Российский экспортный центр; Хабаровский край

Субъекты малого и среднего предпринимательства (далее – СМСП) в РФ являются активными участниками внешнеэкономической деятельности. В силу небольшой штатной численности (до 250 человек³³) и ограниченного законом объема выручки от реализации товаров/работ/услуг (до 2 млрд рублей в год¹) они способны быстро адаптироваться к интенсивно изменяющимся рыночным условиям и оперативно реагировать на конъюнктурные и институциональные изменения.

В Хабаровском крае на долю СМСП приходится около 40% экспортных поставок. По данным таможенной статистики в 2021 году в регионе 281 компания осуществляла экспортные поставки в зарубежные страны, из них 224 относятся к категории СМСП в соответствии с реестром ФНС³⁴.

³³ ст.4 Федерального закона от 24.07.2007 № 209-ФЗ (ред. от 28.06.2022) "О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации".

³⁴ ст.4.1 Федерального закона от 24.07.2007 № 209-ФЗ (ред. от 28.06.2022) "О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации", <https://ofd.nalog.ru/index.html>.

В экспортное сообщество региона входят компании из различных отраслей, которые экспортируют не только продукцию топливно-энергетического комплекса, металлы, древесину и морепродукты, но и IT-решения для зарубежных рынков, продукцию легкой промышленности и креативной индустрии, высокотехнологичную и машиностроительную продукцию, аэродромную технику, пищевую продукцию и АПК, туристические, медицинские услуги и услуги по проектированию.

География экспорта СМСП Хабаровского края в течение длительного времени остается относительно стабильной. Основные внешнеторговые партнеры региона – Китай, Республика Корея, Япония, Казахстан.

В настоящее время из числа этих стран только Япония присоединилась к полному пакету санкций против России, включающему финансовые, торговые ограничения, ограничения свободы передвижения. На долю Японии во внешнеторговом обороте региона приходилось не более 8%.

Но это не значит, что рынок Японии для Хабаровского края безвозвратно утрачен, отгрузки в данном направлении также продолжаются с учетом более сложной и дорогостоящей логистики, если товароотправителям важно удержать контрагента в этой стране, и сохраняется экономическая целесообразность сделок.

На страны Европейского Союза до введения санкционного режима приходилось менее 1% экспортных отгрузок региона, на Соединенные Штаты Америки и Канаду – 0,5%. При этом, в большинстве случаев поставки осуществлялись по каналам электронной коммерции в сегменте B2C.

В отношении Китайской Народной Республики – основного внешнеторгового партнера края – прогноз положительный. В прошлом году товарооборот с Китаем превысил 1 млрд долларов (33% от товарооборота Хабаровского края). И по сравнению с 2020 г. наблюдался рост товарооборота региона с Китаем почти на 25%. По итогам 2022 года ожидается сохранение положительной тенденции.

Кроме того, в условиях текущей геополитической обстановки у Хабаровского края хорошие перспективы в наращивании сотрудничества с Индией, Монголией, Турцией, Ираном, странами Юго-Восточной Азии и Ближнего Востока, в первую очередь ОАЭ и Саудовской Аравией.

Для работы с экспорто-ориентированными компаниями малого и среднего бизнеса в Российской Федерации была создана сеть региональных центров поддержки экспорта. В настоящее время такие центры поддержки экспорта функционируют в 82 регионах Российской Федерации в качестве вспомогательной инфраструктуры для субъектов малого и среднего предпринимательства, осуществляющих или только

планирующих экспортную деятельность. Меры поддержки экспортоориентированных СМСП осуществляются за счет средств федеральной субсидии Минэкономразвития РФ при методическом и информационном сопровождении АО "Российский экспортный центр" (далее – АО "РЭЦ").

В Хабаровском крае функция по сопровождению экспортной деятельности реализуется уже более 10 лет. В наиболее эффективном усиленном формате поддержка экспорта осуществляется с февраля 2020 года, когда было создано отдельное юридическое лицо – АНО "Центр поддержки экспорта Хабаровского края" (далее – Центр поддержки экспорта), выработаны новые алгоритмы и стандарты работы по поддержке внешнеэкономической деятельности компаний в регионе.

Для достижения целей по развитию экспорта региона, географической и товарной диверсификации, наращиванию объёмов несырьевого неэнергетического экспорта и сопровождению деятельности экспортоориентированных СМСП Центром поддержки экспорта в Хабаровском крае реализуются все меры государственной поддержки в соответствии с Приказом Минэкономразвития РФ от 18.02.2021 № 77.

В период с 2020 по 2022 гг. в Центре экспорта более 540 СМСП получили услуги. Большинство услуг Центра поддержки экспорта бесплатны для субъектов малого и среднего предпринимательства Хабаровского края, часть услуг предоставляется на условиях софинансирования при условии оплаты не менее 20% получателем услуги.

Для СМСП в Центре поддержки экспорта доступны бесплатные услуги по подготовке экспортных контрактов, поиску партнёров в зарубежных странах, консультированию, участию в международных выставках и бизнес-миссиях, размещению на электронных торговых площадках, подготовке сувенирной и презентационной продукции, адаптации упаковки продукции под требования зарубежных рынков, участию в обучающих семинарах и мастер-классах.

На условиях софинансирования не менее 20% расходов со стороны СМСП в Центре поддержки экспорта предоставляются услуги по проведению маркетинговых исследований рынка зарубежной страны, подготовке сайтов на иностранных языках, оплате расходов по транспортировке экспортной продукции по территории РФ, приведению производственного процесса в соответствие с требованиями международных рынков, в том числе проведению сертификации продукции и оформлению сертификатов происхождения, защите интеллектуальной собственности и регистрации торговых наименований в зарубежных странах (не менее 30% софинансирования со стороны СМСП).

По итогам 9 месяцев 2022 г. Центром поддержки экспорта оказано 790 услуг для 245 экспортно-ориентированных субъектов малого и среднего предпринимательства края, в том числе для 13 СМСП подготовлены экспортные контракты с зарубежными контрагентами; для 36 СМСП найдены партнеры в зарубежных странах (в таких странах как Федеративная Республика Германия, Китайская Народная Республика, Япония, Республика Корея, ОАЭ, Вьетнам, Монголия, Индия, Республика Казахстан, Республика Беларусь и др.); 39 СМСП размещены на международных электронных торговых площадках (Fordaq.com, Alibaba.com, Etsy.com, eBay.com, Topfranchise.com, Livemaster.ru, Strip.com и др.); для 26 СМСП организована застройка выставочных стендов на крупнейших международных выставках; для 14 СМСП разработаны сайты на иностранных языках; 9 СМСП оказана услуга по приведению производственного процесса в соответствие с обязательными требованиями, предъявляемыми на внешних рынках для экспорта товаров (сертификация PEFC, Programme for the Endorsement of Forest Certification, сертификация ISO 9001:2015, оценка соответствия продукции СМСП ветеринарно-санитарным требованиям и пр.), 223 СМСП на базе Центра экспорта прошли обучение по всем аспектам ведения экспортной деятельности.

Тенденция роста сейчас наблюдается по поставкам товаров и услуг посредством каналов электронной коммерции. По статистике Центра поддержки экспорта каждый третий экспортный контракт заключается на международных электронных маркетплейсах.

В 2020 году Центром поддержки экспорта размещено 36 СМСП на 4 электронных торговых площадках (далее – ЭТП), заключено 4 экспортных контракта на общую сумму 135 869,99 долл. США. В 2021 году размещено 43 СМСП на 5 ЭТП, заключено 14 экспортных контрактов. За неполный период 2022 года размещено 39 компаний на 7 ЭТП. Результативность продаж 2022 года по каналам электронной коммерции ровно в 10 раз выше, чем в предыдущие годы, и по состоянию на текущую дату составляет почти 1 млн 400 тыс. долл. США.

Для оптимизации расходов СМСП и сроков поставки продукции по каналам электронной коммерции в сегменте В2С с 2021 года АО "Российский экспортный центр" введена новая мера поддержки по размещению продукции на складах временного хранения за рубежом. В 2022 году данную меру поддержки получили 6 СМСП Хабаровского края, которые поставляют на экспорт по каналам электронной коммерции пищевую продукцию, БАДы, продукцию легкой промышленности, хэнд-мейд товары и др.

Эффективным инструментом оперативного реагирования на меняющиеся геополитические условия и новую проблематику малых и

средних компаний также стало внедрение АО "РЭЦ" в марте 2022 года новой меры поддержки по оплате транспортных расходов СМСП при транспортировке по территории РФ продукции, предназначенной для экспорта на внешние рынки. Данная мера поддержки особенно актуальна в целях наращивания экспорта продукции на рынки более отдаленных стран, когда стоимость затрат на логистику делала продукцию неконкурентоспособной по цене.

Теперь Центры поддержки экспорта могут оплатить напрямую перевозчику до 80% расходов по транспортировке экспортного груза по территории РФ, в том числе погрузочно-разгрузочные работы, сортировку, консолидацию, разукрупнение, маркировку, паллетирование, переупаковку экспортных грузов и пр. На каждую компанию существует лимит до 500 000 руб. в год. В 2022 году 7 предпринимателей из Хабаровского края уже получили данный вид поддержки.

По итогам проведенной работы в режиме санкционного давления за 9 месяцев 2022 года при содействии Центра поддержки экспорта 20 СМСП заключили 28 экспортных контрактов на сумму более 8,9 млн долл. США.

Вместе с тем сильное стагнирующее влияние на экспортную деятельность оказывают карантинные и санкционные ограничения. Ряд экспортных контрактов находятся в стадии отложенного подписания уже несколько месяцев.

Ввиду ухода крупных зарубежных морских линий с российского рынка, ощущается нехватка контейнерного оборудования. Контейнерный парк, который сейчас есть в наличии в РФ, может покрыть не более 40% от текущей потребности. Постепенно заходят мелкие китайские перевозчики, но ситуация все еще далека от стабилизации.

Остаются проблемы с карантинными ограничениями в портах и пунктах пропуска Китая, что сказывается на сроках и стоимости доставки экспортной продукции.

Также затрудняет внешнеэкономическую деятельность досрочное прекращение действия международных сертификатов на российскую экспортную продукцию. Так, по решению сертифицирующего органа с 8 апреля 2022 года в РФ и Беларуси приостановлено действие международных торговых сертификатов на продукцию из древесины "FSC" и "SBP". С 4 марта 2022 года решением Совета директоров PEFC Int. российская древесина и продукция из нее признаны "конфликтными".

Остаются трудности с взаиморасчетами с иностранными партнерами, в том числе в ряде дружественных стран, где банки с государственным участием отказываются обслуживать платежи с российскими резидентами, опасаясь включения в санкционные списки.

Но несмотря на текущие сложности в сфере экспорта СМСП в 2022 году в Хабаровском крае перевыполняются ключевые показатели, установленные АО "Российский экспортный центр", в том числе по количеству заключенных экспортных контрактов субъектами малого и среднего предпринимательства региона и стоимостному объему экспортных отгрузок.

Список литературы и источников:

1. Федеральный закон от 24.07.2007 № 209-ФЗ (ред. от 28.06.2022) "О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации".

2. Приказ Министерства экономического развития РФ от 18 февраля 2021 г. № 77 "Об утверждении требований к реализации мероприятия по созданию и (или) развитию центров поддержки экспорта, осуществляемого субъектами Российской Федерации, бюджетам которых предоставляются субсидии на государственную поддержку малого и среднего предпринимательства, а также физических лиц, применяющих специальный налоговый режим "Налог на профессиональный доход", в субъектах Российской Федерации в целях достижения целей, показателей и результатов региональных проектов, обеспечивающих достижение целей, показателей и результатов федерального проекта "Акселерация субъектов малого и среднего предпринимательства".

3. Приказ Министерства экономического развития РФ от 24 сентября 2021 г. № 566 "Об утверждении порядка проведения акционерным обществом "Российский экспортный центр" мониторинга соблюдения центрами поддержки экспорта требований к центрам поддержки экспорта и анализа результатов деятельности центров поддержки экспорта".

4. Протокол совещания по подведению итогов деятельности центров поддержки экспорта за 9 месяцев 2022 года АО "Российский экспортный центр" от 27.10.2022 № 4.

НАЛОГОВЫЕ ДОХОДЫ РЕГИОНАЛЬНЫХ БЮДЖЕТОВ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

*Новицкий А. А.,
ФАНУ «Востокгосплан»,
г. Хабаровск*

Аннотация. Рассмотрено текущее состояние, проблемы и перспективы роста налоговых доходов региональных бюджетов на Дальнем Востоке. Предложены варианты повышения налоговых

доходов региональных бюджетов за счет корректировки федеральной части налоговых доходов.

Ключевые слова: налоговые доходы, Дальневосточный федеральный округ, налог на прибыль организаций, региональные бюджеты

Изменения, происходящие сегодня в отечественной экономике, неизбежно окажут влияние на состояние региональных бюджетных систем. Для регионов Дальнего Востока вопросы повышения бюджетных доходов, обеспечения сбалансированности и устойчивости бюджетов имеют особую актуальность в связи с поставленными задачами ускорения социально-экономического развития.

Собственные (налоговые и неналоговые) доходы региональных бюджетов в значительной мере определяются масштабами и состоянием региональной экономики, финансовыми результатами и инвестиционной активностью хозяйствующих субъектов. В дальневосточных регионах доходы бюджетов формируются под влиянием таких факторов как: высокий удельный вес ресурсных отраслей в валовом региональном продукте, зависимость от объема экспорта и конъюнктуры мировых цен на сырье, значительная роль государственного сектора в экономике, сравнительно невысокая концентрация экономической активности.

В сложившихся условиях характерной особенностью бюджетов регионов Дальнего Востока является хронически низкая обеспеченность собственными доходами. По показателю подушевой обеспеченности налоговыми и неналоговыми доходами почти все регионы Дальнего Востока (за исключением Сахалинской области, получающей существенные доходы от нефтегазового экспорта) не достигают среднероссийской величины³⁵. По итогам 2021 г. отставание составляло от 22% в Амурской области до 3,1 раза в Камчатском крае. Уровень самодостаточности по консолидированному бюджету (удельный вес собственных доходов в общем объеме доходов бюджета) превышал среднероссийское значение (77%) только в Сахалинской области (90%). При этом существующая система выравнивания бюджетной обеспеченности субъектов Российской Федерации имеет ограниченный эффект, не решает проблему недостаточности бюджетных доходов в регионах Дальнего Востока, не предполагает формирования дополнительных бюджетных возможностей («бюджетов развития») [1, с. 24]³⁶.

³⁵ Оценка с учетом корректировки на индекс бюджетных расходов, рассчитываемый Минфином России.

³⁶ В 2021 году по значению РБО только Сахалинская область (1,377) достигала среднероссийского уровня (1,0). В остальных регионах уровень РБО после

Особенности экономического развития макрорегиона отражаются и в структуре налоговых доходов, для которой характерны:

- невысокий удельный вес доходов по налогу на прибыль организаций (в 8 регионах ниже среднероссийского уровня 30,3% в среднем за 2019-2021 гг.);

- повышенный удельный вес доходов по налогу на доходы физических лиц (в 8 регионах выше среднероссийского значения 36,8%);

- высокая доля доходов от налогов, платежей и сборов, связанных с использованием природных ресурсов (в 10 регионах выше среднероссийского значения 0,8%).

Сильная неоднородность регионов Дальнего Востока по уровню экономического развития и отраслевой структуре экономики обуславливает совершенно разную динамику налоговых доходов. В период 2012–2020 гг. объем налоговых доходов в дальневосточных регионах увеличился в реальном выражении на 21,2% (оценка с корректировкой на индекс потребительских цен). При этом почти 70% прироста было обеспечено за счет двух регионов с высокими темпами развития ресурсных отраслей экономики – Сахалинской области и Республики Саха (Якутия). В ряде других регионов объем налоговых доходов за тот же период фактически остался на прежнем уровне (Хабаровский край – 91,8%, Республика Бурятия – 97,5%, Еврейская автономная область – 102,7%, Забайкальский край – 104,0%, Приморский край – 105,8%). Отмечается, что невысокие темпы роста налоговых доходов в этот период были связаны с ухудшением конъюнктуры региональной экономики, а также снижением инвестиций в промышленность Дальнего Востока в рамках проводимой федеральными властями жесткой монетаристской политики [2, с. 98–99].

В период пандемии в регионах Дальнего Востока сокращение налоговых доходов в регионах Дальнего Востока было менее резким, чем в целом по России. В наибольшей степени пострадали отрасли, связанные с экспортом углеводородов в связи с резким ухудшением цен на мировых рынках. Вместе с тем значительный рост налоговых доходов наблюдался в золотодобывающих регионах (Амурская область, Магаданская область, Чукотский автономный округ), что было обусловлено ростом цен на драгоценные металлы на фоне повышения инвестиционного спроса.

В 2021 году российские регионы показали значительный рост бюджетных доходов, обозначив восстановление после кризиса,

---

выравнивания составлял от 0,677 в Республике Бурятия до 0,909 в Амурской области.

вызванного пандемией. Суммарно по Дальневосточному федеральному округу объем налоговых доходов консолидированных бюджетов составил 822,5 млрд рублей, с ростом 103,6% в реальном выражении. В первой половине 2022 года ситуация с бюджетными доходами в российских регионах была в целом благоприятной: темпы роста бюджетных доходов опережали показатели предыдущего года, инфляцию и темпы увеличения расходов [3, с. 69-70]. Наблюдаемое падение индексов производства товаров и услуг пока не отразилось в полной мере на динамике налоговых поступлений в связи с наличием лагов и иными особенностями уплаты отдельных видов налогов [4, с. 44]. Кроме того, повышенная доля доходов от НДФЛ в дальневосточных бюджетах играет стабилизационную роль, так как значительная часть доходов по данному налогу формируется в социальной сфере и секторе государственного управления. Вместе с тем, по итогам 9 месяцев 2022 года в 6 регионах Дальнего Востока наблюдается сокращение налоговых доходов бюджета в реальном выражении (Чукотском автономном округе (-10,9%), Магаданской области (-10,4%), Амурской области (-4,4%), Забайкальском крае (-4,5%), Еврейской автономной области (-3,5%), Камчатском крае (-0,6%)³⁷. Из них в 4 регионах главным фактором сжатия доходов стало снижение поступлений по налогу на прибыль организаций (в Забайкальском крае (-24,7%), Камчатском крае (-14,7%), Магаданской области (-14,7%), Еврейской автономной области (-12,5%)).

Сравнительно большой прирост налоговых доходов в Сахалинской области (+32,9% по итогам 9 мес. 2022 г.) отражает номинальный конъюнктурный рост доходов на фоне сильного роста мировых цен на нефть и природный газ в первой половине 2022 года. При этом фактически происходит сокращение объемов нефтегазового экспорта.

В условиях сокращения экономической активности и доходов субъектов хозяйствования налоговые доходы бюджетов в ближайшей перспективе вряд ли способны стать источником значительного роста бюджетной обеспеченности регионов. В рамках федеральной налогово-бюджетной политики поддержка региональных бюджетов может быть реализована не только традиционно через межбюджетные трансферты, но и через инструменты налоговой системы. В частности, некоторые меры поддержки могут базироваться на частичном перераспределении (децентрализации) федеральной части налоговых доходов. Для

---

³⁷ С учетом консервативной оценки прогноза инфляции к концу 2022 года на уровне 12,4% по данным Минэкономразвития России. Источник: <https://www.interfax.ru/business/871559>

дальневосточных регионов при общем объеме собранных в 2021 г. налоговых доходов 1059,5 млрд рублей³⁸, порядка 25,6% (271,7 млрд рублей) составили отчисления в федеральный бюджет (в том числе 239,2 млрд рублей – налог на добычу полезных ископаемых). Оценки по отдельным мерам такого характера позволяют говорить о наличии заметных эффектов для региональных бюджетов в случае их реализации.

1. Частичная децентрализация на региональный уровень доходов от налога на добычу полезных ископаемых (НДПИ) в целях дополнительного стимулирования развития приоритетных геостратегических территорий.

В 2021 году объем доходов по НДПИ, поступивших в федеральный бюджет с территории Дальнего Востока, составил 239,2 млрд рублей (в региональные бюджеты – 45 млрд рублей), что составляет порядка 29,1% от суммарного объема налоговых доходов, поступивших в бюджеты дальневосточных регионов.

2. Перераспределение на региональный уровень федеральной части доходов по налогу на прибыль организаций (фактическая ставка – 2%).

В условиях 2021 года реализация данной меры позволила бы увеличить налоговые доходы дальневосточных регионов на 17,4 млрд рублей (на 2,1%).

3. Частичная децентрализация на региональный уровень доходов от акцизов по отдельным товарам, зачисляемых в федеральных бюджет.

В условиях 2021 года децентрализация 20% доходов по акцизу на табачную продукцию позволила бы увеличить налоговые доходы дальневосточных регионов на 9 млрд рублей (на 1%) при распределении на основе объемов продаж табачной продукции, и на 25 млрд рублей (на 3%) при распределении на основе расчетной бюджетной обеспеченности по аналогии с федеральной дотацией на выравнивание.

Рассмотренные варианты мер поддержки в рамках налоговой системы могли бы укрепить финансовую основу для обеспечения исполнения полномочий дальневосточных регионов, ускорения социально-экономического развития Дальневосточного макрорегиона и улучшения качества жизни населения.

Список литературы и источников:

1. Веприкова Е.Б., Новицкий А.А., Гулидов Р.В. Проблемы повышения бюджетной обеспеченности регионов Дальнего Востока

---

³⁸ Без учета поступлений по налогу на добавленную стоимость.

// Регионалистика. 2020. Т. 7. № 6. С. 23–38. DOI: 10.14530/reg.2020.6.23

2. Леонов С.Н. Проблемы бюджетной сферы дальневосточных субъектов Федерации // Проблемы развития территории. 2020. № 1 (105). С. 93–108. DOI: 10.15838/ptd.2020.1.105.7

3. Дерюгин, А. Н. Региональные бюджеты по итогам января-июля 2022 г. сохраняют достаточную финансовую устойчивость / А. Н. Дерюгин // Экономическое развитие России. – 2022. – Т. 29. – № 10. – С. 69-73.

Лыкова Л.Н. Налоговые доходы региональных бюджетов в условиях санкционного давления // Федерализм. 2022. Т. 27. № 3 (107). С. 43–57. DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2073-1051-2022-3-43-57>

ЗНАЧЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НАЛОГОВЫХ ОРГАНОВ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

*Осипова Е. С.,
д-р экон. наук, доцент,
Дальневосточный институт управления – филиал РАНХиГС,
г. Хабаровск*

Аннотация. В статье рассмотрена роль налоговых органов в обеспечении экономических интересов страны. В этом вопросе имеет большое значение оценка и повышение эффективности налоговых проверок. Проведен сравнительный анализ результатов налогового контроля по России и Хабаровскому краю.

Ключевые слова: экономическая безопасность, налоговый контроль, выездная налоговая проверка, эффективность выездной налоговой проверки

События последних лет в мире вынудили Россию жить в условиях определенной политической и экономической изоляции. Условия жестких экономических ограничений явились стимулом для развития отечественных технологий и новых производств. Особое внимание уделяется укреплению экономики отдельных территорий, которые имеют стратегическое значение в обеспечении национальной безопасности, сбалансированному пространственному и региональному функционированию страны, а также укреплению экономических позиций Крыма, Крайнего Севера, Восточной Сибири, Калининградской области и Дальнего Востока.

Для планомерной работы, направленной на устранение новых угроз и обеспечение национальной безопасности, разрабатываются

правительственные программы. Развитие Дальнего Востока объявлено национальным приоритетом на весь XXI век. [1, с. 5]. В Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года рассмотрены цели и задачи государственной политики в обеспечении экономической безопасности, вопросы оценки её состояния, а также этапы и механизмы реализации Стратегии [2, с. 6-18]. К вызовам и угрозам относятся в том числе сохранение значительной доли теневой экономики и усиление дифференциации населения по уровню доходов [2, с. 5]. Поэтому среди задач государственного управления, прогнозирования и стратегического планирования названы такие как: принятие комплекса мер по деофшоризации национальной экономики; оптимизация регулятивной и налоговой нагрузки на хозяйствующие субъекты; совершенствование деятельности контрольно-надзорных органов; борьба с нецелевым использованием и хищением государственных средств, коррупцией, теневой и криминальной экономикой и другие [2, с. 7, 8]. Очевидно, что внешний и внутренний налоговый контроль является составной частью экономической безопасности страны.

Самой эффективной и трудоёмкой формой налогового контроля является выездная налоговая проверка (далее – ВВП), которая требует от инспектора высокого профессионализма и аналитических способностей. ФНС России регулярно модернизирует методологию проверок, совершенствуются методы и приёмы выявления налоговых нарушений, растёт уровень использования программных продуктов при проверке. Ускорение жизненных, экономических и налоговых процессов требует от контрольных мероприятий высокого качества при минимально возможных затратах. Соответственно на уровне планирования ВВП уже должна быть заложена высокая эффективность выявления нарушения законодательства о налогах и сборах. Однако вопрос – в чём же заключается эффективность проверки – имеет определенную дискуссионность. Это может быть и количество выявленных нарушений, и сумма доначисленных налогов, и сумма, взысканная после всех процедур рассмотрения материалов проверки. Авторские мнения здесь расходятся в основном в наборе таких позиций: один интегральный показатель или их система, простой способ расчета и (или) использование математического моделирования. Есть ключевые показатели проведения налогового контроля, на основе которых рассмотрим эффективность выездных проверок (табл. 1, 2). Также для измерения качества проверок используется характеристика «результативность».

Таблица 1 - Результаты контрольной работы налоговых органов,
всего по России

Наименование показателя		2017	2018	2019	2020	2021
1	Дополнительно начислено платежей по результатам контрольной работы всего, млрд руб., в т.ч.	373	369,8	337	249,7	267,2
а	дополнительно начислено платежей по результатам выездных налоговых проверок всего, млрд руб.	311,4	314,7	299,4	197,4	221,7
б	удельный вес доначислений по результатам ВВП в общей сумме дополнительно начисленных платежей, %, п. 1а / п. 1	83,5	85,1	88,8	79	83
в	дополнительно начислено налогов по результатам контрольной работы всего, млрд руб.	264,5	258,7	232,3	171,6	176,2
2	Удельный вес налогов в общей сумме дополнительно начисленных платежей, в %	70,9	69,9	68,9	68,7	66
3	Удельный вес налогов по ВВП в дополнительно начисленных платежах по результатам ВВП, в %	71,5	70,5	70,4	69	67
4	Количество ВВП, всего (ед.)	20164	14167	9364	6160	5426
5	Количество ВВП, выявивших нарушения налогового законодательства (ед.)	19779	13847	8988	5877	5193
6	Результативность ВВП, в % (количество ВВП, выявивших нарушения/количество ВВП)	98	97,7	96	95,4	96

Источник: данные отчетов формы 2-НК «Отчет о результатах контрольной работы налоговых органов (сведения о проведении камеральных и выездных проверок)» за 2017–2021 гг. URL. https://www.nalog.ru/rn25/related_activities/statistics_and_analytics/forms/

Можно сделать вывод о тенденциях налогового контроля в среднем по России: среди общей суммы доначислений преобладают те, что выявлены на ВВП, а среди них доначисления по налогам (в среднем около 70%). Динамика дополнительных начислений держалась практически на одном уровне. Очевиднее всего уменьшалось количество проверок из-за коронавирусной пандемии, но при этом результативность (или эффективность) оставалась на прежнем высоком уровне от 95% до 98%.

Таблица 2 Результаты контрольной работы налоговых органов,
всего по Хабаровскому краю

Наименование показателя		2017	2018	2019	2020	2021
1	Дополнительно начислено платежей по результатам контрольной работы всего, млрд руб., в т.ч.	2,5	1,45	0,47	0,94	2,27
а	дополнительно начислено платежей по результатам выездных налоговых проверок всего, млрд руб.	1,9	0,96	0,26	0,84	2,1
б	удельный вес доначислений по результатам ВВП в общей сумме дополнительно начисленных платежей, %	76	66	55	89	93
2	Удельный вес налогов в общей сумме дополнительно начисленных платежей, в %	72	70	66	67	61
3	Удельный вес налогов в дополнительно начисленных платежах по результатам ВВП, в %	74	74	69	69	62
4	Количество ВВП, всего (ед.)	110	86	38	71	67
5	Количество ВВП, выявивших нарушения налогового законодательства (ед.)	110	83	37	65	66
6	Результативность ВВП, в % (количество ВВП, выявивших нарушения/количество ВВП)	100	97	97	92	99

Источник: данные отчетов формы 2-НК «Отчет о результатах контрольной работы налоговых органов (сведения о проведении камеральных и выездных проверок)» за 2017–2021 гг. URL. https://www.nalog.ru/rn25/related_activities/statistics_and_analytics/forms/

Показатели работы налоговых органов по Хабаровскому краю выглядят не столь масштабно, как по России, но для оценки деятельности нас интересует динамика и её направленность. Наблюдается более низкий удельный вес дополнительно начисленных сумм по всем видам контроля, хотя удельный вес налогов находится на общероссийском уровне. Также снижается количество ВВП, но результативность почти на уровне 100%. Особенность динамики показателей по краю в том, что она неустойчива, и «провал» всех данных произошёл в 2019 г., а не в 2020 г.

Для объективной характеристики успешности работы налоговых органов не хватает ряда показателей, например, насколько уменьшены первоначальные доначисления, какие суммы поступили по результатам проверок, удельный вес задолженности и её динамики по налогам и

сборам и др. Автор разработал более развёрнутую систему оценки как контроля в целом, так и выездных проверок, в частности, которая позволяет учесть этапы работы налоговых и судебных органов по рассмотрению материалов проверки [3, с. 73, 75].

Задолженность по налогам и сборам по России неуклонно снижалась из года в год, но в 2020 г. по сравнению с 2019 г. выросла на 1120,2 млрд руб., что связано с экономическим кризисом в связи с коронавирусной эпидемией. При этом недоимка по налогам в задолженности 2020 г. составила 27%. Такая же тенденция прослеживается по региональным и местным налогам. Можно сказать, что работа налоговых органов по сокращению задолженности по налогам до 2020 г. была успешной (не допускала прироста задолженности) [4, с. 521].

Таким образом, можно сделать вывод о роли налоговых органов в обеспечении экономической безопасности страны и развитии Дальнего Востока:

- несомненно, что налоговый контроль является важной составляющей в обеспечении экономической безопасности страны;
- увеличение налоговых поступлений и снижение задолженности по налогам расширяет бюджетные возможности как на местах, так и в целом по стране, способствует развитию территории;
- эффективность налогового контроля может оцениваться с определёнными вариациями, но в любом случае необходимо стремиться к тому, чтобы каждая проверка заканчивалась выявлением налогового правонарушения. Это также будет подтверждать, что предпроверочные процедуры по сбору и анализу информации и сами проверки прошли с высоким результатом;
- наблюдается тенденция снижения количества проводимых ВПП, но она связана с более тщательным отбором налогоплательщиков для проверок и не является недостатком в работе налоговых органов.

Все указанные процессы будут позитивно влиять на развитие страны и снизят риск зависимости от экономики других стран.

Список литературы и источников:

1. Национальная программа социально-экономического развития Дальнего Востока на период до 2024 года и на перспективу до 2035 года. Утверждена распоряжением Правительства РФ от 24 сентября 2020 года № 2464-р. <http://static.government.ru/media/files/NAISPJ8QMRZUPd9LIMWJoeVhn116eGqD.pdf>
2. Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 13 мая 2017 г. № 208. <http://static.government.ru/media/acts/files/0001201705150001.pdf>

3. Осипова Е. С. Оценка эффективности выездного налогового контроля на основе оптимальной системы качественных показателей // Власть и управление на Востоке России. 2021. № 3 (96). С. 70–77. DOI 10.22394/1818-4049-2021-96-3-70-77 <http://vlastdviu.ru/download/rio/j2021-3/7.pdf>

4. Российский статистический ежегодник. 2021: Стат.сб./Росстат. – М., 2021. – 692 с. <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/12994>

ФОРМИРОВАНИЕ МЕТОДИКИ ОЦЕНКИ УРОВНЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ И ФИНАНСОВОЙ УСТОЙЧИВОСТИ МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

*Полохова Д. А.,
магистрант,
Гресева М. А.,
магистрант,
ФГБОУ ВО «КнАГУ»,
г. Комсомольск-на-Амуре*

Аннотация. В работе рассматривается актуальная проблема, касающаяся анализа, мониторинга и оценки уровня социально-экономического и финансового состояния муниципального образования на основе его ранжирования. Цель работы заключается в формировании методики внутреннего рейтингования сельских поселений на базе комплекса бюджетных показателей муниципальной территории. Теоретическую базу исследования составили теоретико-методологические разработки, посвященные исследованию механизмов финансово-экономического развития муниципальных территорий как пространственных подсистем региональной социально-экономической системы. Полученная в результате исследования модель может служить основой мониторинга муниципальных образований в динамике и использоваться в деятельности органов местного самоуправления.

Ключевые слова: бюджетные показатели, методика рейтингования, амплитуда колебаний рейтинга

Постановка проблемы. Важной областью деятельности органов местного самоуправления является мониторинг, анализ и диагностика уровня финансовой устойчивости и социально-экономического развития муниципальных образований (МО) [1, 3]. Данный вопрос может рассматриваться в трёх аспектах. Во-первых, относительно

внешнего сравнения, когда оцениваются несколько МО на основе совокупности показателей, выбранных для объективного отражения результативности функционирования местного уровня. Во-вторых, возникает необходимость оценки бюджетных показателей одного, отдельно взятого муниципального образования в динамике. И, наконец, наличие результатов, эталонные значения которых сравниваются с реальными данными бюджета в соответствии с ранее установленными значениями.

Решение проблемы может быть найдено с помощью процедуры рейтингования, под которой мы понимаем расположение неких объектов в определенной последовательности, обусловленной системой нормативов, требований и критериев. Для объективности и достоверности рейтинга, используемого в целях разработки и реализации оптимальных управленческих решений, методика ранжирования должна опираться на обширный массив данных, отражающих всю многогранность функционирования муниципального уровня.

Теоретическое обоснование и разработка модели оценки уровня социально-экономического состояния и финансовой устойчивости местного бюджета. Большинство методик, используемых для анализа и аналитической оценки финансового состояния бюджетов, основаны на расчете групп коэффициентов (или показателей уровня), которые отражают ту или иную сторону бюджетного процесса [1, 4, 5, 7]. Как правило, такие разработки используют классификацию бюджетных показателей, сгруппированных по степени независимости бюджетов, уровню их сбалансированности и эффективности бюджетной политики в целом.

Таким образом, в качестве основы рейтинга МО можно использовать девять аналитических показателей, которые являются составляющими указанных групп и, на наш взгляд, в наибольшей степени отражают уровни бюджетной обеспеченности и социально-экономического состояния местного бюджета.

Ранжирование проводим по группам указанных выше бюджетных показателей, сформированных в виде матрицы X:

$$X = \begin{pmatrix} X_{11} & \dots & X_{1j} & \dots & X_{1n} \\ \dots & \dots & \dots & \dots & \dots \\ X_{i1} & \dots & X_{ij} & \dots & X_{in} \\ \dots & \dots & \dots & \dots & \dots \\ X_{m1} & \dots & X_{mj} & \dots & X_{mn} \end{pmatrix},$$

где X_{ij} – аналитические показатели;

m – число аналитических показателей;

n – количество рассматриваемых периодов.

С помощью формул 1–7 далее представлен алгоритм определения уровня социально-экономического состояния и финансовой устойчивости бюджета. Так как используемые показатели имеют разноплановый характер, необходимо прибегнуть к процедуре нормирования, сформировав матрицу Z :

$$Z = \begin{pmatrix} Z_{11} & \dots & Z_{1j} & \dots & Z_{1n} \\ \dots & \dots & \dots & \dots & \dots \\ Z_{i1} & \dots & Z_{ij} & \dots & Z_{in} \\ \dots & \dots & \dots & \dots & \dots \\ Z_{m1} & \dots & Z_{mj} & \dots & Z_{mn} \end{pmatrix}. \quad (1)$$

Элемент матрицы Z_{ij} определяется по формуле:

$$Z_{ij} = \frac{x_{ij} - \bar{x}_i}{\sigma_i}, \quad (2)$$

где $\bar{x}_i$ - среднее значение i -го показателя, определяемое по формуле:

$$\bar{x}_i = \frac{1}{n} \sum_{j=1}^n x_{ij}, \quad (3)$$

σ_i - среднее квадратичное отклонение значений i -го показателя, определяемое по формуле:

$$\sigma_i = \sqrt{\frac{1}{n} \sum (x_{ij} - \bar{x}_i)^2}. \quad (4)$$

В каждой строке матрицы Z определим значение показателя, соответствующее его оптимальной величине. В результате получим матрицу-столбец Z_i^{opt} :

$$\left\{ \begin{matrix} z_1^{\text{opt}} \\ \dots \\ z_n^{\text{opt}} \end{matrix} \right\} \quad (5)$$

Отклонение показателей бюджета от их оптимальных значений найдем по формуле:

$$R_i = \sum_{i=1}^n (z_{ij} - z_i^{\text{opt}})^2. \quad (6)$$

Исходя из сущности метода среднеквадратичного отклонения, период (год), соответствующий минимальному значению R , считаем «лучшим», судя по динамике финансово-экономического состояния МО.

Выявить тенденции рассматриваемого процесса позволила методика амплитудно-частотного динамического анализа, определяющая размах колебаний относительно «лучшего» рейтингового числа [6]:

$$A = \frac{\sum \left| \left(\frac{R_i}{R_{cp}} - 1 \right) * 100 \right|}{N}, \quad (7)$$

где R_i – значение рейтингового числа для конкретного муниципального образования;

R_{cp} – среднее значение рейтингового числа для группы муниципальных образований;

N - количество муниципальных образований одного уровня управления.

Результаты. В результате применения разработанной методики получены рейтинги всех МО, входящих в Комсомольский муниципальный район Хабаровского края. В качестве эмпирических данных использовались сведения из отчетов об исполнении бюджетов сельских поселений муниципального района за 2017–2021 гг. [2]. Проведен расчет амплитуды колебаний рейтингов поселений и района в целом за рассматриваемый период с помощью формулы 7. Использование амплитудно-частотного динамического анализа позволило получить зависимость амплитуды колебаний рейтинговых чисел Комсомольского муниципального района в динамике и тренд в виде линейного графика, отражающий негативную тенденцию к росту колебаний. Такой результат для муниципального района можно интерпретировать как усиление рассогласования в подсистеме муниципального уровня. Это подтверждается исследованиями поведения социально-экономических систем и входящих в них структур, в которых отмечается характерное нестабильное влияние нижестоящих уровней на закономерности макроуровня [6].

С учетом приведенных доводов, сделанные выводы свидетельствуют об усилении дисбаланса поведения муниципальных образований. Таким образом, полученные результаты могут служить основой для разработки и принятия эффективных управленческих решений органами местного самоуправления.

Заключение. В результате изучения научно-методических источников, исследования массива данных бюджетных показателей Комсомольского муниципального района Хабаровского края было разработано методические обеспечение мониторинга и диагностики муниципальных бюджетов с помощью определяемых группами финансово-экономических показателей оценки их начального состояния и изменений в динамике.

Сформированный алгоритм оценки базируется на исходном массиве бюджетных показателей муниципальных образований за ряд лет. Обработанный по представленной методике с помощью математического инструментария фактологический материал позволит определить наиболее успешные в финансово-экономическом плане муниципальные образования района в рамках года и определить

лучшие периоды функционирования муниципальной территории в динамике. Представленная методика может использоваться органами местного самоуправления как инструмент анализа и адекватного воздействия на уровень социально-экономического и финансового развития местных бюджетов, а также оценки качества проводимой ими бюджетной политики.

Список литературы и источников:

1. Атаева А.Г. Бюджеты муниципальных образований: проблемы и источники формирования. Молодой ученый, 2019. № 3. С. 53-62.
2. Бюджет Комсомольского муниципального района // RAION-KMS.KHABKRAI.RU: официальный сайт администрации Комсомольского муниципального района. URL: <https://raion-kms.khabkrai.ru/Finansy-rajona-/Byudzhzet/> (дата обращения: 30.11.2021).
3. Бухвальд Е.М., Печенская М.А. Устойчивое развитие территорий, отраслей и производственных комплексов // Проблемы развития территории. 2017. С. 37-50.
4. Кизиль, Е.В. К вопросу об устойчивости бюджетов // Ученые записки КНАГТУ. Комсомольск-на-Амуре: ФГБОУ ВО «КНАГУ». 2022. №VI (62). С. 119-123.
5. Макейкина, С.М., Чинаева, Ю.Н. Проблемы обеспечения сбалансированности муниципальных бюджетов в современных условиях и пути их решения // С: «Вектор экономики». 2019. file:///C:/Users/8523~1/AppData/Local/Temp/Makeykina_Chinaeva.pdf
6. Родионов, В.Г. Прогнозирование динамики социально-экономического развития социально-экономических систем. // Вестник СПбГУ. Серия 5. Экономика. 2007. Вып. 2. С. 49–57.
7. Сумская, Т.В. Оценка основных направлений бюджетной политики на субфедеральном уровне // НГУЭУ. 2015. № 2. С. 83-105.

**ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА В
РАЙОНАХ КРАЙНЕГО СЕВЕРА ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО
ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА**

*Полянская Н. М.,
канд. экон. наук,
БНЦ СО РАН,
г. Улан-Удэ*

Аннотация. Дана оценка основных тенденций развития сельского хозяйства в северных районах регионов Дальневосточного федерального округа. Выделены основные проблемы развития отрасли

и обозначены пути их решения, при этом отмечена высокая роль государства.

Ключевые слова: продовольственная безопасность, сельское хозяйство, продовольственное обеспечение, население, управление, Крайний Север, Дальний Восток

Значительная часть российской территории расположена в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях (т.н. северных районах). Характерной особенностью этих местностей является низкая плотность населения – в среднем 1 чел. на 1 км² [1, с. 821]. Такие территории имеют существенные ограничения производства сельскохозяйственной продукции и продовольствия ввиду суровости, экстремальности природно-климатических условий. Вместе с тем, согласно медицинским исследованиям и рекомендациям [2], для обеспечения здоровой жизнедеятельности человеку необходимо рационально питаться. Жители северных местностей обязательно нуждаются в потреблении продуктов, содержащих белок животного происхождения (мясные и молочные продукты, яйцо, рыба и морепродукты). От рациона питания зависят самочувствие, здоровье и продолжительность жизни [3].

Одним из положений Доктрины продовольственной безопасности России [4] является достижение необходимого уровня самообеспеченности основными продуктами питания. От того, насколько регионы обеспечены собственным производством продовольствия, зависят параметры продовольственной безопасности всей страны. Основу продовольственного обеспечения составляет сельскохозяйственное производство, создающее готовые продукты питания и сырье для перерабатывающей промышленности. Для северных территорий большое значение имеет развитие собственного молочного и мясного животноводства, птицеводства, рыбного хозяйства.

Дальневосточный федеральный округ (ДФО), в котором проживает около 5,6% российского населения, включает в себя одиннадцать регионов, из которых лишь в одном (Еврейской автономной области) отсутствуют территории, относящиеся к районам Крайнего Севера и приравненным к ним местностям. Пять регионов – Республика Саха (Якутия), Камчатский край, Чукотский автономный округ, Магаданская и Сахалинская области отнесены к северным районам полностью. В остальных пяти регионах – Республике Бурятия, Забайкальском, Приморском, Хабаровском краях и Амурской области – отдельные районы и городские округа признаны северными.

С 2001 г. постепенно сокращается численность населения в северных районах, как в целом по стране, так и в ДФО. Если на

начало 2001 г. по всей России в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях проживало 10962,1 тыс. чел., то на начало 2022 г. – уже 9805,8 тыс. чел. (меньше на 10,5%). В северных районах ДФО в 2001 г. проживало 3172,1 тыс. чел., в 2022 г. – уже лишь 2764,6 тыс. чел., или на 12,8% меньше [5]. Население в этих местностях постепенно мигрирует или просто вымирает. Территории остаются без хозяина, сельхозземли (и без того малоосвоенные) не эксплуатируются, забрасываются.

Проблема носит системный характер и уже приняла хроническую форму. Суровые условия проживания и хозяйствования не способствуют сохранению и приумножению численности населения. Соответственно, не развивается или слабо развивается сельское хозяйство. Утверждать о стремлении к полной самообеспеченности северных районов продовольствием собственного производства нет оснований, но здесь нужно создавать условия для производства видов продукции, адаптированных под эти природно-климатические условия, а также малотранспортабельной продукции (свежего молока, овощей, зелени).

Тенденции развития сельского хозяйства в районах Крайнего Севера ДФО за последние несколько лет свидетельствуют о некотором спаде потенциала отрасли. Так, статистика свидетельствует [5], что на начало 2022 г. по сравнению с 2008 г. посевные площади зерновых и зернобобовых культур сократились на 31,3%, картофеля – на 41,0%. поголовье крупного рогатого скота за этот период снизилось на 23,0 %, составив всего 272,42 тыс. голов; из них поголовье коров – 115,21 тыс. голов, что на 20,0% ниже уровня 2008 г. поголовье северных оленей уменьшилось на 20,7%, составив 358,8 тыс. голов. Вместе с тем, поголовье свиней возросло на 35,8%, главным образом, за счет Сахалинской области и Камчатского края, в остальных же регионах произошло их сокращение.

При заметном сокращении поголовья сельскохозяйственных животных, северным товаропроизводителям в регионах ДФО удалось добиться некоторого роста объемов производства скота и птицы на убой. Это формирует основу собственных ресурсов мяса – важного источника животного белка в рационе питания жителей этих местностей. С каждым годом возрастает доля ДФО в общероссийском объеме производства мясных ресурсов северными районами.

В то время как общий объем производства скота и птицы на убой в районах Крайнего Севера ДФО возрос на 29,1%, в ряде регионов (Чукотском автономной округе, Магаданской области и Забайкальском крае) произошел заметный спад. Население этих регионов обеспечивалось мясными ресурсами за счет ввоза из соседних (и не только) регионов, а также за счет импорта (табл. 1).

Таблица 1 – Производство скота и птицы на убой (в убойном весе) в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, тыс. тонн*

Регионы	На начало года:			Δ 2022/2008 гг., %
	2008	2021	2022	
Республика Бурятия	2,7	2,9	2,9	+7,4
Республика Саха (Якутия)	22,3	22,4	22,7	+1,8
Забайкальский край	0,4	0,3	0,3	-25,0
Камчатский край	2,4	6,8	6,8	↑ в 2,8 раз
Приморский край	0,9	0,6	0,6	-33,3
Хабаровский край	4,3	4,0	3,9	-9,3
Амурская область	0,7	0,6	0,7	-
Магаданская область	0,5	0,5	0,3	-40,0
Сахалинская область	2,7	10,0	10,6	↑ в 3,9 раз
Чукотский автономный округ	1,3	0,5	0,5	-61,5
ДФО, всего	38,2	48,6	49,3	+29,1
в % к общероссийскому производству скота и птицы на убой в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях	30,3	37,1	38,4	+8,1 п.п.

Примечание: составлено автором по источнику [5]

*в хозяйствах всех категорий

Благодаря тому, что в хозяйствах Камчатского края и Сахалинской области произошло существенное увеличение поголовья свиней, обеспеченность населения других регионов мясными ресурсами удалось в некоторой мере повысить за счет межрегионального обмена. Рассуждать о развитии зернового производства или производства картофеля в северных районах нерационально, поскольку биоклиматический потенциал не позволяет этого по объективным причинам. Однако разведение северных оленей и крупного рогатого скота «северных» пород в целях получения мясной и молочной продукции, а также строительство тепличных комплексов для производства свежих овощей, бахчевых и зелени возможно даже в экстремальных природных условиях.

Основные проблемы при этом состоят в низкой инвестиционной привлекательности отрасли, высокой энерго- и трудоемкости производства, в неразвитости кормовой базы, рыночной и транспортно-логистической инфраструктуры. Но главная, стратегическая проблема – демографическая. Население в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях критически сокращается, как в целом по России, так и в ДФО. Причин этому множество – геополитических, социально-экономических, бытовых, культурных и др. Острой остается проблема невысокой физической и экономической доступности продовольствия для населения. Чтобы повысить уровень жизни, многие граждане вынуждены мигрировать в другие регионы и даже за рубеж.

Для решения обозначенных проблем, для сохранения местного населения и привлечения приезжих необходима добрая политическая воля государства в русле адекватной социально-экономической политики, всемерной финансовой поддержки и строгого контроля. Важно безотлагательно, на государственном уровне обеспечить полную инвентаризацию и вовлечь все имеющиеся ресурсные возможности, включая использование результатов аграрной деятельности местных домохозяйств и традиционной жизнедеятельности коренных малочисленных народов Крайнего Севера [6]. В одиночку с такими серьезными проблемами, население, увы, не сможет справиться.

Подходы к государственному регулированию и государственной поддержке агропродовольственного сектора в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях должны обеспечивать устойчивое, гармоничное функционирование сельского хозяйства, регулирование цен, развитие транспортно-логистической и рыночной инфраструктуры. Важно всемерно стремиться к снижению уровня бедности населения и материально-имущественного расслоения общества, улучшать бытовые условия жизни северян, социальное обеспечение и обслуживание [7].

Если сложившиеся тенденции продолжатся, то есть угроза демографической катастрофе и продовольственной безопасности северных местностей. А это уже угрожает подрыву национальной безопасности всей страны.

Список литературы и источников:

1. Полешкина И. О. Оценка эффективности продовольственного обеспечения районов Крайнего Севера России // Экономика региона. 2018. Т. 14, вып. 3. С. 820-835. doi 10.17059/2018-3-10.

2. Об утверждении Рекомендаций по рациональным нормам потребления пищевых продуктов, отвечающих современным требованиям здорового питания: Приказ Минздрава России от 19.08.2016 г. № 614 (в действующей редакции).

3. Хисматуллин Д.Р., Чигвинцев В.М., Кирьянов Д.А. Анализ влияния потребления пищевых продуктов на возникновение заболеваемости на основании анкетных данных и медицинского осмотра жителей Пермского края и Иркутской области // Медицина труда и экология человека. 2020. № 2 (22). С. 65-70.

4. Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности РФ: Указ Президента РФ от 21.01.2020 №20 (в действующей редакции).

5. Экономические и социальные показатели районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей в 2000-2021 годах. М.: Федеральная служба государственной статистики. 2022. 196 с.

6. Арктическая продовольственная безопасность: проблемы правового регулирования / А.А. Кондрашев [и др.]; под общ. ред. С.А. Трофимовой; Краснояр. гос. аграр. ун-т. – Красноярск, 2018. 178 с.

7. Адуков Р.Х., Адукова А.Н. Необходимость стимулирования гармоничного развития отраслей сельского хозяйства // Экономика сельского хозяйства России. 2020. № 1. С. 18-22.

СОВРЕМЕННЫЕ РЕШЕНИЯ ДЛЯ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ

*Попова Л. И.,
канд. экон. наук, доцент,
Воронина Е. Е.,
ТОГУ,
г. Хабаровск*

Аннотация. Работа посвящена изучению состояния среды обитания сельских поселений и современным методам её улучшения.

Ключевые слова: сельские поселения, среда обитания (проживания), характеристика среды, национальные и региональные проекты

О состоянии среды, в которой живет человек, люди задумывались давно. Ещё в древней Греции Аристотель анализировал это понятие и указывал на роль государства в её создании. Сам же термин «среда обитания» впервые был использован в трудах Дж. К. Гелбрейта в 1958 г. Термин среда обитания (проживания) уточнялся, дополнялся по мере развития общества. С учетом подхода с позиции экологии и права, среда обитания (проживания) — это совокупность основополагающих условий, созданных человеком и природой в границах населенного пункта, которые оказывают влияние на уровень и качество жизни и деятельности человека. Поэтому оно было включено в Градостроительный кодекс Российской Федерации, так как архитекторы, проектировщики, строители, дизайнеры: это те специалисты, которые непосредственно работают над созданием среды обитания [1].

Принятие в 2018 году Указа Президента РФ от 07.05.2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации до 2024 г.» и пакета из 12 национальных проектов определило направления деятельности и источники финансирования.

Но чтобы оценить и понять состояние среды и направления её развития нужно было разобраться с тем, что уже есть. Кроме того, во многих документах и публикациях рассматривалась городская среда. Нас же интересовала среда сельских территорий.

Нами совместно с Ассоциацией «Совет муниципальных образований Хабаровского края» проведено изучение состояния среды проживания сельского населения методом опроса глав поселений. Участвовали в опросе свыше 72% глав, что говорит о достоверности полученных данных.

В крае из 232 муниципальных образований 190 - сельские. В соответствии с принятой классификацией, они делятся на крупные, большие, средние и малые.

Крупные составляют 4,2% от всего количества, большие – 28,4%, средние – 52,6%, малые – 14,8%. В то же время распределение по числу жителей несколько иное: в крупных живет – 26,5% сельского населения; в больших – 48,9%; в средних – 23,0%; в малых – 1,6%. Общее число сельских жителей составило 226930 чел. на начало 2021 г.

Результаты анкетирования дали следующую характеристику среды обитания сельских жителей. Для жителей сел наличие жилых домов с приусадебными участками является обязательным условием нормальной жизни. В сельских поселениях 75% домов построено из древесины. Есть дома из кирпича, они составляют 13%. Это как индивидуальные жилые дома, так и многоквартирные, значительное число которых находится в Хабаровском муниципальном районе. Оставшиеся 12% приходятся на панельные и монолитные дома. Но домов с коммунальными удобствами в крае всего 25%.

Электроэнергией обеспечены все населенные пункты, газоснабжение имелось на момент проведения опроса в 20% поселений. Школы есть во всех муниципальных образованиях за исключением малых поселений. Учреждениями здравоохранения обеспечены многие поселения, но они различаются по объёму и качеству оказываемых услуг: больниц – 67; амбулаторий, поликлиник и ФАПов – 281. Клубов нет только в 9% поселений, библиотек в 3,3%. Несколько хуже обстоит дело с наличием спортивных залов, где можно заниматься и в зимнее время. Они есть в 61% поселений. Неплохой уровень обеспечения современными видами связи: телефонная связь имеется в 94,6% поселений; телевидение – в 94,0%; интернет в 86,0%, а стационарных почтовых отделений нет в 24 поселениях. Над улучшением всех видов связи идет постоянная работа. Большое значение для жителей края имеет транспортная доступность. Она у всех различная. Только автомобильным транспортом регулярно могут пользоваться жители Вяземского, Нанайского, Хабаровского районов, районов им. Лазо, им. Полины Осипенко, железнодорожным и

автомобильным транспортом – население Амурского, Бикинского, Солнечного, Ульчского районов. Население Ванинского, Советско-Гаванского и Комсомольского районов имеют возможность использовать автомобильный, железнодорожный, авиационный и водный транспорт. А для жителей Аяно-Майского, Охотского, Тугуро-Чумиканского и Николаевского районов регулярным является авиационный транспорт, водный - носит сезонный характер. В целом можно считать, что состояние среды обитания в сельских поселениях было удовлетворительным.

Дальнейшая работа инициативных групп и глав муниципальных образований по улучшению среды проживания шла по предложенным краевым правительством 52 региональным проектам в рамках 12 национальных проектов. Через год количество региональных проектов было сокращено до 46.

Учитывая пионерный характер деятельности и с целью активизации работы муниципальных образований в этом направлении, в 2021 году Ассоциация «Совет муниципальных образований Хабаровского края» объявила о проведении конкурса «Участие органов местного самоуправления и населения в реализации национальных проектов». Итоги конкурса подводились в конце 2021 года. Участниками конкурса могли быть городские округа, муниципальные районы, городские поселения, сельские поселения.

Всего прислали на конкурс свои работы 17 участников, которые были заняты в реализации 7 – национальных и 19 региональных проектов. Анализ работ по национальному проекту «Жильё и городская среда» показал, что в его рамках реализовывались следующие региональные проекты:

1. Ипотека (2020-2021гг.);
2. Жильё (2020-2021гг.);
3. Формирование комфортной городской среды (2020-2021гг.);
4. Обеспечение устойчивого сокращения непригодного для проживания жилищного фонда (2020–2021гг.);
5. Чистая вода (2021).

Победителем по группе муниципальных районов стал Комсомольский район, в составе которого 21 сельское поселение, из них девять участвуют в этих проектах. За два года работы были благоустроены общественные территории: с. Большая Картель, с. Новый Мир, с. Пивань, с. Хурта, с. Селихино, пос. Снежный, пос. Уктур, пос. Ягодный. В селе Новый Мир начато благоустройство центральной площади им. Андрея Мищенко, где установлена летняя сцена для проведения мероприятий, подготовлена спортивная площадка. В пос. Уктур благоустроена площадка, расположенная между центральной площадью и детской школой искусств. Село

Пивань – детская площадка по ул. Совгаванское шоссе 22. Село Селихино: завершены работы в сквере «Спортивный». Посёлок Снежный: создана хоккейная площадка по ул. Торговая. За два года на реализацию данных проектов были освоены 25523918 руб., в том числе из федерального и краевого бюджета 22576830 руб. Во всех участвующих в проекте поселениях есть программы по развитию населённых пунктов. Созданные объекты поставлены на учёт и увеличили муниципальную собственность. При выборе направлений работы учитывается мнение жителей.

По группе сельских поселений приняли участие в конкурсе три муниципальных образования Хабаровского района и одно Вяземского. Победителем стало сельское поселение Тополевское Хабаровского муниципального района. В рамках проекта «Жильё и городская среда» на территории села Матвеевка, входящего в Тополевское муниципальное образование, был реализован проект «Сквер общественных инициатив». На территории сквера проведены работы по планировке, устройство прогулочного маршрута, оборудованы площадка для отдыха, площадка под скейт-парк, выполнено необходимое освещение, установлены скамейки. В самом селе Тополево проведены работы по благоустройству улиц и площади, посадке сосен, созданию газона.

В целом, по данному национальному проекту в разрезе четырёх региональных проектов работали все 17 муниципальных районов и два городских округа.

Были созданы объекты ранее не существующие, и это значит, что необходимо вносить изменения в генеральные планы поселений.

Не только в городах должна проводиться работа по подготовке стратегических планов развития, как отмечал в своём выступлении В.В. Путин на Пленарном заседании ВЭФ-2022, но и в крупных, больших и средних поселениях [2]. А по малым (их – 28) требуется особый анализ и только после этого принятие решений.

Если же говорить о Хабаровской агломерации, где должен быть подготовлен мастер–план, то требуется детальное исследование сельских территорий, территориальное планирование, которое позволит устранить существующие недостатки.

Список литературы и источников:

1. Градостроительный кодекс РФ от 7 мая 1998 г. N 73-ФЗ Глава I. Общие положения (ст.ст. 1–6) Статья 5. Типы поселений Российской Федерации URL: <https://base.garant.ru/3999213/5633a92d35b966c2ba2f1e859e7bdd69/> (дата обращения: ноябрь 2022).
2. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации / Администрация

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК РОССИИ В УСЛОВИЯХ САНКЦИОННОГО КРИЗИСА: МАКРОЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОПОРЦИИ

*Прокапало О. М.,
д-р экон. наук,
ИЭИ ДВО РАН,
г. Хабаровск*

Аннотация. Представлен анализ социально-экономической ситуации на Дальнем Востоке ДФО в 2022 г. по основным видам экономической деятельности на основе оперативной статистической, аналитической и экспертной информации. Рассматриваются проблемы функционирования отраслей реального сектора экономики, социальной сферы, внешнеэкономической деятельности под воздействием блокировочных санкций.

Ключевые слова: социально-экономическая ситуация, мониторинг, региональный промышленный комплекс, инвестиции, инфраструктура, уровень жизни

Восстановительные процессы в социально-экономической сфере макрорегиона в постпандемийный период определялись воздействием смягчения ограничительных мер функционирования в условиях продолжающегося кризиса, вызванного пандемией, а также адаптационными действиями поддержки отраслей реального и инфраструктурного секторов экономики и социальной сферы, что позволило достичь определенных положительных результатов. К началу 2022 г. рост инвестиционной активности был выше допандемийного уровня в основном за счет продолжающихся проектов в транспортно-логистической и газохимической сферах, а также в добыче полезных ископаемых. Значительными темпами шло восстановление обрабатывающей промышленности региона, особенно в области машиностроения и строительных материалов. Успешная работа была отмечена во всех видах транспорта в пассажирском сегменте, сопровождающаяся расширением инструментов государственной поддержки в сфере воздушного транспорта. Удалось переломить тенденцию снижения уровня благосостояния в области денежных доходов в реальном выражении. К негативным моментам следует отнести сохранение кризисных шоков в строительной отрасли (кроме жилищного строительства);

продолжающееся сокращение численности населения за счет снижения рождаемости и возросшего количества умерших, отмеченное еще в 2020 г.; замедление интенсивности восстановления производственной деятельности промышленных предприятий относительно национальных параметров [1].

Начиная с 2022 г. национальная экономика функционирует в условиях новых вызовов и рисков, испытывая серьезные трудности в результате введения обширных блокировочных санкций со стороны США и стран Евросоюза [2].

По оперативным данным Росстата, за январь–август 2022 г. объем промышленного производства в ДФО составил 97,3% по сравнению с соответствующим периодом 2021 г. на фоне слабоположительных среднероссийских темпов роста (100,9%). Позитивные результаты и рост производства в промышленности (100,2–105,8%) продемонстрировали все (кроме дальневосточного) федеральные округа.

Негативный эффект обострения геополитической ситуации и введения новых санкций выражается в неустойчивости экономики и значительных амплитудных колебаниях месячной динамики производства. Положительные темпы роста промышленного производства в течение первых четырех месяцев 2022 г. сменились сокращением производства в мае-августе по сравнению с аналогичными месяцами прошлого года. В результате, снижение индекса промышленного производства к концу августа по сравнению с первыми месяцами 2022 г. (январь-апрель) составило 6 п.п. Позитивная динамика в начале года, в основном, была обеспечена успехами в обрабатывающем секторе, производство в котором в положительной зоне находилось в течение первого полугодия, и за январь-июнь выпуск превзошел показатели соответствующего периода 2021 г. Наиболее высокие темпы в этот период демонстрировали обрабатывающие предприятия в Республике Бурятия (122,2%), Сахалинской и Амурской областях (121,6 и 112,7% соответственно). В дальнейшем импульс восстановительного роста стал ослабевать и, по оперативным данным, за январь-август индекс производства в обрабатывающем секторе составил 98,6% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года. Добывающий сектор макрорегиона в первые месяцы 2022 г. также демонстрировал положительную динамику, и за январь-апрель рост производства составил 103,1% относительно соответствующего периода 2021 г. В последствии отмечено снижение производства, составившем в январе-августе 96,6% относительно аналогичного периода 2021 г. Значительное снижение добычи полезных ископаемых отмечено в Сахалинской области (76,4%), Чукотском автономном округе (85,3%), Камчатском крае (91,4%). Добыча нефти, включая газовый конденсат, составила 83,3% (январь-

август 2022 г. к соответствующему периоду 2021 г.), первичная переработка нефти – 82,0%, добыча природного и попутного газа – 108,0% [3].

Объем инвестиций в основной капитал в первом полугодии 2022 г. составил 868,7 млрд руб. и увеличился на 11,4% по сравнению с аналогичным периодом 2021 г. По темпам наращивания инвестиционных ресурсов в этот период ДФО являлся лидером среди федеральных округов. Доля ДФО в общероссийских объемах инвестиционных ресурсов в первом полугодии 2022 г. составила 8,9%, что выше 2021 г. (8,5%). Значительный рост инвестиций отмечен в Республике Бурятия (165,1%), Чукотском АО и Камчатском крае (153,0 и 146,4% соответственно). Основным объемом инвестиционных ресурсов аккумулировался в Амурской области (22,2% от общего объема по ДФО) и Республике Саха (Якутия) (20,1%), что связано с реализацией крупнейших инвестиционных проектов в области нефте- и газохимии, добычи полезных ископаемых, транспорта.

В строительном комплексе расширение объемов, отмеченное в феврале-апреле, продолжилось в июне и в августе, после падения производства в мае и июле. Основной сферой поддержания положительной динамики в строительстве (100,3% в январе-августе 2022 г. к аналогичному периоду 2021 г.) стало увеличение объемов ввода жилья (138,6%). По оценкам экспертов, поддержка жилищного и инфраструктурного строительства является, возможно, одним из наиболее эффективных антикризисных направлений.

Отрицательное влияние на рост экономики оказывает растущая инфляция. Индекс потребительских цен на товары и услуги, после резкого повышения в марте 2022 г., несколько снизился и в августе составил 109,9% по сравнению с декабрем 2021 г. Основным фактором высокого уровня инфляции в этот период стали цены на продовольственные товары, которые в июне по сравнению с декабрем 2021 г. выросли и составили 113,0%. Начиная с июля цены на продовольственные товары очень умеренно стали снижаться и к сентябрю достигли уровня 111,4%. Лидером роста цен на дальневосточном рынке стал сахар-песок (+38%), кофе (+29,3%), макаронные и крупяные изделия (+20,6%), молоко и молочная продукция (+15,6%). Непродовольственная инфляция с марта балансирует на уровне 111% и в сентябре составила 110,9% по сравнению с декабрем 2021 г. В сегменте непродовольственных товаров значительный рост цен отмечался на бытовые электротовары (+18,6%), легковые автомобили (+15,3%), ювелирные изделия (+22,4%). На фоне сохранения внешних условий, значительно увеличивающих экономическую неопределенность, вероятность возникновения импульса инфляции остается высокой. Прирост потребительских цен в сентябре по сравнению с августом 2022 г.

составил 0,02%, тогда как в августе по сравнению с июлем 2022 г. отмечалось небольшое снижение (на 0,3%) [4]. По всей видимости, в дальнейшем индекс потребительских цен продолжит поступательный рост. По оценкам экспертов, в настоящий момент давление мирового рынка на инфляцию в России ослаблено из-за наметившегося снижения мировых цен на сырье и продовольствие, а также накопленного эффекта укрепления рубля. В данном случае исключением является рынок зерна, где по-прежнему сохраняется риск «импорта инфляции» с мировых рынков [5].

В условиях расширяющихся кризисных и инфляционных шоков отмечено снижение реальных доходов населения ДФО до 99,2% (первый квартал) и 98,1% (второй квартал) по сравнению с соответствующим периодом 2021 г. В номинальном выражении среднедушевые денежные доходы во втором квартале выросли на 13,3%. В структуре денежных доходов населения РФ основной удельный вес занимает заработная плата, поэтому динамика реальных доходов населения зеркально отразилась и в показателях реальной заработной платы, темп снижения которой составил 98,7% по сравнению с первым полугодием 2021 г. [6]. Среднемесячная начисленная заработная плата работников организаций за январь-август 2022 г. составила 70,9 тыс. руб. и в номинальном выражении увеличилась на 11,2% по сравнению с аналогичным периодом 2021 г. Рост номинальной заработной платы отмечен во всех субъектах Федерации округа в диапазоне от 105,4% (Магаданская область) до 118,4% (Забайкальский край) [7]. Традиционно лидерами по номинальному уровню оплаты труда являются работники добывающих отраслей (добыча полезных ископаемых, рыболовство), где заработная плата в 1,8–2,0 раза превышала средний уровень по округу. В сфере образования, здравоохранения, культуры оплата труда значительно отстает и составляет лишь 80-90% от средней по ДФО.

Стабильной пока остается ситуация на рынке труда. Уровень безработицы за июль–сентябрь 2022 г. составил 4,7% и по сравнению с началом года снизился на 0,9 п.п. По-видимому, в условиях кризисных ограничений работодатели используют практику неполной занятости сотрудников, надеясь на скорое восстановление спроса. Но пока спрос на рабочую силу снижается. По оперативным данным Федеральной службы по труду и занятости, потребность в работниках, заявленная в органах службы занятости, составляла 198 тыс. человек, что на 21% меньше по сравнению с сентябрем 2021 г. [7].

Сохраняется тенденция высокой естественной убыли населения, негативно влияющей на сокращение общего числа жителей региона, но темп снижения замедлился. В январе-августе 2022 г. естественная убыль населения ДФО составила 18817 чел. и сократилась по сравнению с 2021 г. на 20%. Соотношение количества умерших к

родившимся в целом по ДФО уменьшилось и составило 1,35 (в 2021 г. – 1,41). Это свидетельствует о том, что за год умерло в 1,4 раза больше людей, чем родилось. В отдельных регионах округа (Магаданская и Амурская области, Хабаровский и Приморский края, ЕАО) этот показатель варьировал в диапазоне 1,46-1,78. Положительный естественный прирост населения был отмечен лишь в Республике Саха (Якутия) и Чукотском автономном округе.

Таким образом, период функционирования экономики на фоне пандемического локдауна и постпандемического восстановления сменился этапом санкционного кризиса в условиях нарастающей неопределенности. К позитивным моментам в этот период следует отнести сохранение тенденций увеличения объема инвестиционных ресурсов за счет реализации крупнейших инвестиционных проектов в области нефте- и газохимии, добычи полезных ископаемых, транспорта; достаточно благоприятную ситуацию на рынке труда. Негативные факторы связаны со снижением объема промышленного производства; сохранением высокого уровня инфляции; сокращением реальных доходов населения; сохранением высокого уровня естественной убыли населения.

Список литературы и источников:

1. Прокапало О. М., Бардаль А. Б., Мазитова М. Г., Суслов Д. В. Экономическая конъюнктура в Дальневосточном федеральном округе в 2021 г. // *Пространственная экономика*. 2022. Т. 18. № 2. С. 135–182. <https://dx.doi.org/10.14530/se.2022.2.135-182>
2. Минакир П. А. Мировая экономика: идеальный шторм // *Пространственная экономика*. 2022. Т. 18. № 2. С. 7–37. <https://dx.doi.org/10.14530/se.2022.2.007-037>
3. Производство отдельных видов промышленной продукции в Дальневосточном федеральном округе. Январь-сентябрь 2022 г. /ФСГС по Приморскому краю. 2022. URL: <https://primstat.gks.ru/storage/mediabank/%D0%BD%D0%B0%D1%82%D1%83%D1%80%D0%B008.pdf> (дата обращения: ноябрь 2022 г.)
4. Индексы потребительских цен на товары и услуги. /ФСГС РФ. 2022. URL: <https://fedstat.ru/indicator/31074> (дата обращения: ноябрь 2022 г.)
5. Анализ макроэкономических тенденций. 12.10.2022. / Центр макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования. URL: <http://www.forecast.ru> (дата обращения: ноябрь 2022 г.)
6. Социально-экономическое положение Дальневосточного федерального округа в 1 полугодии 2022 г. /ФСГС. 2022. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11109/document/13260> (дата обращения: ноябрь 2022).

7. Социально-экономическое положение России. Январь-сентябрь 2022 г. /ФСГС. 2022. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/osn-09-2022.pdf> (дата обращения: ноябрь 2022).

НОВЫЕ МОДЕЛИ И НОВЫЕ РИСКИ В ОРГАНИЗАЦИИ ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ

*Рензин О. М.,
канд. экон. наук,
ИЭИ ДВО РАН,
г. Хабаровск*

Аннотация. Рассматривается формирование новых механизмов участия Дальнего Востока России в международном разделении труда под влиянием усиливающихся интеграционных шоков. Определяется необходимость балансирования эффективности и рисков при подготовке и реализации новых торгово-экономических взаимодействий.

Ключевые слова: интеграция; дезинтеграция; стратегия регионального развития; международное разделение труда; Дальний Восток России

Проблема внешних торгово-экономических взаимодействий Дальнего Востока России на всех этапах хозяйственного освоения региона имела большое практическое значение как для производственных, так и управленческих структур.

В рамках создания единого экономического комплекса в рамках самой большой по географическим масштабам страны рациональным было признано формирование эффективных региональных режимов совмещения внутри- и внешнеэкономических процессов. При усилении потенциальных возможностей международного разделения труда, выходе мировой экономики на всемирную системную организацию использования значительной части факторов развития, безусловно, возросла значимость использования природно-географического положения дальневосточного региона для интеграционного сотрудничества. Особенно концентрировано это было отражено в основных стратегических документах, определяющих развитие региона в последнее десятилетие [1, 2]. Оно было тесно связано с реализацией программы интеграции России в АТР, активного экономического «продвижения на Восток». Эти задачи и ожидаемые результаты от их решения отражали реалии организации эффективного экономического процесса, основанного на принципах минимизации затрат на производство благ за счет международного разделения труда,

стремительного и опережающего использования для этого научно-технических новаций, достижения за счет этого высоких темпов роста производства и потребления. Интеграция и инновационность были одной из ключевых формул национального развития России.

В первом квартале 2022 года сильное корректирующее воздействие на реализацию этого процесса оказало резкое изменение в характере международных отношений России. Произошло и продолжает усиливаться разделение стран – потенциальных экономических партнеров на группы, придерживающихся по отношению к сотрудничеству с Российской Федерацией разной степени радикальности и последовательности конфронтационных позиций. Это принципиально осложнило потенциальные возможности трансграничных контактов России, вызвало генерирование многочисленных дополнительных рисков и ограничений в используемых международных практиках. Взрывной характер жесткого воздействия внешнеполитических рисков генерировал шлейф производных экономических, финансовых и социальных рисков, их региональных проявлений.

Частью негативной трансформации процессов на внешнем контуре национальной экономики является изменение возможностей участия Дальнего Востока в международных торгово-экономических взаимодействиях. Политические осложнения привели к разрывам в сложившихся контрактных отношениях, в трансграничных производственных цепочках, в традиционно используемых логистических маршрутах.

Отметим, что для исследователей Дальнего Востока России, экономика которого за многие годы плотно инкорпорировалась в международные системы хозяйствования, это не стало абсолютно неожиданным явлением. Так, в ряде научных работ рассматривались дезинтеграционные и альтернативные интеграционные процессы [3, 4]. Такие сценарии для торгово-экономических взаимодействий в АТР прогнозировались не только по политическим причинам, но и как следствие использования различных национальных моделей экономической организации. В результате мониторинга, фиксирующего активизацию противоречий, делались прогнозы потенциального разрыва взаимосвязей, реформирования контактов в новых конфигурациях и возникновения в регионе новой многополярности. В 2020-х годах такие исследовательские сценарии реализовались: сначала в виде шоковой реакции на последствия пандемии, затем – разрушения производственных и логистических цепочек, и в продолжение (скорее всего, долговременного), обострения политических рисков.

Новый профиль международного развития экономики Дальнего Востока требует соответствующего формирования изменений во

внешнеэкономической политике как для адаптации к текущей ситуации, так и для среднесрочной и долгосрочной перспективы. Она уже начала не просто эволюционировать под воздействием происходящего, но по ряду составляющих стала меняться кардинально. Возникла необходимость реализации новых подходов к развитию региональной экономики, осуществления принципиальных изменений в устоявшихся и казавшихся незыблемыми стратегиях, тактиках и механизмах её функционирования.

Во-первых, это связано с возможностями (или невозможностями) использования старых инструментов и форматов. Возникновение серьезных проблем развития во внешнем контуре российской экономики вызвало и в экспертном сообществе, и во властных структурах, и в функционирующем бизнесе активизацию идеологии отказа от дискредитировавшей себя практики международного сотрудничества. Активно стала обсуждаться необходимость ускоренного перехода к значительно более высокому уровню суверенизации экономического развития, основанного на приоритетности импортозамещения, выхода страны из международных организаций и реализуемых ими глобальных экономических проектов. С этих позиций, учитывая прогнозируемую долговременность действия введенных (и, очевидно, ожидаемых в будущем) ограничений в международном сотрудничестве России, необходима системная внутренняя перестройка экономики Дальневосточного региона. Она потребует переоценки ряда стратегических позиций в региональном развитии, а также осуществления целенаправленных производственных, социальных, инфраструктурных и институциональных преобразований.

Во-вторых, поскольку важным конкурентным преимуществом Дальневосточного федерального округа является его экономико-географическое положение, т.е. непосредственная близость к рынкам Азиатско-Тихоокеанского региона, то возникает необходимость формирования новых вариантов международного сотрудничества, принципиальную эффективность которого для национальных экономик никто не отменял. Ввиду отказа ряда сформировавшихся и отлаженных практикой в предыдущие периоды международных финансовых и хозяйственных механизмов, требуется создание их альтернативных версий.

Очевидно, что с учетом этих позиций интеграционная повестка для Дальнего Востока России вовсе не исчерпана. Однако в связи с изменениями ситуации она требует корректировок и обновления, определения новой роли внешней торговли, новых приоритетов в использовании экспорта и импорта товаров, услуг, инвестиций.

В-третьих, разрушение системной архитектоники инициирует изменение ролей и удельных весов отдельных стран и регионов в

торгово-экономических взаимодействиях Дальнего Востока. Взрывной характер новых неопределенностей вызывает необходимость изменений в идентификации, оценке и разработке методов минимизации рисков социально-экономического развития в сотрудничестве с каждой из стран-партнеров. В соответствии с дифференциацией потенциальных экономических партнеров, в современной международной практике необходимо осуществить разделение моделей организации взаимодействия с ними, реализации своеобразного многослойного интеграционного процесса.

Учитывая сложившуюся дихотомию в распределении потенциальных партнеров «по дружественности», следует согласиться с предложениями о целенаправленном формировании устойчивых каналов внешнеэкономического сотрудничества с дружественными и нейтральными по отношению к России странами, которые должны быть обеспечены дополнительными мерами финансовой и организационной поддержки. Но одновременно необходимо рассмотреть варианты экономического взаимодействия с другими потенциальными партнерами, которые в перспективе могут изменить приоритеты в организации сотрудничества с политических контуров, на экономические и технологические.

Список литературы и источников:

1. Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 декабря 2009 г. № 2094-р. с.4

2. Национальная программа социально-экономического развития Дальнего Востока на период до 2024 года и на перспективу до 2035 года. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2020 г. №2464-р.

3. Рензин О.М. Дальний Восток России и СВА: новые проекты и новые риски. Власть и управление на Востоке России №4 (97), 2021, с.8-15

4. Ариф М. Региональная интеграция: альтернативы для российского Дальнего Востока//Пространственная экономика №3, 2007, с.130-133

ФАРМАЦЕВТИЧЕСКАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА: МИКРООТРАСЛЬ МАКРОРЕГИОНА

*Стельмах В. С.,
магистрант,
Дальневосточный институт управления – филиал РАНХиГС,
г. Хабаровск*

Аннотация. Фармацевтическая отрасль является одним из драйверов развития современной промышленности. Фармацевтическая промышленность в России и в мире активно росла на фоне пандемии, вызвавшей глубокий социально-экономический кризис многих отраслях. Основная часть предприятий сконцентрирована в европейской и уральской части страны, на фоне этого фармацевтическое производство на Дальнем Востоке продолжает оставаться микроотраслью макрорегиона.

Ключевые слова: Дальний Восток, фармацевтическая отрасль, региональная политика.

Развитие Дальневосточного региона в последнее десятилетие связано с крупными экономическими сдвигами. Они включали важные изменения как в стратегическом планировании, так и технологиях принятия оперативных решений.

Во-первых, в 2012 г. Президент России декларировал стратегический приоритет страны в XXI в. – ускоренное развитие Дальнего Востока. Данный приоритет подразумевает решение нового класса задач в области региональной политики, экономического регулирования, промышленного развития, технологической модернизации и социальной динамики. Во-вторых, Дальневосточный регион наряду с другими территориями испытал сильные шоки, вызванные пандемическими процессами. Они оказали большое влияние на отраслевую и территориальную структуру производственной системы региона. Важно отметить, что этот регион, имеющий отчетливую промышленную специализацию, неоднократно показывал способность к адаптации в условиях острых кризисных процессов и макроэкономических шоков [1].

Одним из секторов, испытавших в большой степени влияние происходящих флуктуаций, стала фармацевтическая отрасль. В национальных масштабах Российской Федерации она достаточно успешно справилась с коронакризисом: производство не сократилось, внешнеторговая активность возросла, государственная поддержка наиболее проблемных зон была оказана вовремя. Компании фармотрасли быстро нарастили затраты на исследования и разработки,

масштабные государственные заказы на медикаменты и вакцины поддерживали финансовые показатели компаний.

Стоит отметить, что пандемия не сильно трансформировала планы отечественных производителей по развитию. Одним из векторов, который определяет это направление, является стратегия «Фарма-2030». В разработанной стратегии на новое десятилетие фокус развития фармотрасли смещен в сторону локализации производства субстанций и выпуска фармпрепаратов по полному циклу. Как раз первый год пандемии выявил высокую зависимость России от импорта фармацевтических субстанций, а также показал ряд проблем, с которыми могут столкнуться отечественные производители. Поэтому задача увеличить уровень локализации производства субстанций является приоритетной [2].

Около 90% объемов фармацевтического производства (по активам и прибыли) сконцентрировано в трех федеральных округах: ЦФО, СЗФО, ПФО, при этом более половины занимает ЦФО. По численности персонала доля данных округов ниже, что свидетельствует о более высокотехнологичном и автоматизированном производстве. У предприятий СЗФО наибольшая рентабельность за счет большого выпуска инновационных препаратов в сравнении с другими округами. Кроме того, в данных федеральных округах функционируют несколько фармацевтических кластеров, что влияет на высокую эффективность производства. Удельный вес Дальневосточного региона самый низкий, при этом наблюдается высокое значение коэффициента автономии, что свидетельствует о низкой активности привлечения заемных средств. В силу высоких производственных и транспортных издержек рентабельность продаж по ДФО самая низкая среди федеральных округов.

Основными ограничениями в развитии фармацевтической отрасли на Дальнем Востоке являются:

- удаленность региона от основных отечественных производителей сырья и материалов для производства, что повышает логистические издержки в структуре себестоимости;
- малая емкость местного рынка и удаленность от более объемных отечественных рынков сбыта лекарственных препаратов;
- неразвитая инфраструктура, что затрудняет приток инвестиций в данную отрасль [3].

Наряду с этим, российский Дальний Восток обладает географическими и сырьевыми особенностями, позволяющими успешно развивать фармацевтическое производство:

- близость Китая и Индии как основных поставщиков фармацевтических субстанций в Россию;
- низкий уровень конкуренции среди фармацевтических предприятий в регионе;

- соседство со странами АТР как потенциальными рынками сбыта определенных лекарственных средств;
- большое разнообразие биоресурсов, в том числе лекарственных растений [3].

На наш взгляд, фармацевтическую промышленность Дальнего Востока целесообразно разделить на несколько секторов:

- аптечное производство (так называемая фармация) препаратов по рецептам и лекарственных средств для ЛПУ, имеющих короткий срок годности (объем производства сильно ограничен и с каждым годом уменьшается в связи с высокими издержками);

- производство БАДов и лекарственных препаратов на основе растительного и животного сырья (ООО «ФармОушен Лаб.» (Приморский край), ЗАО «Аметис» (Амурская область);

- производство медицинских газов и газовых смесей в сочетании с техническими и пищевыми газами (предприятия сектора «С» можно косвенно относить к фармацевтическому производству, так как доля продукции медицинского назначения не преобладает в общей структуре производства и реализации ОАО «Дальтехгаз», ООО «Формула-ДВ» (Хабаровский край), ПАО «Кислород» (Приморский край));

- широкое производство лекарственных средств по различным направлениям: ампульное, инфузионное, таблетное (ОАО «Дальхимфарм» (Хабаровский край), ЗАО «Ист-фарм» (Приморский край)).

Тем не менее, динамично развивающаяся фармацевтическая отрасль в других экономических районах страны на Дальнем Востоке сохраняет практически нулевые позиции и не приносит особого вклада в региональный продукт.

В России проявляются те же факторы размещения фармацевтических предприятий, что и за рубежом: характерно сохранение значимости исторически сложившихся центров производства, часто предпочтение отдается расширению мощностей уже действующих предприятий, а не созданию новых [4, 5].

Новые многоцелевые и капиталоемкие имущественные комплексы возникают на базе сложившихся центров фармацевтических исследований, с ориентацией на рынки сбыта крупнейших агломераций, в особых экономических зонах, индустриальных парках. А иностранные инвестиции приходят в основном только в западные регионы страны в силу их емкого рынка сбыта и близости к странам происхождения компаний, являющихся преимущественно европейскими [5].

В результате сложившихся сегодняшних территориальных промышленных диспропорций, политической ситуации и

экономической конъюнктуры у Дальнего Востока появляется возможность развития фармацевтической отрасли.

Список литературы и источников:

1. Минакир, П. А. Российский Дальний Восток на пути в будущее : научный доклад / под ред. П. А. Минакира. – Хабаровск : ИЭИ ДВО РАН, 2017. – 395 с.
2. Фармацевтический рынок России: аналитический отчёт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dsm.ru/marketing/free-information/analytic-reports> (дата обращения: 01.11.2022).
3. Стельмах В. С. Экономическое состояние фармацевтических предприятий Дальнего Востока [Электронный ресурс] / В. С. Стельмах // Управление экономическими системами. – 2017. – № 9. – Режим доступа: <http://uecs.ru/otraslevaya-ekonomika/item/4542-2017-09-21-07-34-14> (дата обращения: 01.11.2022).
4. Мантуров Д. В. Промышленная политика в российской фармацевтической отрасли // Экономическая политика. – 2018. – № 13. – С. 66–77.
5. Кузнецова О.В., Бобровский Р.О. Факторы размещения фармацевтических предприятий на примере крупнейших фармкомпаний России // Известия Российской академии наук. Серия географическая. – 2022. – № 2. – С. 168-178.

**СОЦИАЛЬНАЯ СТАВКА ДИСКОНТИРОВАНИЯ
КАК ХАРАКТЕРИСТИКА МЕЖВРЕМЕННЫХ
ПРЕДПОЧТЕНИЙ НАСЕЛЕНИЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА**

*Стрелов Н. Н.,
ФАНУ «Востокгосплан»,
г. Хабаровск*

Аннотация. В статье рассматривается проблема определения социальной ставки дисконтирования для оценки экономической (общественной) эффективности инвестиционных проектов. Рассмотрена зарубежная и российская практика эмпирической оценки указанной ставки. Методом межвременных предпочтений рассчитаны значения ставки для Российской Федерации и регионов Дальнего Востока.

Ключевые слова: оценка общественной эффективности инвестиционных проектов, социальная ставка дисконтирования, метод межвременных предпочтений, Дальневосточный федеральный округ.

В вопросах общественной оценки эффективности инвестиционных проектов основными индикаторами выступают такие показатели как экономическая чистая приведенная стоимость (*ENPV*) и экономическая внутренняя норма прибыли (*EIRR*). При этом для дисконтирования *ENPV* применяется социальная ставка дисконтирования (*social discount rate – SDR*). Инвестиционный проект считается выгодным, если $ENPV > 0$, а $EIRR > SDR$. Логика оценивания *SDR* имеет дискуссионный характер и насчитывает несколько подходов. В Российской Федерации, в отличие от других стран, отсутствует практика нормативного установления рекомендуемых значений *SDR*. Расчету этой ставки для Российской Федерации и Дальнего Востока, в частности, посвящена настоящая статья.

Теоретические основы

Реализация инвестиционного проекта за счет бюджетных средств с точки зрения общества означает отвлечение ресурсов, которые могли бы быть потреблены в настоящем ради выгод от инвестиционного проекта в будущем. В связи с этим возникает вопрос: достаточно ли ценны для общества возможные выгоды в будущем, чтобы ограничивать себя в потреблении сейчас? [1, с. 16]

Так как финансируемые государством социально значимые проекты создают блага не для конкретного индивида или юридического лица, а для всего общества, то применение ставки дисконтирования для частных (коммерческих) проектов становится невозможным [2, с. 49]. В связи с этим для проектов с участием государственного финансирования ставится задача определить собственную, специфическую ставку дисконтирования – социальную ставку дисконтирования.

SDR количественно выражает мнение общества о балансе между текущими и будущими выгодами и издержками. Чем выше значение *SDR*, тем более ценны для общества доход и потребление в текущий момент времени, и тем меньший приоритет отдается будущим поколениям.

В мировой экономической науке преобладает расчет *SDR* методом межвременных предпочтений (*Social Rate of Time Preference – SRTP*) [3, с. 70]. Логика подхода заключается в необходимости учитывать благосостояние как нынешнего, так и будущих поколений и разрабатывать оптимальное планирование, основанное на индивидуальных предпочтениях в потреблении. Современная модификация формулы *SRTP* следующая [5, с. 12]:

$$SRTP = \delta + L + g * \mu, \text{ где:}$$

δ – чистая ставка межвременных предпочтений – является субъективным балансовым параметром, устанавливающим приоритет нынешнему либо будущему поколениям общества;

L – уровень риска для жизни – вероятность членов общества не дожить до потребления тех социальных благ, которые сгенерирует реализованный инвестиционный проект;

g – темп прироста потребления на душу населения – характеризует прогнозную динамику потребления обществом экономических благ;

μ – эластичность предельной полезности потребления – коэффициент зависимости общественной полезности от потребления.

Эмпирическая оценка

В развитых странах мира размер социальной ставки дисконтирования имеет официально рекомендованные значения.

Великобритания – одна из стран, где SDR для национальной экономики рассчитывается на протяжении долгого времени. Впервые ставка была установлена в 1967 г. на уровне в 8,0% и, изменившись 4 раза, с 2003 г. по настоящее время составляет 3,5% [4, с. 70; 5, с. 46].

В Европейском союзе практикуется установление одинаковых рекомендуемых значений SDR . С 2014 г. оно составляет 3,0%, за исключением крупных проектов в наименее развитых странах ЕС, для которых ставка рекомендована на уровне 5,0%. За членами Союза остается возможность применения национального значения ставки [8, с. 55].

В целом для развитых стран характерно значение ставки дисконтирования на уровне 3 – 8%, обозначая выбор общества в пользу потребления благ в будущие периоды времени.

Практика расчета SDR в Российской Федерации представлена только на исследовательском уровне. По итогам расчетов за 2000 – 2004 гг. получено значение SDR в 11,2%; при увеличении временного ряда до 2006 г. значение ставки снижается до 9,9%, а при увеличении до 2008 г. – до 8,5%. Таким образом, прослеживается тенденция к снижению значения SDR с течением времени. Тем самым приоритет в потреблении ресурсов смещается в сторону получения выгод будущими поколениями, что согласуется с общемировыми тенденциями [3, с. 54; 4, с. 68; 6, с. 37].

На региональном уровне расчеты методом $SRTP$ проводились один раз в 2012 г. В результате получены значения от 2,5% (г. Москва) до 5,8% (Магаданская область) [2, с. 22].

Актуализируем расчет SDR для Российской Федерации. Статистической базой расчетов послужили данные Росстата и Центрального банка РФ. Временным интервалом для проведения расчетов выбран период 2017 – 2020 гг.

Компоненты формулы $SRTP$ рассчитаны следующим образом:

– δ принимается равной 0;

– g рассчитывается как темп прироста конечного потребления домашних хозяйств на душу населения (на основе данных Росстата);

– L определена как доля умерших в общей численности населения (на основе данных Росстата);

– μ рассчитывается на основе следующих компонент:

1. APC (альтернативная стоимость капитала) определена как средневзвешенная ставка по депозитам физических лиц сроком до 1 года (по данным Центробанка);

2. APS (доля сбережений в доходах домохозяйств) рассчитана как доля суммы сделанных сбережений в общем объеме располагаемых ресурсов домашних хозяйств (по данным Росстата);

3. y (темп прироста реального дохода) рассчитан как среднегодовой темп прироста реальной начисленной заработной платы работников (по данным Росстата).

По результатам вычислений SDR для Российской Федерации составила 5,9%. Расчеты подтверждают выявленную тенденцию к снижению значения ставки и смещению приоритета в общественном потреблении в сторону будущих поколений.

Расчет социальной ставки дисконтирования для Дальнего Востока

При финансировании из регионального бюджета инвестиционного проекта в общественном секторе для оценки его экономической эффективности целесообразно использовать ставку SDR , рассчитанную по статистическим данным этих регионов, т. к. эффект от таких проектов в значительной мере ощущают жители именно этих регионов, а не всей страны [2, с. 22].

По нашим расчетам, значение SDR для ДФО составляет 7,0%, что на 1,1 п.п. выше значения для страны. Разброс значений между регионами – от 5,7% (в Забайкальском крае) до 11,1% (в Чукотском АО). При этом 10 из 11 регионов ДФО имеют значение ставки выше, чем в Российской Федерации.

Такие оценки подтверждают традиционное представление о том, что реализуемые (планируемые к реализации) на Дальнем Востоке инвестиционные проекты должны иметь более высокий уровень доходности, нежели в центральных регионах страны ($EIRR$ «дальневосточных проектов» должно быть выше в силу более высоких значений SDR).

Таким образом, нами обновлена оценка социальной ставки дисконтирования для Российской Федерации в целом. Показана тенденция на постепенное снижение значения ставки. Полученные значения для регионов Дальнего Востока значительно отличаются между собой и превосходят значения Российской Федерации, что говорит о высокой социально-экономической дифференциации регионов Дальнего Востока.

По итогам проведенной работы считаем целесообразным рекомендовать Минэкономразвития России на регулярной основе (раз

в 3-5 лет) выполнять расчет социальной ставки дисконтирования и публиковать ее значение как официально рекомендуемое к использованию при оценке экономической (общественной) эффективности инвестиционных проектов.

Список литературы и источников:

1. Коссова Т.В., Шелунцова М.А. Социальная ставка дисконтирования в России: методология, оценка, межрегиональные различия // Экономическая наука современной России. 2012. № 3 (58). С. 16-27.

2. Архипов В. М., Емельянов А. М. Оценка социальной ставки дисконтирования // Финансы и кредит. 2006. № 17. С.49-55.

3. Шелунцова М.А. Оценка социальной ставки дисконтирования в проектах общественного сектора экономики: мировой опыт // Проблемы современной экономики. 2010. № 4 (36). С. 69-71.

4. Емельянов А.М., Шелунцова М.А. Использование подхода ставки межвременных предпочтений для оценки социальной ставки дисконтирования // Корпоративные финансы. 2007. Т. 1. № 1. С. 9-21. DOI: <https://doi.org/10.17323/j.jcfr.2073-0438.1.1.2007.9-21>.

5. HM Treasury. The Green Book: Appraisal and Evaluation in Central Government, 2022.

6. Емельянов А.М. Оценка значения социальной ставки дисконтирования для России и проведение межстрановых сравнений // Финансы и кредит. 2007. № 46 (286). С. 63-71.

7. Шелунцова М.А. Оценка диапазона значений социальной ставки дисконтирования для различных сфер общественного сектора экономики // Экономический анализ: теория и практика. 2010. №42 (207). С. 34-41.

8. European Commission. Guide to Cost-Benefit Analysis of Investment Projects. Economic appraisal tool for Cohesion Policy. 2014.

**ПРИВЛЕЧЕНИЕ ПРЯМЫХ ИНОСТРАННЫХ ИНВЕСТИЦИЙ
В ЭКОНОМИКУ РОССИЙСКОГО ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА
В НОВЫХ УСЛОВИЯХ**

*Суслов Д. В.,
канд. экон. наук,
ИЭИ ДВО РАН,
г. Хабаровск*

Аннотация. В статье представлены параметры привлечения прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в экономику Дальневосточного федерального округа в 2019-2021 г.

Проанализирована динамика поступления ПИИ на Дальнем Востоке России в территориальном, отраслевом и страновом разрезе на основе новой статистической базы, формируемой Банком России в период пандемии новой коронавирусной инфекции.

Ключевые слова: Дальневосточный федеральный округ, прямые иностранные инвестиции, регионы, отрасли

В настоящее время статистика по прямым иностранным инвестициям (ПИИ) в России формируется Центральным банком РФ по новой методологии [1, 2]. В нее включены данные по накопленным ПИИ субъектов федерации РФ, по структуре инвестиций по странам, географическим и экономическим зонам прямых инвесторов, видам экономической деятельности.

Данные по поступлению ПИИ по субъектам Дальневосточного федерального округа (ДФО) в 2019-21 гг., а также данные о накопленных объемах прямых иностранных инвестиций показывают, что Сахалинская область остается безусловным лидером среди регионов ДФО по их привлечению. Этот регион стабильно получает более половины от всего объема поступлений ПИИ в ДФО, так, в 2021 г. его доля составила 51,5%.

По итогам пандемийного 2020 г. общий приток ПИИ (без учета изъятий) в дальневосточный регион снизился и составил 77% от показателей 2019 г. При этом иностранные инвесторы практически «не отметились» в Еврейской АО, минимальные доли поступающих объемов ПИИ показали Республика Бурятия, Чукотский АО, Магаданская область. Более высокие показатели поступающих ПИИ наблюдались в остальных субъектах ДФО, включающих Забайкальский, Хабаровский и Камчатский края. Стабильное привлечение ПИИ было отмечено в Республике Саха (Якутия) и Приморском крае. В 2021 г. иностранные инвесторы также «были не заметны» в Еврейской АО, Магаданской области и в Республике Бурятия; незначительную долю поступающих объемов ПИИ показал Чукотский АО. Более высокие показатели поступающих ПИИ наблюдались в остальных субъектах ДФО, включающих Республику Саха (Якутия), Забайкальский, Хабаровский и Камчатский края. Мощное привлечение ПИИ (рост в 4,5 раза) было отмечено в Амурской области, т.н. новом дальневосточном центре притяжения прямых инвестиций.

Отметим, что по данным за 2020 г. т.н. «чистое привлечение» ПИИ 1,342 млрд долл. (сальдо поступивших и изъятых прямых инвестиций) составило 61% от годового сальдо 2019 г., но уже в 2021 г. оно превысило показатели допандемийного 2019 г. на 15,5% и составило 2538 млн долл. При этом это сальдо не для всех субъектов ДФО сопоставимо с объемами поступивших ПИИ. В целом по ДФО за

2021 г. объемы поступающих ПИИ составили 6,335 млрд долл., что лишь на 6,5% меньше, чем показатели допандемийного 2019 г.

По данным ЦБ РФ в соответствии с принципом активов/пассивов [3] в разрезе субъектов ДФО можно проследить такие показатели, как общие остатки ПИИ (т.е. накопленные обязательства субъектов по инвестициям), так и остатки по видам прямых инвестиций (участие в капитале и долговым инструментам).

К настоящему времени наиболее масштабными объектами вложениями ПИИ являются предприятия дальневосточного энергетического сектора, как в сфере добычи, так и переработки, транспортировки газа и нефти. По этим причинам к началу 2021 г. доля Сахалинской области составляла порядка 87% в общих остатках ПИИ в ДФО. При этом подавляющий объем привлекаемых ПИИ в округе по типу инвестиций связан с прямым участием в капитале компаний, что было характерно для 2010-х гг. [4]. Если рассмотреть такой тип инвестиций как долговые инструменты, то основными реципиентами данного типа ПИИ на Дальнем Востоке являются организации Приморского и Забайкальского краев, Республики Саха (Якутия), Сахалинской области, Республики Бурятия, а в 2021 г. стала и Амурская область. Так, к началу 2022 г. накопленный объем (или остатки) ПИИ в дальневосточной экономике составил порядка 98,092 млрд долл.

При этом на Дальнем Востоке отмечается существенная отраслевая асимметрия в привлечении ПИИ. Подавляющая часть (порядка 91% к началу 2021 г.) накопленных прямых иностранных инвестиций концентрируется в добыче топливно-энергетических полезных ископаемых вместе с геологоразведкой, а остальная – в обрабатывающих производствах, пищевой промышленности, транспортировке и хранении. В третичном секторе экономики ПИИ были сосредоточены главным образом в предоставлении профессиональных, научных и технических услуг, операциях с недвижимым имуществом.

Распределение накопленных ПИИ в ДФО по странам-источникам инвестиций указывает на то, что в 2019-21 гг. основными источниками привлечения ПИИ в округе оставались оффшорные территории и прочие источники – категория «не распределено по странам» при наличии т.н. «конфиденциальных данных».

Такая картина давно характерна и для российской экономики в целом [5, 6]. Это можно объяснить сохранением каналов финансирования крупнейших нефтегазовых и других проектов через оффшорные юрисдикции, при этом этим объясняется и не заметная доля Японии как страны-инвестора, несмотря на участие компаний этой страны в сахалинских проектах. Так, по данным ЦБ РФ о накопленных ПИИ в регионе на 01.01.2022 г. видно, что источником

88% поступивших ПИИ на Дальний Восток являются оффшоры, такие как Багамы, Бермуды, Кипр, тогда как на страны Северо-восточной Азии пришлось лишь 1,26%.

Россия реализует на Дальнем Востоке государственную политику, направленную на улучшение инвестиционного климата и стимулирование реализации проектов с иностранными инвестициями, путем создания и развития территорий опережающего развития (ТОР) и свободного порта Владивосток (СПВ), предоставления грантов инвесторам на развитие инфраструктуры и т.д. С 2015 г. активизированы усилия по изменению сложившейся группы стран, основных иностранных инвесторов на Дальнем Востоке РФ, что стало приоритетной задачей проведения с 2013 г. особой дальневосточной государственной политики (т. н. «Новая Азиатская политика») [7, 8].

К началу 2020 г. (т.е. старту пандемийного периода развития) в России на территории Дальнего Востока уже была проведена активная работа по формированию и развитию новых преференциальных институтов. Во всех регионах Дальнего Востока кроме Магаданской области инвесторам предоставляются существенные налоговые и таможенные льготы, на постоянной основе действуют эффективные финансовые и организационные преференции. Эта политика предполагала, что государство за свой счет создает необходимую инвесторам инфраструктуру, при этом от иностранных инвесторов ожидалось создание на Дальнем Востоке новых производств, заранее обеспеченных зарубежными рынками сбыта. Также ожидалось, что в результате интенсивного государственного стимулирования и постепенного улучшения делового климата иностранные инвесторы из многих стран АТР начнут наращивать свои капиталовложения в регионе.

Корпорация развития Дальнего Востока (КР ДВ) ведет мониторинг основных параметров реализации проектов с участием иностранных инвесторов в ТОР и СПВ на Дальнем Востоке. По данным КР ДВ на начало 2021 г. и 2022 г. среди стран-инвесторов как по объемам финансирования, так и по количеству реализуемых на российском Дальнем Востоке проектов лидирует Китай. Китайские инвестиции составили более 70% от общего объема иностранных вложений в ТОР и СПВ. На начало 2022 г. в ТОР и СПВ с участием инвесторов из КНР реализуются 50 инвестиционных проектов. Заметным является присутствие китайских компаний и в общем инвестиционном процессе. Так, на начало 2021 г. доля КНР в общем объеме инвестиций в ТОР составляла 3%, в доле в создаваемых рабочих мест – 3%; в СПВ Китай представлен 4,8% в общем объеме инвестиций, при этом доля в создаваемых рабочих местах – 10,8%. При этом важной характеристикой осуществляемых китайских инвестиций является их

диверсифицированная структура. В подавляющем большинстве они представляют частные инвестиции, подавляющая доля из которых не связаны с добычей природных ресурсов. Это вложения в обрабатывающие производства, логистику и транспорт, сельское хозяйство, туризм и другие сектора.

Таким образом, к началу 2022 г. накопленный объем (или остаток) ПИИ в рамках принципа активов/пассивов в дальневосточной экономике составил порядка 98 млрд долл. При этом в ДФО сохраняется существенная отраслевая асимметрия в привлечении ПИИ. Подавляющая часть (порядка 90%) накопленных прямых иностранных инвестиций концентрируется в добыче топливно-энергетических полезных ископаемых вместе с геологоразведкой. Анализ данных как по поступающим потокам ПИИ, так и по накопленным объемам ПИИ в период 2019-21 гг. показывает то, что географическая структура привлекаемых ПИИ в ДФО сохраняется, также как и существенно не меняется их территориальное распределение по субъектам ДФО. Кроме этого, в условиях новой геополитической реальности и санкционного давления со стороны недружественных стран, выхода ряда компаний из реализуемых на Дальнем Востоке крупных и средних проектов, уже можно предполагать появление негативных тенденций в привлечении иностранного капитала в экономику региона.

Список литературы и источников:

1. Методология официального статистического учета прямых инвестиций в Российскую Федерацию и прямых инвестиций из Российской Федерации за рубеж. URL: cbr.ru/statistics/macro_itm/svs/meth-kom-di/ (дата обращения 04.11.2022)
2. Указание Центрального Банка Российской Федерации (Банк России) от 28 декабря 2014 года № 3519-У «Об утверждении порядка предоставления в Банк России первичных статистических данных о прямых инвестициях».
3. Различия в подходах представления данных по прямым инвестициям: принцип активов/пассивов и принцип направленности. URL: cbr.ru/statistics/macro_itm/svs/meth_20201217/ (дата обращения 04.11.2022)
4. Суслов Д. В. Иностранные инвестиции на Дальнем Востоке: современное состояние и перспективы // Россия и страны Северо-восточной Азии: вопросы экономического сотрудничества / Под ред. проф. Вакио Фудзимото, акад. РАН П. А. Минакира, акад. РАН А. И. Татаркина. Осака (Япония) – Хабаровск (Россия) – Екатеринбург (Россия) : Институт экономики УрО РАН, 2010. С. 63–75.

5. Дементьев Н.П. Прямые иностранные инвестиции в российской экономике: движение по кругу // Интерэкспо Гео-Сибирь. 2017. №1. С.251–255;

6. Дементьев Н.П. Прямые инвестиции из-за рубежа: оценки на основе данных Банка России и Евростата // Российский экономический журнал. 2017. №2. С.56–69

7. Минакир П. А. Ожидания и реалии политики «поворота на Восток» // Экономика региона. 2017. Т. 13, вып. 4. С. 1016–1029

8. Рензин О. М. Институциональная трансформация экономики Дальнего Востока: первая пятилетка // Российский Дальний Восток: национальный приоритет в контексте Азиатско-Тихоокеанского развития и сотрудничества. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН. 2019. С. 173–178.

ТЕНДЕНЦИИ РОЗНИЧНОГО КРЕДИТНОГО СЕКТОРА ЭКОНОМИКИ ДФО ПОД ВЛИЯНИЕМ ШОКОВ ПАНДЕМИИ COVID-19 2020–2021 ГГ. И ВНЕЭКОНОМИЧЕСКИХ ШОКОВ 2022 Г.

*Трон Т. И.,
ИЭИ ДВО РАН,
г. Хабаровск*

Аннотация. В процессе разработки стратегий развития и механизмов реализации приоритетных национальных и региональных проектов и программ социально-экономического развития важно исследовать вопросы, касающиеся экспертно-аналитического и информационного обеспечения таких разработок. Одним из ключевых моментов при этом становится исследование влияния различных шоков на поведение хозяйственных систем и реакций последних на стрессовые ситуации.

Ключевые слова: пандемия COVID-19, коронакризис, внеэкономические и экономические шоки, кредитование населения, ипотечное жилищное кредитование, динамика и тенденции банковского кредитования, кредитная активность населения, регионы, субъекты РФ, Дальний Восток России, глубина «волны»

Влияние современных кризисных факторов и шоков на экономику страны и её регионов, в том числе и Дальнего Востока, проявляется в корректировке тенденций показателей социально-экономического развития. Пандемия COVID-19, политические и военные конфликты, санкционный прессинг непосредственным образом влияют на все стороны жизни страны. Поэтому так важно

исследование поведения различных систем, секторов экономики и региональных сегментов в условиях таких стрессовых ситуаций.

Для примера мы взяли сферу банковского кредитования населения, самым непосредственным образом влияющего на формирование внутреннего спроса, как фактора стимулирования развития хозяйственной системы страны и её регионов. В процессе исследования было выявлено, что периоды резких спадов объемов кредитования населения в 2020–2022 гг. практически полностью соответствуют «волнам» распространения пандемии COVID-19 и «пикам» шокового влияния внеэкономических факторов (СВО и частичная мобилизация).

Слабая повышательная тенденция объемов розничного кредитования в 2014–2019 гг. со среднегодовым темпом роста 108,3% по ДФО и 111% в целом по России активизировалась в последующие годы до 115-134% в ДФО и 110-134% по РФ³⁹. Однако годовые показатели роста вуалируют высокую волатильность показателей в течение этих лет и резкий спад объемов рынка розничных кредитов, особенно в период первой «волны» пандемии, пришедшейся на апрель-май 2020 г., и в 2022 г. под влиянием внеэкономических шоков конца февраля 2022 г. и вызванного ими беспрецедентного санкционного прессинга по отношению к России и в связи с объявленной частичной мобилизацией в сентябре. В январе-сентябре 2022 г. при общем сокращении дальневосточного показателя в сравнении с аналогичным за 2021 г. на 16,2% (по России в целом – на 15,5%) вариация его по субрегионам составила от -12-14% в Якутии, Приморском крае и Амурской области до -22-25% в Магаданской и Сахалинской областях и Чукотском АО. Кредитное поведение населения существенно изменяется под влиянием этих шоков. Так, объем вновь предоставленных кредитов физическим лицам-резидентам в номинальном выражении в рублях и иностранной валюте после резкого сокращения в марте-апреле 2022 г. (-48,6% в целом по РФ с вариацией от -32,5 до -62,7% и -42,6% по ДФО с вариацией от -36,9% в Якутии до -52,4% в Магаданской области) возобновил свой рост в последующие месяцы (даже со значительным ускорением в июне), но резко замедлился в сентябре (до +1,3% в целом по России и +0,8% в ДФО). При этом в 26 регионах, или более чем в 30% общего числа субъектов РФ, темпы изменения объемов розничного кредитования находились в отрицательной области и еще в 13 регионах темпы прироста не превышали 1%. Т.е. с учетом инфляции более чем в половине регионов розничное кредитование сокращалось.

---

³⁹ Здесь и далее в расчетах использованы данные сайтов Банка России и Росстата [1, 2].

Доля ДФО в общероссийском объеме розничного кредитования в рассматриваемый период составляла стабильно 6,0-6,2%, Территориальное распределение розничных кредитов по субрегионам было так же довольно стабильным: с некоторой тенденцией роста доли Приморского края (от 22 до 24%), доля Хабаровского края варьировала в пределах 16,6-17,1%, Якутии – 14-15%, Республики Бурятия, Забайкальского края и Амурской области – 8,8-10%, Сахалинской области – 7,2-8,1%, Камчатского края – 4,8-5,0%, ЕАО – 1,4-1,5%, Чукотского АО – 0,8-0,9%. На три первых субъекта ДФО приходилось, таким образом, более половины общерегионального объема кредитования физических лиц (КФЛ).

Внутреннюю долю рынка КФЛ занимают ипотечные жилищные кредиты (ИЖК) – важнейший элемент розничного кредитования, традиционно являющиеся драйвером банковского кредитования и строительной отрасли; по-существу, это инвестиции в человеческий капитал. Их динамика накануне пандемии была несколько более интенсивной, вследствие чего доля ИЖК выросла. При этом рост объемов ИЖК происходил за счет увеличения среднего объема ИЖК.

Благодаря принятым мерам господдержки в период пандемии, рынок ИЖК продолжал активно развиваться в 2020–2021 гг., хотя и с замедлением. При этом в этом сегменте также наблюдались «провалы» рынка, связанные с влиянием коронакризисных шоков, в отдельные месяцы соответствующие «волнам» пандемии. Причем темпы роста объемов ипотечного кредитования на Дальнем Востоке были даже несколько выше среднероссийских (на 8-11 п.п.). Однако негативное влияние внеэкономических шоков в 2022 г., особенно в первые весенние месяцы, сказалось и на темпах изменения объемов предоставленных населению ИЖК. Особенно резкий негативный отклик на внеэкономические шоки 2022 г. проявился в отношении количества выдаваемых ИЖК. При этом вырос средний объем ИЖК благодаря программам льготного кредитования и повышению «планки» максимального объема ИЖК, подпадающего под условия льготного кредитования, а также в результате роста цен на жильё.

Относительная кредитная активность населения ДФО, рассчитанная по объему кредитов физическим лицам на душу населения, в сравнении с РФ в целом выросла со 104,6% в 2019 г. до 109,7% в 2021 г. (или со 100,4 тыс. руб. до 156,9 тыс. руб.), рассчитанная по объему ИЖК на душу населения – со 103,8 до 118,4% (с 20,8 до 46,3 тыс. руб.), а рассчитанная по количеству ИЖК на 1 тыс. чел. – с 95,6 до 103,7% (с 8,5 до 13,6 ед.). При этом разрыв максимального и минимального показателей субрегионов составлял двух-трёхкратную величину. Кредитная активность населения

Дальнего Востока (по объемному показателю) наиболее быстро росла на рынке ипотечного жилищного кредитования.

При этом уровень возвратности розничных кредитов и ИЖК снижался очень незначительно и лишь на коротких временных отрезках, в общем имея повышательную тенденцию. Массовых банкротств и просрочек кредитов во время пандемии удалось избежать благодаря своевременно принятым мерам, важнейшими из которых были снижение кредитных банковских ставок (вслед за снижением ключевой ставки) и их льготирование для определенных групп населения, кредитные и ипотечные каникулы, массовое рефинансирование/реструктуризация кредитов, политика поддержки в сфере занятости и доходов населения. Сыграли свою положительную роль поддержка кредитования малого и среднего бизнеса, меры по обеспечению/повышению доступности и безопасности платежей, доступности услуг страхования и другие⁴⁰. Мягкая денежно-кредитная политика Банка России, макропруденциальные послабления, отмена или снижение надбавок к коэффициентам риска по ряду кредитных продуктов и др. существенно помогли кредитным организациям в плане поддержки кредитного сегмента.

Что касается динамики объемных кредитных показателей в период пандемии 2020-2021 гг., то четко прослеживается ситуация, подробно описанная автором в [4, с.226-228]. По результатам расчетов, показавших, что различие максимальных и минимальных значений глубины спада («глубины волны»⁴¹) достигало нескольких десятков раз (не считая положительных значений изменения объемов КФЛ и ИЖК в ряде регионов), сделан вывод, что реакция региональных розничных кредитных рынков на «волны» пандемии была сильно дифференцирована. Здесь подробно не будем останавливаться на проведенном анализе, отметим только, что длина «волн» и их «глубина» были различными, что определялось принимавшимися

---

⁴⁰ Коронавирус: меры поддержки граждан и бизнеса (<https://www.cbr.ru/covid/>); Меры Банка России по ограничению последствий пандемии коронавирусной инфекции (Информация по состоянию на 8 февраля 2022 года) (https://www.cbr.ru/vfs/finstab/plan_limit_covid.pdf) [3].

⁴¹ «Глубиной волны» или глубиной спада автор называет резкий спад показателя в период, соответствующий официальной «волне» пандемии (её началу, резкому скачку или «пику» по количественным показателям заболевших или их динамике). Как правило, длительность выявленных «волн» составляет от одного до трёх месяцев. Иногда они короче соответствующих «пандемийных волн», определяемых длительностью роста заболеваемости, так как после официального признания новой волны пандемии принимались меры «противодействия», что способствовало восстановлению параметров кредитного рынка. За реальную длину «волны» спада был принят период достижения максимального показателя его последовательного и непрерывного сокращения (это реальная глубина спада / «волны» спада) [4, с. 227].

мерами по поддержке населения и бизнеса, степенью и скоростью адаптации экономики к появившимся шокам. В настоящей статье большее внимание уделено рассмотрению собственно «пандемийных» волн и корреляции характеризующих их показателей, приводимых на сайтах, где отслеживается ситуация со статистикой заражений коронавирусом в регионах России⁴², с объемами и динамикой розничных кредитов. Из всей совокупности показателей, которыми эти сайты характеризуют данную ситуацию, апробированы показатели в расчете на 100 тыс. чел. населения числа случаев заражений (в том числе активных), числа вылеченных, числа смертей и относительные (в процентах) показатели смертности, а также их приростные величины. Выяснялось, как влияет уровень заражений и его динамика на объем и динамику рынка (спроса) на розничные кредиты. Наша гипотеза состоит в том, что рост уровня заражений и смертей во время пандемии должен вести к сужению спроса и совокупного потребления (естественно за исключением специфических товаров и услуг – медицинских, профилактических, санитарно-гигиенических и т.п., а также связанных с доставкой товаров домой в условиях локдаунов и самоизоляции).

Наши исследования показали, во-первых, четкое совпадение «коронакризисных волн» (резкий рост числа новых заражений и новых смертей) и «волн спада» объемов розничных кредитов в апреле-мае и октябре-ноябре 2020 г., в октябре-декабре 2021 г. (кстати, «пик» числа новых смертей пришелся на ноябрь 2021 г.) и в феврале-марте 2022 г. (резкий рост числа новых заражений при резком спаде числа смертей в феврале и резкий прирост числа смертей в марте при спаде числа новых заражений). Единственно, что не уловила динамика кредитования (по крайней мере, не настолько явно, как в случае с динамикой заражений), это очередной «пик» заболеваемости в июле 2021 г. Во-вторых, наличие четкой обратной зависимости между этими показателями с высокой степенью достоверности аппроксимации (от 32 до 59%, интерпретация корреляционной связи свидетельствует о том, что рост уровня заражений на 1 тысячу случаев в расчете на 100 тыс. чел. населения соответствует сокращению объема кредитов населению от 3,5 до 10,8 млрд руб. с тенденцией снижения этой величины по месяцам).

Таким образом, анализ показал, что реакции разных сегментов кредитного рынка и различных региональных секторов на коронакризисные шоки были сильно дифференцированы. Шоки пандемии 2020-2021 гг. (и главное, на наш взгляд, шоки крайне жестких ограничительных мер для предотвращения пандемии и

---

⁴² Сайты: Стопкоронавирус.рф; <https://coronavirusstat.ru>; <https://russian-trade.com/coronavirus/russia/> и др. (дата обращения – октябрь 2022 г.) [5]

сглаживания её последствий) явились явной причиной, в основном, первой «волны» спада на розничном кредитном рынке и рынке ипотеки, ведь именно в апреле 2020 г. был введен локдаун, массово закрывались или приостанавливали свою работу предприятия и организации, работников увольняли или отправляли в отпуска или на "удалёнку" («дистанционную» работу), вводились сильнейшие ограничения на "мобильность". Естественно, большую отрицательную роль сыграл психологический фактор. В периоды последующих «волн», всплесков заражений/госпитализаций/смертности ограничительные меры были более либеральными и касались, в основном, поддержки населения и бизнеса, сыграла роль массовая вакцинация населения, произошла в определенной мере адаптация к этим шокам, что способствовало сглаживанию волн спада параметров розничного кредитного рынка и рынка ИЖК. В целом, «спасение» кредитного рынка от разрушения /обрушения способствовало поддержанию внутреннего спроса и определенного уровня потребления.

Список литературы и источников:

1. Данные сайта Банка России (https://cbr.ru/statistics/bank_sector/sors/) и (https://cbr.ru/statistics/bank_sector/mortgage/)
2. Данные сайта Росстата (https://gks.ru/bgd/regl/b20_111/Main.htm) и (https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Bul_chislen_nasel-pv_01-01-2021.pdf)
3. Коронавирус: меры поддержки граждан и бизнеса (<https://www.cbr.ru/covid/>); Меры Банка России по ограничению последствий пандемии коронавирусной инфекции (Информация по состоянию на 8 февраля 2022 года) (https://www.cbr.ru/vfs/finstab/plan_limit_covid.pdf)
4. Троп Т.И. Влияние коронакризиса 2020–2021 гг. и внеэкономических шоков начала 2022 г. на социально-экономическое развитие регионов: на примере розничного кредитного сектора экономики ДФО // Россия: Тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 17: Материалы XIII Международной научно-практической конференции «Регионы России: стратегии развития и механизмы реализации приоритетных национальных и региональных проектов и программ». Ч. 3 / РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества; отв. ред. В.И. Герасимов. – М., 2022. – Ч.3. – 584 с. С.222-230.
5. Данные сайтов: Стопкоронавирус.рф; <https://coronavirusstat.ru>; <https://russian-trade.com/coronavirus/russia/> (дата обращения – октябрь 2022 г.)

КРУГЛЫЙ СТОЛ № 2
«СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ДАЛЬНЕГО
ВОСТОКА: ПОИСК НОВЫХ РЕШЕНИЙ В СОЦИАЛЬНОЙ
ПОЛИТИКЕ РЕГИОНА»

ПОДГОТОВКА КАДРОВ ДЛЯ ИННОВАЦИОННОЙ
ЭКОНОМИКИ: АНАЛИЗ ТЕНДЕНЦИЙ НА РЫНКЕ ТРУДА

*Алтухова И. А.,
канд. пед. наук, доцент,
Дальневосточный институт управления – филиал РАНХиГС,
г. Хабаровск*

Аннотация. Развитие современной экономики предъявляет новые, более высокие требования к системе подготовки профессиональных кадров для инновационной России в целом и ее регионов. Потребности рынка труда требуют разработки новых подходов к системе профессионального образования, отвечающих современному содержанию национальной образовательной доктрины и обеспечивающих высокое качество подготовки специалистов.

Ключевые слова: рынок труда, система подготовки профессиональных кадров, подготовка кадров, профессиональное образование, образовательная политика

В настоящее время наиболее актуальны вопросы подготовки квалифицированных специалистов, способных встраиваться в современные условия с учетом внешних и внутренних факторов, обеспечивать инновационные процессы и развитие перспективных технологий в стране. Сегодня наиболее остро стоит вопрос о подготовке профессионалов, обладающих социальными и профессиональными компетенциями, креативным мышлением, способностью быстро реагировать на изменяющиеся ситуации, готовыми принимать нестандартные и творческие решения. Вместе с тем, продолжается трансформация профессий, специальностей, форм образования.

Поэтому, необходимо исследовать и учитывать тенденции на рынке труда для качественной подготовки актуальных специалистов.

Согласно статистическим данным [1, с. 2], в Хабаровском крае снизилось количество предприятий с 34419 ед. в 2021 году до 32719 ед. – в 2022 году. Количество занятых в экономике и социальной сфере Хабаровского края в 2022 году составляет 675775 чел., что на 1344 чел. (0,2 %) больше, чем в 2021 году (674431 чел.). В 2021 году в Хабаровском крае сохраняется миграционный отток населения 45382

чел., что на 2,2% меньше, чем в 2020 году. Вместе с этим, впервые за последние 10 лет, наблюдается миграционный прирост населения края, который составил 6501 чел.⁴³

Комитетом по труду и занятости населения Правительства Хабаровского края ежегодно актуализируется прогноз потребности экономики и социальной сферы края в квалифицированных кадрах⁴⁴.

Ежегодная потребность в кадрах по Хабаровскому краю составляет от 22235 чел. в 2023 году до 22804 чел. к 2027 году (рост - 2,6%). Из них ежегодно порядка 18,5 тыс. человек требуется на замену естественно выбывшего населения, 3,5 тыс. человек – на развитие и расширение производства.

На основании полученных прогнозных данных⁴⁵, увеличение кадровой потребности (с 2023 по 2027 гг.) произойдет в следующих отраслях:

обрабатывающие производства – с 3162 чел. до 3264 чел. (на 3,2%);

транспортировка и хранение – с 3137 чел. до 3199 чел. (на 2%);

строительство – с 2942 чел. до 2970 чел. (на 1%);

деятельность в области здравоохранения и социальных услуг – с 2285 чел. до 2356 чел. (на 3,1%);

деятельность в области информации и связи – с 1572 чел. до 1600 чел. (на 1,8%);

образование – с 1470 чел. до 1495 чел. (на 1,7%);

государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное обеспечение – с 1351 чел. до 1378 чел. (на 2%);

обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха – с 1143 чел. до 1176 чел. (на 2,9%);

деятельность административная и сопутствующие дополнительные услуги – с 947 чел. до 988 чел. (на 4,3%);

торговля оптовая и розничная, ремонт автотранспортных средств и мотоциклов – с 900 чел. до 932 чел. (на 3,6%);

сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство – с 780 чел. до 809 чел. (на 3,7%);

добыча полезных ископаемых – с 662 чел. до 685 чел. (на 3,5%);

---

⁴³ По данным Управления Федеральной службы государственной статистики по Хабаровскому краю, Магаданской области, Еврейской автономной области и Чукотскому автономному округу <https://habstat.gks.ru/folder/25028>

⁴⁴ Порядок разработки прогноза потребности экономики Хабаровского края в профессиональных кадрах, утвержденным постановлением Правительства Хабаровского края от 23.12.2020 № 556-пр. <https://docs.cntd.ru/document/465377611>

⁴⁵ По данным Управления Федеральной службы государственной статистики по Хабаровскому краю, Магаданской области, Еврейской автономной области и Чукотскому автономному округу <https://habstat.gks.ru/folder/25028>

деятельность гостиниц и предприятий общественного питания – с 487 чел. до 500 чел. (на 2,7%);

водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений – с 405 чел. до 423 чел. (на 4,4%);

деятельность в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений – с 373 чел. до 388 чел. (на 4%);

деятельность финансовая и страховая – с 248 чел. до 258 чел. (на 4%);

деятельность профессиональная, научная и техническая – с 195 чел. до 199 чел. (на 2%);

деятельность по операциям с недвижимым имуществом – с 176 чел. до 184 чел. (на 4,5%).

С высшим образованием потребуется от 11750 чел. в 2023 году до 12041 чел. в 2027 году, что составляет 52,8% от общей потребности в кадрах; со средним профессиональным образованием – от 10,5 тыс. человек в 2023 году до 10,8 тыс. человек к 2027 году – 47,2 % от общей потребности в кадрах, в том числе:

- по программам подготовки специалистов среднего звена – от 7629 чел. в 2023 году до 7820 чел. в 2027 году;

- по программам квалифицированных рабочих, служащих – от 2856 чел. в 2023 году до 2943 чел. в 2027 году.

Наиболее востребованы специалисты в сфере инженерного дела, технологий и технических наук (51,8% от общего прогноза): с высшим образованием – от 5036 чел. в 2023 году до 5141 чел. в 2027 году (43,7% от общей потребности в данной сфере), со средним профессиональным – от 6479 чел. в 2023 году до 6653 чел. в 2027 году (56,3% от общей потребности в данной сфере).

Актуальны специалисты по укрупненной группе профессий, специальностей и направлений подготовки «Науки об обществе» (от 5992 чел. до 6117 чел.): с высшим образованием – от 3790 чел. в 2023 году до 3885 чел. в 2027 году (63,5% от общей потребности в данной сфере), со средним профессиональным – от 2202 чел. в 2023 году до 2232 чел. в 2027 году (36,5% от общей потребности в данной сфере).

Анализ потребностей в профессиональных кадрах показал, что необходимы специалисты для наращивания производства, развития предприятий и технологий в разных сферах.

С учетом последних тенденций на рынке труда, происходят изменения и в системе профессионального образования.

Стартовал Федеральный проект «Профессионалитет», который направлен на развитие в системе среднего профессионального образования новой отраслевой модели подготовки специалистов в

соответствии с актуальными потребностями экономики страны⁴⁶. Реализация программ по подготовке специалистов согласно проекту «Профессионалитет» будет проходить на базе образовательно-производственных центров (кластеров), в которые входят образовательные организации и партнеры – ведущие промышленные предприятия страны.

Система профессиональной подготовки должна быть практико-ориентированной, направлена на запросы рынка труда, конкретного работодателя, способной подготовить специалистов быстро и гибко, с учетом всех современных тенденций. Поэтому, образовательным организациям необходимо это учитывать при построении индивидуальных образовательных и карьерных траекторий обучающихся и выпускников, при выборе модели, технологий и инструментов обучения.

Для создания условий по подготовке профессиональных кадров в регионах запускаются программы содействия региональному развитию через научно-образовательные кластеры, в которые входят ведущие образовательные и научные организации, а также образовательные организации региона. Одним из преимуществ кластеров также является развитие гибридных аудиторий, которые дают возможность организовывать единый образовательный процесс для обучающихся, находящихся в разных географических точках, с использованием цифрового виртуального пространства.

Данная система обладает следующими педагогическими условиями: социально-экономическими, управленческими, организационно-содержательными, кадровыми. Такая система имеет значительные ресурсы: образовательные, методические, электронные, экспертные, инфраструктуру, научно-исследовательский потенциал и др., которые используются для создания эффективного современного научно-образовательного эко-пространства, в котором реализуется непрерывное профессиональное образование специалистов с учетом специфики региона.

Таким образом, в условиях трансформации экономики и рынка труда необходима консолидация всех заинтересованных сторон, которая будет направлена на решение задач подготовки квалифицированных кадров, востребованных в современных условиях инновационной экономики.

Список литературы и источников:

1. Пояснительная записка к Прогнозу потребности экономики Хабаровского края в профессиональных кадрах на период до 2027 года // Интерактивный портал Комитета по труду и занятости населения Правительства Хабаровского края.

---

⁴⁶ Российское образование: федеральный портал. <https://www.edu.ru/news/kolledzh/programma-professionalitet-budet-rasshiryatsya/>

ПРИНЯТИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ РЕШЕНИЙ В СФЕРЕ ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ В УСЛОВИЯХ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

*Барышникова Е. В.,
аспирант,
Дальневосточный институт управления – филиал РАНХиГС,
г. Хабаровск*

Аннотация. Предложено оценивать эффективность государственных решений в сфере импортозамещения с точки зрения экономности, продуктивности и результативности, в том числе производя оценку коммерческой, бюджетной и общественной эффективности. Новая экономическая реальность накладывает свои коррективы при оценке программ в сфере импортозамещения: общественная значимость такого инвестирования повысилась. Бюджетная эффективность реализации программ развития в сфере импортозамещения в случае поддержки бизнес-проектов резидентов ТОРов и «Свободного порта Владивосток» должна оцениваться с учетом получения последними налоговых и прочих преференций.

Ключевые слова: государственные решения, эффективность, инвестирование, программный бюджет, резиденты, свободный порт Владивосток, территории опережающего развития, результативность, экономность, продуктивность, импортозамещение

Исторически так сложилось, что государство, несмотря на свои внутренние трансформации и изменения позиций в международном пространстве, всегда играет важнейшую роль в жизни общества. Его регуляторно-управленческие способности помогают человечеству преодолевать бесчисленные трудности в своем развитии, решать сложные конфликты, выстраивать новые конструкции социальных отношений, оперативно реагировать на вызовы времени.

Абстрагируясь от внешнеэкономической повестки, формируется довольно очевидный вывод, что серия беспрецедентных санкций 2022 года, имеющих «нерыночную» природу, привела к значительному изолированию России от результатов производства передовых зарубежных стран, РФ превратилась в так называемую «экономическую автаркию». Также в международном праве известно определение такого рода санкций как «репрессалии», при этом такого рода санкции уже вышли за рамки стандартных. По мнению автора, ярчайшим примером этого является отключение от системы SWIFT ключевых банков страны, что является нарушением принципов фундаментального права на предпринимательскую деятельность и право на собственность. Организация SWIFT, не являясь государством

или международной организацией, а как частная организация, лишает возможности ведения деятельности предпринимателей всей страны. Очевидно, что такого рода организации должны выдерживать нейтралитет, поскольку исторически на них возложены функции международного делового института с уникальным значением.

Что значат такого рода беспрецедентные ограничения для экономики страны: безусловно, вызов времени, порождающий перемены. По мнению автора, именно наличие подобных ограничений может оказаться неведомым толчком для роста промышленности, экономического роста страны при условии принятия грамотных государственных решений на данном этапе развития. Безусловно, речь может идти именно о создании эффективной системы импортозамещения, учитывающей все аспекты и вызовы экономики.

В России в связи с внедрением программного подхода наблюдается увеличение государственных и муниципальных программ, осуществляемых с использованием механизмов инвестирования в материальные и нематериальные, финансовые и нефинансовые активы. Эти программы призваны ускорить темпы экономического роста, повысить качество жизни населения, способствовать социально-экономическому развитию территорий.

Принятие решения органом власти, какие «вливания» в экономическую и социальную сферы будут являться наилучшим их использованием в связи с ограниченностью располагаемых в бюджете средств, является ключевой задачей управленцев. Требуется детальная, объективная оценка количественной и качественной информации о достигнутых результатах, измерение результативности такой деятельности, степени удовлетворения интересов задействованных в инвестиционной деятельности хозяйствующих субъектов, прочих выгодоприобретателей, коими являются, прежде всего, проживающие в данном субъекте Федерации граждане РФ.

В экономической литературе в этом случае возникают такие понятия, как «результативность» и «эффективность» бюджетных расходов, которые очень тесно связаны между собой.

Наиболее удачное разграничение понятий, по мнению автора, дано у исследователя Ивановой Е.И., где в соответствии с действующей тогда Методикой Счетной палаты РФ при аудите эффективности под результативностью определялась «степень соответствия фактических результатов деятельности получателей государственных средств запланированным результатам». А эффективностью является собирательное понятие, состоящее из аудита экономности, продуктивности и результативности, где под «экономностью» понимается «экономное использование государственных средств, затраченных на достижение конкретных результатов», «продуктивность» рассматривается в разрезе «продуктивности

использования трудовых, финансовых и прочих ресурсов в производственной и иной деятельности, а также использования информационных технологий». [1]

Таким образом, осуществляя вложения в проект (программу) необходимо инвестировать средства экономно. Практика реализации государственных расходов через систему государственных закупок zakupki.gov.ru, ключевой принцип которой «сопоставимость» предложений от поставщиков – позволяет, по мнению автора, реализовать государственные программы по данному критерию («экономность») эффективно.

Вторым обозначенным критерием эффективности является результативность. Здесь также все весьма логично: запланированные результаты должны достигаться.

Что же касается продуктивности, то данный критерий является более сложным из вышеуказанных. Какие из огромного множества направлений инвестирования выбрать, чтобы они позволили достигнуть наиболее эффективно поставленные цели – в этом есть наибольшая сложность при принятии решений.

Определяя «результативность в общественном секторе», американский экономист Хатри Г.П. довольно хорошо описывает ту самую продуктивность, обозначенную в методике Счетной палаты. Здесь отражено, что необходимо «формирование и обоснование бюджетных расходов, определение наилучших путей использования имеющихся ресурсов, а также максимизация получаемых благ и минимизация негативных последствий от реализации программ». Автор выделяет необходимость создания «события, явления или изменения состояния, поведения, позиции, свидетельствующие о прогрессе в достижении целей программы». Результатом является не то, что сделала сама программа, а последствия ее деятельности, не объем выполненных работ и предоставленных услуг, а эффект от существования такой программы. Например, число пациентов, прошедших курс лечения в государственной больнице, - это продукт, а процент выписанных из больницы пациентов, которые в течение определенного времени после лечения не обращаются за врачебной помощью, - результат. [2, с. 29-30]

Можно сделать вывод, что, определяя эффективность при принятии государственного решения по критерию продуктивности, требуется определение совокупности событий, явлений, эффекта, в том числе и синергетического, позволяющих доказательно (обоснованно) заявить, что данный проект (программа) является наилучшим использованием ограниченных бюджетных средств.

Автором предлагается для определения такого рода эффективности (по критерию «продуктивности») в части импортозамещения обратиться к Методическим рекомендациям по

оценке эффективности инвестиционных проектов, изданным Правительством РФ [3]. Под эффективностью Инвестиционного проекта (п.1 статьи 2.1.) здесь понимается «соответствие проекта [...] целям и интересам его участников». [3]

В случае импортозамещения участниками или заинтересованными лицами являются как лица, непосредственно иницирующее Бизнес-проект, так и органы государственной и муниципальной власти, ответственные за реализацию политики по развитию импортозамещения, а также органы государственной и муниципальной власти, опосредованно задействованные или заинтересованные в реализации данного направления государственной политики, а также общество в лице жителей субъекта Федерации, местных жителей и граждан Российской Федерации в целом как конечных выгодоприобретателей любого государственного решения.

Именно поэтому для обоснования эффективности нами предлагается рассчитать эффективность проекта в целом (общественная или социально-экономическая и коммерческая эффективность) и эффективность участия в проекте (бюджетная эффективность) в соответствии с вышеупомянутыми Рекомендациями.

Показатели эффективности проекта в целом характеризуют с экономической точки зрения технические, технологические и организационные проектные решения.

Эффективность участия в проекте (бюджетная эффективность) определяется с целью проверки реализуемости инвестиционного проекта и заинтересованности в нем участников, а именно эффективность участия государства в проекте с точки зрения расходов и доходов бюджетов всех уровней.

Осуществление эффективных проектов увеличивает поступающий в распоряжение общества внутренний валовой продукт, который затем делится между участвующими в проекте субъектами (фирмами (акционерами и работниками), банками, бюджетами разных уровней и пр.).

Положительная оценка проекта с точки зрения общественной, коммерческой и бюджетной эффективности будет определять инвестиционную программу как эффективную.

Учитывая экономический вызов 2022 года, становится очевидным, что проекты в сфере импортозамещения будут иметь высокую общественную значимость. У населения существует высокая потребность в товарах, которые ушли с рынка частично или полностью – бренды одежды, косметика, мебель и т.д. При этом важно отметить, что реализация компаниями бизнес-проектов в сфере импортозамещения в случае реализации последних на территории «Свободного порта Владивосток» [4] позволяет снизить налоговое бремя на предприятия, между тем, после завершения предоставления

преференций компании смогут восстановить бюджетную эффективность таких проектов, и соответственно, эффективность бюджетного инвестирования на поддержку таких проектов нужно корректировать на срок предоставляемых преференций.

Список литературы и источников:

1. Иванова, Е.И. Аудит эффективности в рыночной экономике: Учебн. пособие / Е.И. Иванова, М.В. Мельник, В.И. Шлейников. – М.: КНОРУС, 2007. – 328 с.
2. Хатри, Г.П. Мониторинг результативности в общественном секторе. Пер. с англ. / Г.П. Хатри. – М.: Фонд «Институт экономики города», 2005. – 276 с.
3. Методические рекомендации по оценке эффективности инвестиционных проектов (2-я редакция) [Электронный ресурс]: Методические рекомендации Министерства экономики РФ, Министерства финансов РФ, Государственного комитета РФ по строительной, архитектурной и жилищной политике от 21 июня 1999 г. № 477 ВК. - Режим доступа: СПС Консультант Плюс
4. Федеральный закон «О свободном порте Владивосток» от 13.07.2015 №212-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс]: Федеральный закон «О свободном порте Владивосток» от 13.07.2015 №212-ФЗ (последняя редакция). - Режим доступа: СПС Консультант Плюс

**ПРОБЛЕМЫ ДОСТУПНОСТИ, КАЧЕСТВА
И БЕЗОПАСНОСТИ МЕДИЦИНСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
В РЕСПУБЛИКЕ БУРЯТИЯ: ПУТИ РЕШЕНИЯ
И НОВЫЕ ПОДХОДЫ**

*Баикуева Е. Ю.,
канд. ист. наук,
Бурятский научный центр СО РАН,
г. Улан-Удэ*

Аннотация. Представлен комплексный анализ проблем доступности, качества и безопасности медицинской деятельности в Республике Бурятия на основе многолетних авторских социологических исследований. Предложены перспективные направления работы системы здравоохранения Республики Бурятия в целях повышения доступности, качества и безопасности медицинской помощи.

Ключевые слова: медицинская деятельность, здравоохранение, доступность, качество, безопасность, Республика Бурятия

Одной из ключевых целей российского здравоохранения является повышение продолжительности жизни населения, что возможно лишь при наличии доступной, качественной и безопасной медицинской помощи. В «Стратегии развития здравоохранения на период до 2025 г.» одной из основных задач закреплено создание условий для повышения доступности и качества медицинской помощи [1].

Российскими учеными и организаторами здравоохранения обозначенные проблемы анализируются как приоритетные для повышения эффективности отрасли и укрепления человеческого капитала [2; 3].

Республика Бурятия – один из немногих регионов Российской Федерации, где выстраивается единая территориальная система управления качеством и безопасностью медицинской деятельности с внедрением новых инновационных методов управления и институциональной структуры [4].

Сотрудниками ОРЭИ БНЦ СО РАН в рамках плановой НИР проводилась комплексная оценка проблем доступности, качества и безопасности медицинской деятельности в Республике Бурятия. Исследование базировалось на синтезе следующих методов: изучение и обобщение опыта, статистический, социологические (наблюдение, анкетирование, экспертный опрос, глубинные интервью, контент-анализ), аналитический, экономический, SWOT-анализ, монографического описания и др.

Эмпирическую базу исследования составили официальные статданные Росстата, Бурятстата, ежегодные сводные отчеты Министерства здравоохранения Республики Бурятия (за 2014-2021 гг.), Территориального управления Росздравнадзора по Республике Бурятия (за 2014-2021 гг.), отчеты медицинских организаций Республики Бурятия (за 2014-2021 гг.), отчеты Регионального центра компетенций по качеству и безопасности медицинской деятельности (за 2018-2021 гг.), данные авторских социологических исследований: анкетирования населения Заиграевского, Баргузинского, Прибайкальского районов (2014-2017 гг.), экспертного опроса с участием руководителей Министерства здравоохранения Республики Бурятия, Регионального центра компетенций по качеству и безопасности медицинской деятельности, медицинских организаций Республики Бурятия на тему «Проблемы и перспективы качества и безопасности медицинской деятельности в Республике Бурятия» (N =40), контент-анализа обращений и жалоб на качество и безопасность медицинской деятельности (ведомственные материалы министерства здравоохранения Республики Бурятия и социальных сетей ВКонтакте, Instagram за 2020-2021 гг.).

В ходе экспертных интервью с сотрудниками регионального министерства здравоохранения и руководителей республиканских медицинских организаций были выявлены корневые причины, обуславливающие низкую доступность, качество и безопасность медицинской помощи в Республике Бурятия:

- неудовлетворительное материально-техническое состояние медицинских организаций;
- дефицит медицинских кадров;
- низкие компетенции медицинских работников, в том числе в вопросах качества и безопасности медицинской деятельности;
- проблемы в управлении системой здравоохранения;
- недостаточная цифровизация и информатизация медицинской деятельности.

Экспертами акцентируется негативное влияние пандемии на доступность, качество и безопасность медицинской деятельности в селах Бурятии: дисбаланс медицинских кадров, их эмоциональное выгорание, рост числа запущенных случаев в связи со срывом диспансеризации, нарушения эпидбезопасности.

Эксперты отметили, что национальный проект «Здравоохранение» и программа модернизации первичного звена в целом способствуют повышению доступности и качества медицинской помощи сельским жителям региона за счет строительства новых поликлиник, ФАПов и амбулаторий, модернизации их оборудования, однако работы в этом направлении предстоит ещё очень много.

По их мнению, именно дефицит медицинских кадров является одним из самых болевых вопросов в региональном здравоохранении. За последние 3 года наблюдается тенденция к снижению обеспеченности врачами и средними медицинскими работниками на 10 тыс. населения. Так, обеспеченность врачами в Республике Бурятия в 2021 году составила 36,0 на 10 тыс. нас., что ниже, чем в среднем по РФ на 6,8 % (38,7) и на 9,0% ниже, чем по ДФО (40,1), в республике требуется 487 врачей и 621 средних медицинских работника. Действуют федеральные программы «Земский врач» и «Земский фельдшер» и программы целевой подготовки медицинских кадров. В настоящее время в 15 ВУЗах страны и наших медколледжах обучается 1500 целевиков. По федеральным программам «Земский доктор» / «Земский фельдшер» привлечены 1073 врачей-специалистов и 106 фельдшеров. Принято решение о выплате стипендии с 1 сентября 2021 г. целевым студентам от 1,5 тысячи рублей (студенты медицинских колледжей) до 3,0 тысяч рублей в месяц (клинические ординаторы, студенты ВУЗов) и перевод студентов с коммерческого обучения на обучение за счет республиканского бюджета студентов с 4 курса. Также в республике по предложению БРО «Единая Россия» действует программа 100 домов для медицинских работников, выделено из

республиканского бюджета 18 млн. рублей, данной мерой соцподдержки воспользовались 27 медицинских работников, программа будет продолжена в этом году и мы вносим изменения в условия предоставления. Программа «Дальневосточная ипотека» расширена и в ней могут участвовать медработники.

Эксперты отметили, что в сельских районах Бурятии не хватает грамотных главных врачей ЦРБ с сильными управленческими компетенциями. Имеющиеся главные врачи применяют жесткий авторитарный стиль управления – по этой причине в министерство здравоохранения РБ поступают постоянные жалобы. Отмечается, что главный врач грубит, употребляет нецензурную лексику, угрожает увольнением. Специалисты министерства здравоохранения РБ считают наиболее эффективным методом решения данной проблемы следующее: подготовка кадрового резерва, назначение главных врачей из его числа, направление антикризисного менеджера в районы с наиболее острой ситуацией по качеству медицинской деятельности. Так, антикризисный менеджер, заместитель министра здравоохранения РБ, к.м.н. Амагыров В.П. Работал в 2021 г. в течение 2 месяцев в Джидинском районе, 3 месяцев – Баргузинском районе и сумел решить многие наболевшие вопросы, однако основная проблема – дефицит грамотных управленцев, требует многолетнего решения и системных мер.

Анализ обращений и жалоб населения сельских районов на доступность, качество и безопасность медицинской помощи в государственные органы (министерство здравоохранения Республики Бурятия, уполномоченный по правам человека в Республике Бурятия), а также ответов данных органов заявителям позволил сделать следующие выводы:

- Отмечается низкая общая и правовая грамотность заявителей;
- Для заявителей характерен излишний эмоциональный тон и зачастую неадекватное восприятие ситуации;
- Значительная доля обращений свидетельствуют об откровенных иждивенческих позициях населения и желании переложить свои личные проблемы на государство.

Основные причины жалоб заявителей – качество медицинской помощи, ее низкая доступность вследствие кадрового дефицита, врачебные ошибки, неправильные диагнозы, нарушения этики и деонтологии со стороны медицинского персонала, ошибки в заполнении медицинских документов.

Характерно, что заявители часто пишут напрямую в министерство здравоохранения Российской Федерации и органы прокуратуры – это свидетельствует о низком доверии региональному минздраву.

На основании проведенного исследования в целях повышения доступности, качества и безопасности медицинской помощи в

Республике Бурятия сформулированы следующие предложения для регионального министерства здравоохранения:

– необходимо совершенствовать нормативную базу для обеспечения доступности, качества и безопасности медицинской деятельности на региональном уровне;

– рекомендовать усилить работу по совершенствованию управленческих, профессиональных компетенций медицинского персонала, в том числе по качеству и безопасности медицинской деятельности с использованием современных технологий обучения;

– рекомендовать усилить проведение социологических исследований в рассматриваемой области с разработкой единой программы и методики и обеспечить согласование действий медицинских и социологических служб различного уровня в регионе. На основе полученных данных мониторинга следует проводить углубленный анализ ситуации с доступностью, качеством и безопасностью медицинской деятельности на территориальном уровне и осуществлять разработку рекомендаций для медицинских организаций региона;

– поручить РМИАЦ при министерстве здравоохранения Республики Бурятия осуществлять сбор статистических данных по доступности, качеству и безопасности медицинской деятельности согласно методическим инструкциям, разработанным в ОРЭИ БНЦ СО РАН и НИИ общественного здоровья им. Н.А. Семашко и рекомендовать ввести публичный рейтинг медицинских организаций на основе объективных показателей, характеризующих качество и безопасность медицинской деятельности;

– систематизировать количество надзорных мероприятий, внедрить методы экономического стимулирования при наличии системы управления качеством и безопасностью в медицинской организации.

Список литературы и источников:

1. Стратегия развития здравоохранения на период до 2025 г. - СПС Консультант Плюс

2. Линденбратен А.Л. Качество организации медицинской помощи и критерии его оценки// Бюллетень Национального НИИ общественного здоровья РАМН. – 2013. – № 2. – С. 20-23.

3. Мурашко М.А. Качество медицинской помощи: новый вектор развития // Вестник Росздравнадзора. – 2015. – № 6. –С. 7-11.

4. Лудупова Е.Ю. Научно-организационные принципы построения территориальной системы управления качеством медицинской деятельности: автореф. дис. ... д-ра мед. наук. М., 2019. 47 с.

ИНТЕГРАЛЬНЫЙ ИНДЕКС ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ: МУНИЦИПАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ⁴⁷

Бюраева Ю. Г.,
д-р соц. наук,
БНЦ СО РАН,
г. Улан-Удэ

Аннотация. Статья посвящена оценке интегрального индекса человеческого потенциала (ЧП) муниципальных образований Республики Бурятия. В его состав включены компоненты здоровья, образования, благосостояния, а также демографическая и социально-культурная. Оценка данных за 2020 г. произведена индексным методом с использованием альтернативных показателей. Выявлена высокая степень дифференциации человеческого потенциала внутри республики в целом и по его составляющим на фоне невысокого значения индекса ЧП. С помощью кластерного анализа выделены 4 группы муниципалитетов со схожими характеристиками человеческого потенциала.

Ключевые слова: индекс, человеческий потенциал, муниципальный уровень, Республика Бурятия

В настоящее время происходит осознание, что дальнейшие перспективы РФ и ее регионов зависят не столько от сырьевых, сколько от человеческих ресурсов, что актуализирует проведение оценки человеческого потенциала (ЧП) в регионах. Региональный аспект важен ввиду сохраняющегося значительного межрегионального разрыва, составляющего по качеству жизни более 4 раз [1], социально-экономическому положению – почти 8 раз [2], что ограничивает развитие регионов и экономики страны в целом. Помимо межрегиональных различий существенна внутрирегиональная неоднородность. В этой связи для повышения эффективности муниципального и регионального управления необходимо иметь четкие представления о качественных характеристиках населения в разрезе муниципальных образований.

В данной статье оценивается ЧП муниципальных образований (МО) Республики Бурятия с использованием альтернативных показателей. Информационной базой исследования послужили данные

---

⁴⁷ Статья подготовлена в рамках госзадания № 121030500092-7 (проект «Разработка методологии обоснования направлений стратегического развития депрессивного региона в условиях эколого-экономических ограничений»).

Бурятстата⁴⁸, материалы Республиканского медицинского информационно-аналитического центра⁴⁹, республиканского Министерства внутренних дел⁵⁰.

С учетом имеющихся разработок и статистических данных [3, 4] в число составляющих ЧП на муниципальном уровне были включены:

1. Демографическая составляющая (коэффициент общего прироста/убыли населения);
2. Здоровье (число случаев первичного выхода на инвалидность, число случаев заболеваний с впервые установленным диагнозом, коэффициент младенческой смертности);
3. Образование (уровень образования населения МО, охват дошкольным образованием населения 1–6 лет, охват общим образованием населения 7–17 лет);
4. Благополучие (объем социальных выплат и налогооблагаемых денежных доходов населения на 1 чел., скорректированный с учетом районных коэффициентов);
5. Социально-культурная составляющая (библиотечный фонд общедоступных библиотек, число зарегистрированных преступлений).

Для построения интегральной оценки ЧП муниципальных образований республики статистические показатели были преобразованы в частные нормированные индексы, у многосоставных компонент для этих индексов были рассчитаны среднеарифметические. Интегральный индекс ЧП определялся как среднеарифметическое значение частных нормированных индексов. Расчет частных индексов проводился на основе метода линейного масштабирования. Группы МО со схожими характеристиками ЧП определены на основе кластерного анализа с использованием метода агломеративной иерархической кластеризации.

Республика Бурятия в целом характеризуется невысоким уровнем человеческого потенциала, его интегральный индекс составил 0,447. Наблюдается разбалансированность развития составляющих ЧП, заключающийся в перекосе в пользу компонент здоровья и образования за счет доли остальных составляющих.

При этом значительна территориальная асимметрия, обусловившая разделение муниципалитетов на две равные полярные группы. Столица и отдаленные (северные) районы промышленного и транспортного освоения располагаются с одной стороны «полюса», остальные МО

---

⁴⁸ Население [Эл. ресурс]. URL: <https://burstat.gks.ru/people> (дата обращения: 12.03.2022); Районы Республики Бурятия. Ст. сб. Улан-Удэ: Бурятстат, 2021. 101 с.

⁴⁹ Данные предоставлены по официальному запросу от 07.10.2021г. № 1028.

⁵⁰ Отчеты начальников территориальных органов внутренних дел [Эл. ресурс]. URL: https://03.xn--b1aew.xn--p1ai/Dejatelnost/dej/05/Otcheti_nachalnikov_territorialnih_organ (дата обращения: 16.03.2022).

республики – с другой. Максимальная разница между МО по интегральному ИЧП достигает 2,1 раз и варьируется от 0,307 до 0,633.

Выделено четыре кластера:

1 группа включает 2 городских округа и 4 отдаленных района (Северобайкальский, Муйский, Баунтовский, Окинский). Это лидеры по уровню человеческого потенциала, средний индекс которого составил 0,537. Высокие показатели данного кластера обеспечены самыми высокими уровнями «образования» и «благополучия» благодаря более широкому рынку труда, в том числе в результате присутствия добывающих предприятий. Кроме того, достаточно развита сфера «здоровья». Первоочередного решения требуют проблемы воспроизводства населения, особенно в северных районах с суровым климатом.

2 группа образовали 2 пристоличных района с наиболее интенсивным приростом населения (Иволгинский и Тарбагатайский). Средний индекс ЧП – 0,454. Также данный кластер отличается наиболее высоким индексом здоровья, что свидетельствует о наличии «эффекта здорового мигранта», выражающегося в положительном влиянии притока мигрантов на увеличение рождаемости. В результате обеспечивается омоложение, снижение смертности и уменьшение заболеваемости населения. При этом наблюдается ограниченное развитие других компонент ЧП, поэтому необходимо их приоритетное регулирование. В частности, уровень доходов населения данных районов – самый низкий.

3 группа является наиболее многочисленной и состоит из 9 районов, 6 из которых относятся к южному поясу – Тункинский, Джидинский, Селенгинский, Кяхтинский, Кижингинский, Закаменский, а также Хоринский, Курумканский, Бичурский. Это, как правило, районы сельскохозяйственной направленности с низкой долей промышленности. Средний индекс ЧП – 0,428. Данный кластер характеризуется наиболее благоприятной обстановкой в социально-культурной сфере. Также наблюдается относительно высокий индекс здоровья. При этом уровень благополучия населения данных районов один из самых низких по республике. Опасная ситуация складывается в отношении демографического потенциала в связи с наибольшей убылью населения.

4 группа образуют аутсайдеры по развитию ЧП с наименьшим средним индексом равным 0,345. Это районы центральной части республики Прибайкальский, Заиграевский, Кабанский, Мухоршибирский, а также Еравнинский и Баргузинский районы. Преимущественно это аграрные районы с крупными промышленными предприятиями. Здесь происходит отставание развития по всем компонентам ЧП, в частности показатели социально-культурной составляющей самые низкие в республике. Относительно

благоприятные тенденции наблюдаются в сфере здоровья, но относительно других кластеров его индекс самый низкий. Поэтому необходима корректировка социальной политики в совокупности с акцентом на проблемы благосостояния и социально-культурной составляющей.

Таким образом, невысокий индекс человеческого потенциала свидетельствует о низкой эффективности социальной политики на субрегиональном уровне. Несмотря на реализацию проектов, направленных на улучшение качества объектов социальной инфраструктуры по программе «дальневосточной субсидии», проблема дисбаланса компонент ЧП и асимметричности развития муниципальных образований продолжает оставаться актуальной. Наиболее острыми остаются проблемы низких доходов и депопуляции населения МО.

В этой связи качественные характеристики самого населения не соответствуют потребностям развития экономики, для которой, в свою очередь, характерно отсутствие реальных точек роста. Требуется развитие, а местами создание инфраструктуры всех видов. Необходимо обеспечение безопасности жизнедеятельности и снижения преступности. В совокупности это напрямую связано с созданием новых рабочих мест с достойной заработной платой, расширением зоны «социальных лифтов».

Список литературы и источников:

1. Рейтинг регионов по качеству жизни – 2021 [Электронный ресурс]. – URL: <https://riarating.ru/infografika/20220215/630216951.html> (дата обращения: 03.05.2022).
2. Рейтинг социально-экономического положения регионов – 2021 [Электронный ресурс]. – URL: <https://riarating.ru/infografika/20210531/630201353.html> (дата обращения: 03.05.2022).
3. Римашевская Н.М., Бочкарева В.К., Мигранова Л.А. Молчанова Е.В. Токсанбаева М.С. Человеческий потенциал российских регионов // Народонаселение. – 2013. – № 3. – С. 82–141.
4. Валеева О.В. Методика расчета индекса развития человеческого потенциала в муниципальных образованиях (на примере Забайкальского края и Республики Бурятия) // Вестник ЗабГУ. – 2016. – Т. 22. – № 7. – С. 91–99.

ЕСТЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА: ПОСЛЕДСТВИЯ ПАНДЕМИИ

*Грицко М. А.,
канд. экон. наук,
ИЭИ ДВО РАН,
г. Хабаровск*

Аннотация. В статье представлен анализ динамики естественного движения населения Дальнего Востока в разрезе входящих в него субъектов РФ в рамках допандемийного (2014–2019 гг.) и пандемийного (2020–2021 гг.) периодов. Показано, что в 2020–2021 гг. впервые за три десятилетия произошла смена фактора, определяющего демографическую динамику в макрорегионе. Результатом обрушившейся в 2020 году пандемии новой коронавирусной инфекции стало то, что естественная убыль населения превзошла по своим объемам миграционные потери.

Ключевые слова: численность населения, общий прирост, естественный прирост, миграционная рождаемость, смертность, субъекты РФ, Дальний Восток

Среди основных факторов, сдерживающих социально-экономическое развитие Дальнего Востока и не теряющих своей актуальности на протяжении уже более трех десятилетий, неизменное положение занимает ежегодная убыль населения. Несмотря на повышенное внимание к макрорегиону со стороны федеральных властей и принятие обширного перечня документов стратегического развития, в каждом из которых особое внимание уделено демографической составляющей развития Дальнего Востока, сформулированные ожидания относительно численности дальневосточников существенно превосходят реальную картину [3, 4]. К 2020 году, в котором завершился первый этап реализации Концепции демографической политики Дальнего Востока на период до 2025 года, планировалось преодоление отрицательных демографических тенденций и переход к устойчивой положительной динамике. Но реальные демографические параметры оказались далеки от запланированных значений, а возникновение новых угроз в связи с распространением новой коронавирусной инфекции обнулили достигнутые в предыдущие годы результаты [1, 2].

По состоянию на начало 2022 года численность проживающего на Дальнем Востоке населения составила 8091,2 тыс. человек. Возрастная структура населения макрорегиона более благоприятна по сравнению с общероссийской картиной, поскольку удельный вес категорий населения в возрасте моложе трудоспособного и трудоспособном на Дальнем

Востоке выше, чем в среднем по стране. На начало 2022 года в возрастной структуре их доля составила 20,7% и 58,8% соответственно при среднероссийских показателях 18,8% и 57,2%. Население в возрасте старше трудоспособного занимало 20,5% от общей численности населения, что ниже среднего уровня по РФ на 3,5 п.п.

За восемь лет проведения активной политики по ускоренному развитию приоритетного макрорегиона численность населения Дальневосточного федерального округа (ДФО) сократилась практически на 200 тысяч человек, из которых порядка 40% пришлось на период пандемии (табл. 1). Уменьшение населения за 2014–2019 гг. составило 121,6 тыс. человек. В 2020 году общая убыль резко возросла и по сравнению с показателем прошлого года увеличилась в 2,3 раза. В следующем году масштаб сокращения населения был несколько ниже и составил 32809 человек. В результате за два года распространения коронавируса население макрорегиона сократилось на 77959 человек.

Таблица 1 – Общий прирост (убыль) населения Дальнего Востока за период 2014–2021 гг., человек

Территория	Общий прирост	в т.ч.		в т.ч.	
		естественный	миграционный	2014–2019	2020–2021
Дальневосточный федеральный округ	-199600	-17120	-182480	-121641	-77959
Республика Бурятия	8769	25206	-16437	12077	-3308
Республика Саха (Якутия)	37312	47150	-9838	17193	20119
Забайкальский край	-46877	4422	-51299	-30644	-16233
Камчатский край	-7160	-640	-6520	-6848	-312
Приморский край	-75505	-48061	-27444	-42648	-32857
Хабаровский край	-40934	-18806	-22128	-24269	-16665
Амурская область	-38749	-19104	-19645	-21230	-17519
Магаданская область	-12545	-1895	-10650	-10163	-2382
Сахалинская область	-6850	-2254	-4596	-2770	-4080
Еврейская автономная область	-16546	-3980	-12566	-12072	-4474
Чукотский автономный округ	-515	842	-1357	-267	-248

Источник: рассчитано по Общій прирост населения (человек, значение показателя за год). ЕМИСС. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31272> (дата обращения: октябрь 2022)

Развитие демографической ситуации в подавляющей части субъектов ДФО проходило по схожему сценарию. Сокращение населения разной степени интенсивности было отмечено в 9 регионах. Наиболее высокий темп продемонстрировали Магаданская и Еврейская автономная области, в которых по сравнению с 2014 годом численность жителей уменьшилась на 8,4% и 9,8%. Положительная демографическая динамика была отмечена только в Республике Бурятия и Республике Саха (Якутия), причем в последней на протяжении всего рассматриваемого периода наблюдался ежегодный прирост населения

В пяти дальневосточных субъектах потери населения в период пандемии составили более 40% от общей убыли населения за 2014-2021 годы. В их число входили Приморский и Хабаровский края, Амурская и Сахалинская области, а также Чукотский автономный округ. При этом среди указанных субъектов отдельно следует выделить Сахалинскую область, которая за 2020-2021 гг. потеряла населения в 1,5 раза больше, чем за предпандемийный период.

На протяжении трех десятилетий отрицательное сальдо миграции оставалось основной причиной сокращения населения Дальнего Востока. Сокращение населения за весь исследуемый период на 91% было следствием влияния данного фактора. Но в 2020 году, впервые за продолжительное время, вклад естественного и миграционного прироста в общее сокращение населения практически сравнялся. При снижении численности населения федерального округа на 45150 человек более 22 тысяч было результатом естественного движения и 23124 человек миграционного. В 2021 году естественная убыль в 1,8 раз превысила показатель предыдущего года и по своему масштабу оказалась выше общей убыли населения, составившей 32809 человек. Но положительное миграционное сальдо позволило несколько сгладить естественные потери.

Динамика естественного движения населения в региональном разрезе сильно дифференцирована. Среди дальневосточных субъектов на исследуемом временном интервале можно выделить как минимум три группы в зависимости от траектории изменения показателя естественного прироста. Первая группа включала регионы со стабильным естественным приростом населения. В период 2014-2019 гг. в нее входило три субъекта – Республика Бурятия, Республика Саха (Якутия) и Чукотский автономный округ. В 2020-2021 гг. численность группы сократилась до одного субъекта – Республики Саха (Якутия). В двух других субъектах, отнесенных к этой группе, естественный прирост сохранялся до 2020 года.

Ко второй группе относились регионы, в которых в предпандемийный период наблюдался положительный естественный прирост населения, но постепенно он сокращался, и в итоге

естественная динамика перешла в отрицательную плоскость измерения. Эта группа включала в себя 5 субъектов: Забайкальский, Камчатский и Хабаровский края, Магаданскую и Сахалинскую области. В 2020-2021 годах во всех субъектах данной группы естественная динамика была отрицательной.

В состав третьей группы входили Приморский край, Амурская и Еврейская автономная области, в которых на протяжении всего анализируемого периода уровень смертности населения стабильно превышал уровень рождаемости.

Для субъектов второй и третьей группы период 2020-2021 гг. характеризовался высокими темпами роста естественной убыли населения, превышающими по отдельным регионам среднероссийский уровень. По итогам первого года пандемии естественная убыль населения увеличилась в 4,6 раза в Камчатском крае, в Забайкальском крае фиксировался трехкратный рост, а в Сахалинской области показатель увеличился в 2,84 раза по отношению к предыдущему году при среднероссийском темпе роста 2,18 раз. В 2021 году рост естественной убыли продолжился, и максимальные темпы роста среди дальневосточных субъектов вновь продемонстрировали перечисленные выше регионы. В остальных субъектах, относимых ко второй и третьей группам, рост естественной убыли населения был сопоставим со среднероссийским показателем.

Вопреки ожиданиям относительно перелома демографических тенденций, сокращение населения оставалось неизменной характеристикой Дальнего Востока в исследуемый период. Значительные потери были обусловлены пандемией новой коронавирусной инфекции, которая привела к скачку естественной убыли населения и свела к минимуму достигнутые в предпандемийный период результаты по сокращению смертности населения и росту продолжительности жизни. Пандемия еще больше увеличила разрыв между ожиданиями и реальной демографической ситуацией, который с высокой долей вероятности сохранится в ближайшей перспективе.

Список литературы и источников:

1. Грицко М. А. Социально-демографические параметры Дальнего Востока России в условиях реализации документов стратегического развития // Власть и управление на Востоке России. 2021. № 2 (95). С. 36–46. DOI 10.22394/1818-4049-2021-95-2-36-46.
2. Грицко М.А. Естественная динамика населения Дальнего Востока России: последствия пандемии // В сборнике: Дальний Восток России: тенденции экономического развития (последствия пандемии). ИЭИ ДВО РАН. Хабаровск, 2021. С. 90-108.

3. Минакир П.А. Экономика пандемии: дальневосточный аспект // *Пространственная экономика*. 2020. Т. 16. № 4. С. 7–22. <https://dx.doi.org/10.14530/se.2020.4.007-022>.

4. Развитие экономики Дальнего Востока России: эффекты государственной политики / отв. ред. П.А. Минакир, С.Н. Найден; Институт экономических исследований Дальневосточного отделения Российской академии наук. – Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2021. – 208 с.

УПРАВЛЕНИЕ ПРЕФЕРЕНЦИАЛЬНЫМИ РЕЖИМАМИ В РЕГИОНАХ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА

Гришиноква М. В.,

магистрант,

Басова С. Н.,

канд. экон. наук,

Дальневосточный институт управления – филиал РАНХиГС,

г. Хабаровск

Аннотация. С 2014 года на территории Дальнего Востока создаются преференциальные режимы для повышения инвестиционной активности и развития бизнеса, управление которыми осуществляется, в основном, федеральными органами власти и институтами развития. Вместе с тем, уровень вовлеченности региональных команд в управление преференциальными режимами довольно низок.

Ключевые слова: территории опережающего социально-экономического развития, свободный порт Владивосток, специальный административный режим, резиденты, управляющая компания

Послание Президента Российской Федерации 12 декабря 2013 года стало отправной точкой нового инструмента территориального развития: В. В. Путин инициировал создание в Дальневосточном федеральном округе и Сибири специальных территорий опережающего социально-экономического развития с льготными условиями ведения предпринимательской деятельности в области производств.

Предполагалось, что особый режим позволит предприятиям применять перечень налоговых льгот и административных преференций.

В соответствии с перечнем поручений Президента России по реализации Послания [1, с. 19] был разработан и принят Федеральный

закон «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации» [2, с. 1].

Территория опережающего социально-экономического режима (далее – ТОР) – часть территории субъекта России, на которой установлен особый правовой режим осуществления предпринимательской деятельности в целях формирования комфортных условий для привлечения инвестиций, обеспечения ускоренного социально-экономического развития и создания благоприятных условий для жизни населения [2, с. 3].

В рамках ТОР деятельность осуществляют резиденты – индивидуальные предприниматели или коммерческие юридические лица, зарегистрированные на ТОР, заключившие с Управляющей компанией ТОР соглашения об осуществлении деятельности, включенные в реестр резидентов. Резидентами могут быть резиденты иной ТОР, создавшие филиал или представительство.

Для реализации программ опережающего развития были приняты соответствующие изменения в нормативные акты: Налоговый кодекс Российской Федерации [3, с. 1] и отдельные законодательные акты [4, с. 1], которые устанавливают для резидентов ТОР ряд преференций:

- создание инфраструктуры ТОР за счет средств бюджетов (федеральный, региональный) силами управляющей компанией;
- передача земельного участка в аренду без торгов по льготной арендной ставке;
- привлечение иностранной рабочей силы без квот;
- сопровождение проектов по принципу «одного окна»;
- сокращенные сроки проведения контрольных проверок;
- применение процедуры «свободной таможенной зоны»;
- право управляющей компании на защиту резидентов в судебных разбирательствах;
- налоговые льготы (по налогу на прибыль, налогу на имущество, налогу на землю, налогу на добычу полезных ископаемых, пониженные тарифы страховых взносов).

При создании ТОР учитывается отраслевая специализация региона в целях создания благоприятных условий для развития региона в наиболее перспективных отраслях экономики. В соответствии со специализацией проводится отбор якорных резидентов с крупными инвестиционными проектами, реализация которых стимулирует реализацию проектов в смежных отраслях, создавая мультипликативный эффект.

Правительство Российской Федерации определило Министерство Российской Федерации по развитию Дальнего Востока и Арктики федеральным органом исполнительной власти, уполномоченным на осуществление функций в области создания ТОР

на территории Дальнего Востока [5, с. 2]. Управляющей компанией, осуществляющей функции по управлению ТОР в субъектах Российской Федерации на Дальнем Востоке в соответствии с п. 5 ст. 2 Федерального закона [2, с. 3], определена АО «Корпорация развития Дальнего Востока и Арктики» (далее – АО «КРДВ») [6, с. 1].

На конец 2021 года создано 23 ТОР в 11 субъектах Дальнего Востока: 4 в Приморском крае, по 3 ТОР в Амурской области, Хабаровском крае, Сахалинской области, 2 в Республике Саха и по 1 ТОР в остальных субъектах.

В 2014 году в рамках очередного Послания Президентом предложено присвоить Владивостоку статус свободного порта с оптимизированным таможенным режимом. В связи с чем, в целях создания нормативной правовой базы и условий для инвестирования в действующие и новые предприятия, транспортно-логистические комплексы (в том числе создание и модернизация морских причалов) принят Федеральный закон «О свободном порте Владивосток» [7, с. 1].

Свободный порт Владивосток (далее – СПВ) – часть территории Приморского края (16 муниципальных образований, в том числе территории и акватории морских портов), на которой устанавливаются меры государственной поддержки предпринимательской деятельности. Позднее к территории с данным преференциальным режимом стали приравниваться территории муниципальных образований иных субъектов Дальнего Востока: 2 муниципальных района в Хабаровском крае, 2 городских округа в Сахалинской области, по 1 городскому округу в Камчатском крае и Чукотском автономном округе.

Уполномоченным органом СПВ является Минвостокразвития России, управляющей компанией – АО «КРДВ».

Для координации деятельности органов государственной и муниципальной власти и решения основополагающих вопросов функционирования свободного порта создан Наблюдательный совет. Состав и положение о наблюдательном совете утверждены Правительством России.

Для резидентов СПВ предусматриваются практически аналогичные налоговые льготы (увеличенный период льготы по земельному налогу до 5 лет, сниженная ставка по налогу на имущество в течение 6-10 лет до 0,5%) и административные преференции как для резидентов ТОР (за исключением строительства инфраструктуры за счет бюджетных средств, получения земельного участка без торгов).

В 2018 году принят Федеральный закон «О специальных административных районах на территориях Калининградской области и Приморского края» о создании нового преференциального режима – специальный административный район (далее – САР) [8, с. 1]. Режим

САР распространен на территорию острова Русский в Приморском крае. Управляющей компанией САР также является АО «КРДВ».

Общей целью всех преференциальных правовых режимов является обеспечение ускорения социально-экономического развития Дальнего Востока.

В соответствии с действующим законодательством АО «КРДВ» в качестве управляющей компании преференциальными режимами на Дальнем Востоке осуществляет следующие основные функции: общее организационное руководство и координация деятельности ТОР, СПВ, САР, строительство и эксплуатация объектов инфраструктуры ТОР, рассмотрение заявок и присвоение статуса резидента, контроль за выполнением резидентам соглашений об осуществлении деятельности, предоставление резидентам земельных участков в аренду, а также услуг, необходимых для осуществления деятельности и прочее.

В целях эффективного управления ТОР и СПВ АО «КРДВ» созданы дочерние общества (ДО), офисы которых локализованы в субъектах ДФО. Локализация ДО в регионах расположения ТОР и СПВ обусловлена территориальной близостью к администрируемым территориям, прямым взаимодействием с государственными органами исполнительной власти, возможностью принятия своевременных и оперативных управленческих решений, взаимодействия с действующими резидентами и потенциальными инвесторами.

В настоящее время действует 11 ДО во всех субъектах ДФО (за исключением ЕАО – функции по управлению ТОР «Амуро-Хинганская» осуществляет АО «УК ТОР «Хабаровск»).

В 2021 году в соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации от 26.04.2021 № 640 АО «КРДВ» стало базой создания единого института развития Дальнего Востока и Арктики, перенеся функции 3-х ранее действующих институтов развития – АНО «Агентство Дальнего Востока по привлечению инвестиций и поддержке экспорта», АНО «Агентство по развитию человеческого капитала на Дальнем Востоке и в Арктике», АО «Фонд развития Дальнего Востока».

Так, перечень функций АО «КРДВ» дополнился следующими пунктами: привлечение резидентов ТОР и СПВ, поддержка экспорта, развитие человеческого капитала, управление программами «Дальневосточный гектар», «Дальневосточная ипотека».

Полномочия регионов в сфере управления преференциальными режимами не так широки. Права регионального правительства не закреплены в федеральных законах о преференциальных режимах, в отличие от уполномоченного органа и управляющей компании.

Постановлением Правительства Российской Федерации о создании ТОР закреплены обязательства федерального Правительства и региона по софинансированию создания объектов инфраструктуры.

Также регионы по общей практике являются акционерами дочерних зависимых обществ в процентном соотношении с Управляющей компанией – 49%/51%. Такое распределение акций предусматривает обязательство региона по софинансированию деятельности дочернего общества. Но это обязательство часто не выполняется в силу дотационности регионов. Таким образом, деятельность дочерних обществ осуществляется за счет средств Управляющей компании (федерального бюджета).

Полномочия региона наиболее ярко проявляются через участие в Наблюдательном совете ТОР: губернатор региона является председателем коллегиального органа, утверждает повестку заседаний совета, подписывает протокол заседания с решениями по развитию преференциальных режимов. В 2022 году полномочия по организации наблюдательных советов СПВ переданы с федерального на региональный уровень.

В целях повышения вовлеченности региона в развитие и управление преференциальными режимами целесообразно стандартизировать взаимодействие Уполномоченного органа, Управляющей компании и региональных Правительств в сфере:

- строительства объектов инфраструктуры (путем пропорционального распределения объектов, обеспечения своевременных межбюджетных трансфертов, сопровождения строительных процедур со сторон федеральных органов власти);
- сопровождения реализации инвестиционных проектов резидентов преференциальных режимов (путем совместной работы управляющей компании и команды региона на единой информационной платформе с данными об инвестиционных проектах);
- привлечения новых инвесторов (путем формирования единого алгоритма сопровождения инвестора от идеи проекта до получения статуса резидента преференциального режима с закреплением ответственных исполнителей и сроков проведения процедур);
- реализации социальных программ.

Таким образом, управление преференциальными режимами, способствующими улучшению ведения предпринимательской деятельности, в регионах Дальнего Востока осуществляется уполномоченным органом, управляющей компанией, являющейся единым институтом развития Дальнего Востока и Арктической зоны, администрирующим действующие на подведомственной территории преференциальные режимы – ТОР, СПВ, САР, а также блоки социального развития, развития человеческого капитала и привлечения инвестиции и экспорта. В перспективе развития управления преференциальными режимами целесообразно повышать уровень приоритизации мнения и повышения уровня вовлеченности региональных команд.

Список литературы и источников:

1. Послание Президента Федеральному собранию от 12.12.2013 №Пр-3086 [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_155646/.
2. Федеральный закон от 29.12.2014 №473-ФЗ (ред. от 11.06.2021) «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации» [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172962/.
3. Федеральный закон от 29.11.2014 №380-ФЗ «О внесении изменений часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_171493/.
4. Федеральный закон от 31.12.2014 года №519-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_173164/.
5. Постановление Правительства Российской Федерации от 28.03.2015 №287 (ред. от 15.05.2019) «Об определении федерального органа исполнительной власти, уполномоченного на осуществление функций в области создания территорий опережающего социально-экономического развития на территории Дальневосточного федерального округа, и о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_177230/92d969e26a4326c5d02fa79b8f9cf4994ee5633b/.
6. Постановление Правительства Российской Федерации от 30.04.2015 №432 (ред. от 26.04.2021) «Об управляющей компании, осуществляющей функции по управлению территориями опережающего социально-экономического развития в субъектах Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа, и свободным портом Владивосток» [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_179059/.
7. Федеральный закон от 13.07.2015 №212-ФЗ (ред. от 11.06.2021) «О свободном порте Владивосток» [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182596/.
8. Федеральный закон от 03.08.2018 года №291-ФЗ (ред. от 26.03.2022) «О специальных административных районах на территориях Калининградской области и Приморского края» [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_304082/.

9. Стратегия развития АО «Корпорация развития Дальнего Востока и Арктики» [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://erdc.ru/about/strategy/>

РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ КАК ДРАЙВЕР ЭКОНОМИКИ ТУРИЗМА В ХАБАРОВСКОМ КРАЕ

*Карев А. С.,
аспирант,
Поливаева О. Г.,
канд. экон. наук, доцент,
Дальневосточный институт управления – филиал РАНХиГС,
г. Хабаровск*

Аннотация. Раскрывается состояние отрасли туризма в условиях современных внешнеполитических и экономических вызовов, в том числе с учетом воздействия факторов распространения новой коронавирусной инфекции и санкционного давления. Описываются меры государственной поддержки как инструмент стабилизации ситуации в отрасли туризма. Рассматривается создание и развитие объектов туристической индустрии в составе социальной инфраструктуры как новых точек притяжения для стимулирования развития экономики туризма в Хабаровском крае на примере горнолыжного туризма.

Ключевые слова: туристическая отрасль, рынок туристических услуг, меры государственной поддержки, туристическая индустрия, социальная инфраструктура, проблемы, перспективы, Хабаровский край

Для жителей многих стран туризм стал неотъемлемой частью нормальной жизни. Для отдельных стран туристическая отрасль является основой национальной экономики. Согласно оценке Всемирной туристской организации при ООН, наиболее динамичный рост туристских прибытий и поступлений от международного туризма отмечается в странах Азиатско-Тихоокеанского региона. Рынок туристической отрасли Дальневосточного макрорегиона Российской Федерации является стратегическим направлением внимания государства и весомой составляющей рынка туристических услуг стран Азиатско-Тихоокеанского региона.

В свою очередь Хабаровский край, обладающий богатыми природными ресурсами, особенностями природно-климатических и географических условий, нетронутыми человеком местами обитания редких и уникальных животных, самобытной культурой и традициями

местных народов, входит в тройку регионов лидеров на рынке туристских услуг Дальневосточного федерального округа [1, с. 52, 54].

Туристическая отрасль Хабаровского края традиционно является одним из флагманских направлений функционирования экономики региона [2]. В настоящее время по данным министерства туризма Хабаровского края в крае действует 460 организаций туристско-гостиничного сектора, в отрасли заняты порядка 1,6 тыс. человек. Приведенные данные свидетельствуют, что туристическая отрасль является одним из ключевых перспективных направлений роста экономики региона. Значимое число занятых в отрасли туризма и сопутствующих отраслях отражает высокую социальную значимость стабильной деятельности данного направления. Высокий потенциал перспективных направлений развития с учетом собственных конкурентных преимуществ обуславливает актуальность исследований данного направления развития экономики Хабаровского края.

Индустрия туризма и гостеприимства – одна из наиболее динамично растущих отраслей экономики на Дальнем Востоке. Авторы Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года отнесли сферу туризма к перспективной экономической специализации Хабаровского края в составе приоритетной геостратегической территории Дальневосточного макрорегиона [3].

Специализацией макрорегиона и Хабаровского края в частности являются: природоориентированность туристского продукта, экологический, приключенческий и экспедиционный туризм, горнолыжный туризм, организация морских и речных круизов, этнографических туров, пеших походов, особое значение для региона является деловой и промышленные виды туризма. Хабаровский край (по данным краевого министерства туризма) края является вторым регионом Дальневосточного федерального округа по объему туристического потока, уступая лишь Приморскому краю.

В Хабаровском крае отрасль туризма является одним из флагманских направлений развития краевой экономики. Развитие отрасли базируется на основных конкурентных преимуществах региона:

- высокая концентрация и разнообразие уникальных природных и социокультурных ресурсов;
- уникальный национальный колорит и самобытность культур коренных народов;
- низкая плотность населения, сохранение исконных территорий обитания редких и уникальных животных и растений, "нетронутая" человеком природная территория;
- географические особенности и выгодное расположение региона являются одними из ключевых факторов формирования тесных связей

со странами Азиатско-Тихоокеанского региона;

– развитая транспортная сеть и инфраструктура. В частности, Хабаровский аэропорт им. Г. И. Невельского является крупнейшим авиаузлом на Востоке страны и способен принять воздушные суда практически при любых погодных условиях;

– системно выстроенные логистические и кооперативные связи в рамках межрегионального взаимодействия;

– рациональная система формирования туристического продукта, обеспечение его доступности и конкурентоспособности, то есть дифференцированный подход к созданию привлекательных туров с учетом интересов и качественного состава целевой аудитории (школьники, студенты и работающая молодежь, люди старшего поколения) и уровня доходов населения;

– безопасность путешествий и отдыха: Российская Федерация в целом как безопасное государство бескомпромиссно борется с мировым терроризмом [2, с. 186; 4, с. 120].

В допандемийный и досанкционный период въездной туризм в Хабаровском крае являлся основным фактором экономического развития региональной экономики, поскольку приезжая иностранные туристы предъявляют высокий потребительский спрос на разнообразные товары и услуги. Согласно статистическим данным Всемирной туристской организации, столицу Хабаровского края в 2017 году посетило 47,8 тыс. иностранных туристов, в 2018 году это значение увеличилось на 1,13 % по отношению к 2017 году. Основными партнерами и источниками потока иностранных туристов для Хабаровского края являлись КНР, Южная Корея и Япония. Безусловным лидером по въездному туристическому потоку в отношении края являлся Китай. [5]

С учетом формирующейся на тот момент динамики развития отрасли, приведенных статистических показателей и растущего интереса со стороны иностранных туристов к российской культуре, городам со своей многолетней историей, памятникам архитектуры и истории, природным объектам, традициям, национальным праздникам местного населения и национальных меньшинств многие ученые давали положительный прогноз о выходе туристической отрасли на новый уровень развития. В частности, профессор Листопад М.Е. в своем исследовании по состоянию на 2016 год отмечает тенденцию роста въездного туризма и внутреннего туризма наряду со снижением показателей туризма выездного [4, с. 119].

Вместе с тем, последующие годы были ознаменованы значимыми изменениями условий экономической деятельности: распространение новой коронавирусной инфекции в 2020 году, введение после февраля 2022 года новых экономических санкций в отношении России со стороны недружественных стран в связи с ростом политической

напряженности в мире, спровоцировавшие формирование депрессивных процессов в мировой экономике, негативно отразились и на развитии туристической отрасли.

Основными негативными факторами этих явлений для экономики отрасли являются:

- резкое снижение въездного туристического потока;
- снижение налоговых поступлений и таможенных сборов;
- нестабильность курсов валют;
- разрыв или заморозка связей туроператоров с зарубежными партнёрами;
- невозможность импорта уникальных иностранных машин и механизмов и запасных частей к ним;
- отток из отрасли узкопрофильных специалистов по эксплуатации и обслуживанию иностранных машин и механизмов;
- стагнационные процессы в смежных и обеспечивающих отраслях экономики и др.

Особенностью туристической отрасли является то обстоятельство, что туризм быстро отзывается на складывающиеся изменения условий его функционирования. Воздействие негативных факторов может повлечь как быстрый ход восстановительных процессов, так и длительный период перехода к росту. Можно сказать, что при воздействии кризисных явлений и заградительных экономических и политических инструментов туризм является одной из наиболее уязвимых отраслей экономики. [6]

В целях стабилизации ситуации в отрасли государством оперативно задан вектор на развитие внутреннего туризма. Данное направление стало национальным приоритетом развития экономики государства. Государственной программой "Развитие туризма" отмечен значительный потенциал роста роли туризма в социально-экономическом развитии субъектов Российской Федерации, в том числе внутреннего туризма [7].

Для этого государством выработан ряд мер поддержки представителей туристического бизнес-сообщества, основными из которых являются:

- пониженная ставка налога при применении упрощенной системы налогообложения [8];
- предоставление бюджетных выплат компенсационного характера на разработку и обустройство объектов инфраструктуры туристских маршрутов, а также в отношении понесенных затрат, необходимых для реализации новых инвестиционных проектов [9; 10];
- предоставление бюджетных выплат на создание инженерной и транспортной инфраструктуры к туристским объектам в целях развития туристских кластеров [7];
- гранты на проекты в сфере туризма [7];

- льготное кредитование предприятий отрасли;
- поручительство по финансовым обязательствам;
- институты содействия как действующим предприятиям, так и организациям на стадии "стартапа" (одной из мер является сопровождение проекта в режиме "одного окна");
- снижение административной нагрузки на малый бизнес (мораторий на проверки, снижений санкций по административным правонарушениям и т.д.);
- отсрочка оплаты по налогам и сборам, реструктуризация налоговой задолженности и др.

Данные меры в основном направлены на сохранение существующих предприятий отрасли, однако содержат механизмы, направленные на развитие новых объектов туристической индустрии и точек притяжения для туристов.

Для достижения цели стабильного функционирования туристической отрасли в условиях современных ограничений необходимо развитие туристической инфраструктуры в части создания новых объектов туристической индустрии, точек притяжения для потенциального туриста-потребителя.

"Как нашему туристу, так и туристу из-за рубежа – в первую очередь необходимо развитие инфраструктуры, причем в различных регионах России, а не только лишь в приморских городах. Строительство новых гостиниц, усовершенствование сети автодорог, транспортных коридоров – все это позволит привлекать туристов из-за рубежа." [4, с. 120]

Решение задачи по созданию инфраструктурных объектов туристической индустрии, способных оказать сколько-нибудь значимое влияние на показатель внутреннего въездного туризма (заинтересовать туриста-потребителя из других регионов), могут быть успешно реализованы при участии государства и частного капитала.

Примером может являться реализация крупного инфраструктурного проекта в сфере туризма на территории Хабаровского края – Спортивно-туристический комплекс "Хехцир". Реализация данного проекта по предварительной оценке позволит привлечь на территорию региона объём инвестиций в размере более 15 млрд рублей. Для потенциального туриста-потребителя планируется обустроить более 10 км трасс, современные подъемники, комфортные коллективные места размещения, глэмпинги, биатлонный комплекс. Для исключения фактора сезонности предусмотрено функционирование площадок для летних видов спорта, пеших походов и другие услуги. Стабильная деятельность комплекса позволит сохранять рабочие места, формировать стабильную социальную среду, повышать квалификацию персонала и качество оказываемых услуг.

Более того, реализация данного инфраструктурного проекта позволит сформировать комплексный туристический продукт во взаимодействии с Сахалинской областью. Посещение туристом горнолыжного комплекса Горный воздух на о. Сахалин, горного курорта Холдоми возле г. Комсомольска-на-Амуре и СТК Хехцир под Хабаровском позволит оценить каждый из названных туристических объектов, их конкурентные преимущества, особенности территории и предоставляемых услуг. Кроме этого, комплексный туристический продукт может содержать и иные виды как туристических, так и сопутствующих услуг.

В совокупности данный туристический продукт может представлять собой анклав крупных инвестиционных проектов одной отраслевой принадлежности, обеспечивающий формирование комплексного туристического продукта.

На основании вышеизложенного сделаны следующие выводы:

1. Ключевыми проблемами развития туристической отрасли в современных условиях являются последствия заградительных мер по противодействию распространения новой коронавирусной инфекции, мер санкционного характера, снижение и перераспределение туристического потока, необходимость адаптации существующего туристического продукта под современные условия функционирования отрасли;

2. Помимо основных мер государственной поддержки и государственного регулирования по реформированию экономики отрасли туризма на работу в условиях ограничительных мер усматривается необходимость продолжения государственного стимулирования развития туристической инфраструктуры, реализации инвестиционных проектов по созданию объектов туристической индустрии;

3. Реализация инвестиционных инфраструктурных проектов в сфере туризма носит не только диверсификационный характер в условиях современных внешнеэкономических вызовов, но и несет в себе отложенный эффект на период стабилизации ситуации на международной арене и последующего ослабления ограничений;

4. Особого внимания в современных условиях функционирования экономики также требуют и относительно небольшие инвестиционные проекты с обеспечивающей инфраструктурой. Такие как глэмпинги с обустройством инженерных сетей и дорожной инфраструктуры, инфраструктуры связи.

Список литературы и источников:

1. Селюков В.Е. О состоянии и перспективах развития событийного туризма в Хабаровском крае // Вестник Хабаровского государственного университета экономики и права. 2016. № 4–5 (84–85).

2. Мирзеханова, З. Г. Основные тенденции развития туризма в Хабаровском крае в условиях мирового кризиса / З. Г. Мирзеханова // Культура и туризм в современном мире: направления и тенденции развития: Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Хабаровск, 18–19 ноября 2010 года / Под редакцией А.С. Брейтмана, В.А. Чернова. – Хабаровск: Дальневосточный государственный университет путей сообщения, 2010. – С. 186-192. – EDN UXEMAY.
3. Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года: Распоряжение Правительства РФ от 13.02.2019 №207-р. URL: <http://static.government.ru/media/files/UVAIqUtT08o60RktoOXl22JjAe7irNxc.pdf> (Дата обращения: 09.11.2022).
4. Листопад М. Е. Развитие въездного туризма как направление обеспечения устойчивого развития туристической отрасли России / М. Е. Листопад, И. С. Щеголькова // Приоритетные научные направления: от теории к практике. – 2016. – № 32-2. – С. 119-123. – EDN WYYKSV.
5. Отчет ЮНВТО за 2017 год [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://tourlib.net/wto/WTO_highlights_2018.pdf.
6. Ханина А.В. Пандемия Covid-19 и санкции: особенности влияния на туристическую отрасль России // Сервис в России и за рубежом. 2021. Т. 15, №. 3 (95).
7. Государственная программа Российской Федерации "Развитие туризма": Постановление Правительства РФ от 24 декабря 2021 г. №2439. URL: <http://static.government.ru/media/acts/files/1202202240025.pdf> (Дата обращения: 09.11.2022).
8. О внесении изменений в статью 11.1 закона хабаровского края "О региональных налогах и налоговых льготах в Хабаровском крае" в части поддержки отраслей экономики в целях обеспечения устойчивого развития Хабаровского края в условиях внешнего санкционного давления: Закон Хабаровского края от 27 апреля 2022 г. № 270. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/2700202204290015/>. (Дата обращения: 09.11.2022).
9. Государственная программа Хабаровского края "Развитие внутреннего и въездного туризма в Хабаровском крае": Постановление Правительства Хабаровского края от 26.06.2012 № 211. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/2700202210250004>. (Дата обращения: 09.11.2022).
10. Правила предоставления из краевого бюджета субсидий юридическим лицам (за исключением государственных (муниципальных) учреждений) на возмещение фактически произведенных затрат, необходимых для реализации новых инвестиционных проектов на территории Хабаровского края:

Постановление Правительства Хабаровского края от 04.10.2022. № 502-пр. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/2700202210070026>. (Дата обращения: 09.11.2022).

СОВРЕМЕННОЕ ВОСПРОИЗВОДСТВО НАСЕЛЕНИЯ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ

*Мотрич Е. Л.,
д-р экон. наук,
ИЭИ ДВО РАН,
г. Хабаровск*

Аннотация. Представлен анализ современной демографической ситуации в Дальневосточном федеральном округе в его современных административных границах. Проанализирована роль естественного и миграционного процессов в динамике населения региона. Сформулированы предложения по привлечению и закреплению населения на Дальнем Востоке.

Ключевые слова: Дальний Восток, регион, рождаемость, смертность, миграция, воспроизводство населения

Современное состояние и тенденции социально-демографических процессов в Дальневосточном федеральном округе обусловлены масштабами естественного и миграционного движения населения, что, в конечном счете, определяют численность населения. Динамика населения в регионе в его современных границах (в конце 2018 г. в ДФО включены Республика Бурятия и Забайкальский край) выглядит следующим образом: на 01.01.2019 г. 8188,6 тыс. чел., на 01.01.2022 г. – 8091,2 тыс. чел. [1; 2].

На Восточном экономическом форуме в 2016 г. Президент страны Владимир Путин подчеркнул, что поставлена амбициозная задача – сделать Дальний Восток одним из центров социально-экономического развития страны [3]. Самый главный показатель – демографическая динамика, и в ближайшие годы, безусловно, необходимо выйти на устойчивый прирост численности населения на Дальнем Востоке. Однако, как показано выше, демографическая ситуация в целом по региону пока не демонстрирует увеличения численности населения. Число жителей за промежуток времени 2019 – 2021 гг. сократилось на 97,4 тыс. чел. (1,2%). В отдельных субъектах Дальнего Востока численность населения уменьшилась еще более заметно. Так, в Еврейской АО за указанный период стало проживать на 3,8% меньше, в Амурской области число жителей уменьшилось на

2,6%; в Магаданской и в Амурской областях уменьшение числа жителей составило соответственно на 2,4% и 2,6%, в Забайкальском и Приморском краях – на 2,1%. Позитивная демографическая ситуация в последние годы отмечена только в Республике Саха (Якутия), где число жителей с 2019 г. и к началу 2022 г. увеличилось на 25,1 тыс. чел. (2,6%) [1; 2].

Характерная черта современной демографической ситуации в регионе – результат сложившихся отрицательных показателей естественного и миграционного процессов, происходящих буквально во всех субъектах Дальнего Востока.

Коэффициент естественного прироста (естественный прирост на 1000 чел. населения) на Дальнем Востоке имеет все возрастающее отрицательное значение. Если в 2019 г. он был -1,1, то в 2021 г. -5,0. Но при этом его отрицательное значение в отдельных субъектах региона значительно выше и достигало в 2021 г. -9,0 в Амурской области, -8,0 в Еврейской АО, -7,8 в Приморском крае, -6,7 в Хабаровском крае и -6,4 в Магаданской области. Между тем следует заметить, что коэффициент естественной убыли в Дальневосточном регионе на протяжении 2019 - 2021 гг. ниже относительно его значения по России в целом, где он был в 2019 г. -2,2; в 2020 г. -4,7; в 2021 г. -7,2. Такая ситуация обусловлена тем, что субъекты Дальнего Востока имеют несколько повышенные показатели коэффициентов рождаемости и пониженные значения коэффициентов смертности. К примеру, коэффициент родившихся в 2021 г. в России в целом был 9,6, а на Дальнем Востоке 10,6; коэффициент смертности соответственно 16,8 и 15,6 [4; 5; 6]. Тем не менее, высокая смертность – очень тревожный показатель, и ее снижение – важнейшая задача общенационального масштаба. Дальневосточный регион должен выйти на уровень устойчивого естественного демографического прироста.

Внимания требует тема увеличения продолжительности жизни населения ДФО. В настоящее время она составляет немногим более 70 лет, это ниже, чем в среднем по России. Субъекты Дальнего Востока по продолжительности жизни занимают в России от 70 до 85 места. Только Приморский край находится практически в середине среди субъектов Российской Федерации, занимая 57 место [7].

Дальний Восток – территория России с самой интенсивной миграцией. Миграционные перемещения населения в регионе относятся к числу наиболее масштабных социально-экономических явлений, от результативности которых зависит решение задачи формирования демографического и трудового потенциала, необходимого для реализации мероприятий по ускоренному развитию производительных сил региона. Однако только за последние три года, то есть с момента функционирования региона в новых административных границах, Дальний Восток в миграционных

процессах потерял 23,7 тыс. чел. Однако в 2021 г. на Дальнем Востоке в целом зарегистрирован положительный результат (+7,4 тыс. чел.) за счет положительного миграционного сальдо, сложившегося в Республике Саха (Якутия), Хабаровском крае и в незначительных размерах на Камчатке, Сахалине и Чукотском АО [2, 5, 8]. Однако, даже перейдя к положительному сальдо, Дальний Восток не может восполнить потери населения, обусловленные отрицательным естественным движением.

В настоящее время миграция населения на Дальний Восток характеризуется большим объемом и отрицательной результативностью. Для российского Дальнего Востока характерны четыре направления миграционных потоков. Внутрорегиональная миграция, достаточно объемная по числу участников (616,3 тыс. чел. в 2021 г.), но она не играет роли для изменения численности населения в целом для округа, оказывает влияние только на динамику населения отдельно взятого субъекта.

Отрицательное миграционное сальдо формируется на Дальнем Востоке преимущественно за счет межрегиональной миграции, которая имеет тенденцию к росту: в 2019 г. миграционный отток этой направленности был -26,1 тыс. чел., в 2021 г. -27,2 тыс. чел. Этот процесс характерен для всех территорий региона, что свидетельствует о том, что Дальний Восток не располагает в достаточной мере благоприятными возможностями для закрепления населения. Если исходить из складывающихся тенденций в области миграции, то вполне очевидно, что Дальний Восток становится все менее привлекательным для привлечения населения из других районов России. Можно повторять многократно истину, что демографическая ситуация в целом по стране ухудшилась, и районы, традиционно перераспределявшие население в пользу Дальнего Востока, не могут выступать более в этой роли, но думается, что дело здесь не только в этом. Представляется, что одну из ведущих ролей здесь играет уровень жизни дальневосточников, неудовлетворенность заработной платой, благоустроенным жильем, то есть тот набор благ и услуг, который формирует комфортные условия для труда и быта.

Миграционный выигрыш в регионе осуществляется преимущественно только за счет положительного сальдо миграции из стран СНГ (31,2 тыс. чел. в 2021 г.) и дальнего зарубежья (3,5 тыс. чел. в 2021 г.) [10].

Перспективное развитие Дальнего Востока, учитывая его геостратегическое положение, безусловно, должно быть ориентировано на достижение ключевого результата – сохранение и рост численности населения. Именно этот аспект предусмотрен в Предложениях в проект «Социального блока» Национальной программы развития Дальнего Востока до 2025 года, ориентированной,

как считают специалисты Востокгосплана, на решение следующих проблем остановить отток постоянного населения Дальнего Востока, снизив миграционное настроение дальневосточников; обеспечить максимальное сохранение численности за счет кардинального снижения смертности от предотвращаемых причин; стимулировать приток населения из европейской части страны на временное и/или постоянное жительство на Дальнем Востоке с ориентацией преимущественно на молодое население и лиц с высоким уровнем образования и квалификации [11].

Учитывая расчетные данные численности населения, следует признать, что демографическая ситуация в Дальневосточном регионе будет оставаться напряженной. Без увеличения результативности миграции и нормализации естественного воспроизводства населения сложно и даже вряд ли возможно успешно решать намеченные задачи по ускоренному социально-экономическому развитию региона.

Список литературы и источников:

1. Население субъектов Российской Федерации. //(Электронный ресурс).URL:<https://ru.wikipedia.org/wiki/> (обращение 12.04.2021 г.).
2. Население регионов России. 2022: численность, крупные регионы России и федеральные округа. //(Электронный ресурс). URL:http://www.statdata.ru/largest_regions_russia/ (обращение 28.07.2022г.)
3. Павлов А. В основе – демография // Аргументы и факты, г. № 36. 7 сентября 2016 г, Приложение «Дальинформ».
4. Социально-экономическое положение России – 2021 г. //(Электронный ресурс).URL:https://gks.ru/bgd/regl/b21_01/Main.htm (обращение 23.09.2022 г.).
5. Численность и миграция населения Российской Федерации в 2019 г. (Электронный ресурс).URL:<https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b20-107/Main.htm> (обращение 21.07.2022 г.).
6. Сведения о числе родившихся, умерших, браков и разводов за январь – декабрь 2021 года. (Электронный ресурс). URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/202-edn12htm> (обращение 21.07.2022 г.).
7. Продолжительность жизни в субъектах Российской Федерации // (Электронный ресурс). URL:<https://ru.wikipedia.org/wiki/> (обращение 03.10.2022 г.).
8. Информация о социально-экономическом положении России. Январь 2021. (Электронный ресурс). URL: <https://rangs.org/analytics/rosstat-informatsiya-o-sotsialno-ekonomicheskom-polozheni> (обращение 20.05.2021 г.).

9. Численность и миграция населения Российской Федерации в 2019 г. (Электронный ресурс). URL: <https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b20-107/Main.htm> (обращение 21.07.2022 г.).

10. Численность и миграция населения Российской Федерации в 2021 г. (Электронный ресурс). URL: <https://rosstat.gov.ru/comperidium/document/13283> (обращение 28.07.2022 г.).

11. Предложения в проект «Социального блока» Национальной программы развития Дальнего Востока до 2025 года /Электронный ресурс. URL: <https://vostokgosplan.ru/wp/work-results/> (обращение 16 мая 2022 г.).

ПРОБЛЕМА ПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ РЕГИОНА С ЭКСТРЕМАЛЬНЫМИ КЛИМАТИЧЕСКИМИ УСЛОВИЯМИ

*Найданова Э. Б.,
канд. экон. наук, доцент
Восточно-Сибирский государственный
университет технологий и управления,
г. Улан-Удэ*

Аннотация. В статье представлены основные выводы по анализу обеспеченности продуктами питания населения, проживающего в экстремальных природных условиях. Результаты исследования показали, что в регионе необходимо усилить интенсивность производства местных аграриев для повышения уровня самообеспеченности.

Ключевые слова: продовольственная обеспеченность, сельское хозяйство, регион, Республика Бурятия

Проблема обеспечения продовольственной безопасности на национальном уровне всегда стоит на первом месте среди прочих вопросов. Ведь от возможности обеспечить внутри страны свое население качественными продуктами питания и в достаточном объеме зависит уровень и качество жизни жителей, здоровье нации.

Сегодня изучение продовольственного обеспечения принимает особенную важность и значимость. Все события, которые происходят на мировой арене, а также их последствия для России несомненно сказались и на поставках многих продуктов питания. В недалеком прошлом (2014 г.) странами Европы и США было объявлено продовольственное эмбарго. Для нашей страны это послужило серьезным уроком, в результате которого был взят курс на

импортозамещение. На протяжении нескольких лет интенсивно происходило наращивание сельскохозяйственного производства в стране [1].

Особенно важно при изучении вопроса продовольственного обеспечения обращать внимание на регионы, природно-климатические условия которых относятся к категории экстремальных и суровых. Так, Республика Бурятия, входящая в состав Дальневосточного федерального округа, относится к регионам с экстремальными природными условиями. Климат в регионе резко-континентальный, что предполагает длительную и морозную зиму, а лето – засушливое и короткое. Именно природно-климатические условия во многом определяют специфику производственной деятельности сельскохозяйственной отрасли. Несомненно, что при суровых климатических условиях тяжелее и затратнее заниматься сельскохозяйственным предпринимательством. Однако при грамотном распределении ресурсов, а также государственной поддержки можно добиться хороших результатов.

Рассматривая тенденции развития сельского хозяйства в республике за последние годы можно отметить значительный рост показателя продукции сельского хозяйства. Например, в 2021 г. по отношению к 2020 г. темп прироста рассматриваемого критерия составил 103,4% [2]. Проанализировав структуру сельхозпроизводства Бурятии, довольно четко можно проследить преобладание животноводческой отрасли над растениеводством. Так, на протяжении последнего десятилетия доля животноводства составляла порядка 60% от всей произведенной сельхозпродукции. Традиционными направлениями в животноводстве региона являются мясное и молочное скотоводство.

Очень большую роль в развитии аграрной сферы в Бурятии играет государственная поддержка. Сегодня активно реализуется Госпрограмма «Развитие агропромышленного комплекса и сельских территорий в Республике Бурятия». В рамках этой программы было решено множество ключевых вопросов, направленных на стимулирование эффективности производства местных агропредпринимателей. Все эти меры поддержки на государственном и муниципальном уровнях всецело предназначены для увеличения объемов производства базовой сельскохозяйственной продукции в регионе, а в конечном итоге – на обеспечение продовольственной безопасности на национальном уровне.

Для определения уровня продовольственной обеспеченности населения продуктами питания используются различные методики, которые определяются путем соотношения установленных норм потребления и объемов потребления основных категорий продуктов.

Одним из базовых способов оценки уровня обеспеченности продовольствием считается определение соответствия между производством и потреблением. Согласно официальным данным в Бурятии на протяжении 2019-2021 гг. объемы потребления таких продуктов как картофель, овощи, мясо и молоко превышают объемы производства на территории региона. Недостающую потребность население вынуждено покрывать посредством привезенной продукции из соседних регионов – Иркутская область, Забайкальский край, Красноярский край, Новосибирская область и другие.

Довольно живой интерес вызывает сопоставление потребляемых объемов некоторых видов продовольствия с установленными Минздравом РФ нормами [3]. Исследование было проведено также на базе трехлетнего периода 2019-2021 гг. Согласно полученным результатам, можно констатировать, что овощи, молоко и мясо жители региона потребляют меньше, чем установлено в приказе Министерства здравоохранения России. Так, в 2019 г. потребление мяса составило 63 кг/год, а норма потребления равна 70-75 кг/год; по молочной продукции – 195 кг/год, а норма потребления – 320-340 кг/год; овощи – 64 кг/год, а нормы потребления – 120-140 кг/год. В 2020-2021 гг. соотношение норм и объемов потребления аналогично. Также недостаточное потребление населением таких продуктов как молоко, мясо и овощи.

Эти данные свидетельствуют о недостаточном употреблении жителями региона необходимых продуктов питания. Ведь в условиях сурового климата с морозной зимой недостаток белковосодержащих продуктов приводит к снижению иммунитета, ослаблению организма в целом. Данная тенденция формировалась на протяжении многих лет. Несмотря на генетические особенности местного населения, связанные с необходимостью ежедневного потребления мясо-молочной продукции, жители Бурятии недополучают белки и жиры в своем ежедневном рационе питания.

В большинстве случаев такая ситуация связана с уровнем доходов населения в регионе и ценовым критерием на перечисленные продукты. При этом стоит отметить, что одним из важных показателей в процессе исследования продовольственной обеспеченности выступает экономическая доступность продуктов питания. По официальным данным в республике малообеспеченные слои населения большую часть своих доходов тратят на продукты питания [2]. И здесь фиксируется небольшая доля мясо-молочной продукции в потребительской корзине данной категории жителей, что отражается на культуре питания и впоследствии недопотреблении перечисленных продуктов питания.

Таким образом, в Бурятии есть определенные проблемы, связанные с несоответствием между нормами и объемом потребления

основных видов продуктов питания. Такая ситуация обусловлена во многом суровыми природными условиями, которые определяют структуру производства сельскохозяйственной отрасли.

Список литературы и источников:

1. Найданова Э.Б. Методологические подходы к определению продовольственной безопасности как генеральной цели аграрной политики // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 1; URL: <http://www.science-education.ru/121-18641>. (дата обращения 20.10.2022).

2. Приказ Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 02.08.2010 г. № 593н

3. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. [Электронный ресурс]. URL: <http://burstat.gks.ru> (дата обращения 20.10.2022).

ВЛИЯНИЕ ПАНДЕМИИ COVID-19 НА ПАРАМЕТРЫ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ В РЕГИОНАХ ДФО

*Найден С. Н.,
д-р экон. наук, профессор РАН,
Бравок П. С.,
ИЭИ ДВО РАН*

Аннотация. В статье рассмотрены тенденции в сфере образования, сформировавшиеся в условиях пандемии новой коронавирусной инфекции COVID-19, в регионах Дальневосточного федерального округа. Представлена динамика основных показателей в сфере образования в разрезе субъектов ДФО. Описаны проблемы дистанционного обучения, спровоцированные ограничительными мерами во время самоизоляции. Проанализировано влияние пандемии на процесс обучения в школах и университетах.

Ключевые слова: образование, пандемия, COVID-19, Дальний Восток

Пандемия COVID-19, сыгравшая роль внешнего шока по отношению ко всем, без исключения, сферам экономической и общественной жизни, спровоцировала, в том числе, значительные изменения в такой важной отрасли формирования и развития человеческого капитала как образование. Несмотря на многолетние

преобразования в этой сфере⁵¹, включающие внедрение инновационных технологий, как в сам процесс обучения, так и в материально-техническое обеспечение последнего, многие образовательные учреждения оказались не готовы к форс-мажорной перестройке традиционных систем преподавания, включая цифровой «марш-бросок» при переходе в короткие сроки на дистанционную форму обучения, когда потребовалось фактически с нуля выстраивать работу в новых условиях⁵². Особенно это проявилось в регионах Дальневосточного федерального округа (ДФО), где «характер пространственного распределения экономических и социальных ресурсов, а также сложившийся уровень дифференциации человеческого капитала и параметров социального развития даже в допандемийный период демонстрировали разнонаправленные вектора развития и нестабильные отклики на инвестиционные и институциональные преобразования» [2; 8]. Наряду с общими проблемами, которые выявил коронавирусный кризис, наиболее острыми для населения стали быстрый рост уровня зарегистрированной безработицы, снижение доходов населения и проблемы в сфере здравоохранения. [1; 5]

Для дальневосточной системы образования, функционирующего в условиях значительного числа объективных ограничений [3], испытание пандемией оказалось достаточно серьезным. И это несмотря на перманентно продолжающиеся демографические и миграционные изменения в контингенте обучающихся, когда за 2019-2021 гг. численность школьников на территории ДФО увеличилось всего на 1,6% при общероссийском росте на 4,5%, а прирост численности студентов среднего и высшего образования составил 0,4% при среднем по стране 4,0%⁵³. Тем не менее, даже при незначительном приросте контингента обучающихся численность занятых в сфере образования в целом по Дальнему Востоку к концу 2021 г. сократилась на 3,4% по сравнению с 2019 г. И если в Республике Бурятия рост количества занятых в отрасли составил 13,6% за два года, а в Республике Саха (Якутия) и Чукотском автономном округе – практически не изменился, то в Приморском и Забайкальском краях, где сконцентрировано 36% от общей численности населения макрорегиона, наоборот, было

---

⁵¹ Например, в рамках национального проекта «Образование», утвержденного президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам 24 декабря 2018 г. на основании Указа Президента РФ «О национальных целях и стратегических задачах развития РФ на период до 2024 года» и постановления Правительства РФ от 31 октября 2018 г. № 1288

⁵²Трудности на дистанции// Коммерсантъ. 28.03.2020. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4307297>

⁵³ Социально-экономическое положение Дальневосточного федерального округа в 2021 г. // ФСГС. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b20_20/Main.htm

зафиксировано сокращение педагогов на 18,0% и 8,3% соответственно. Основной причиной распространяющегося дефицита учителей и преподавателей, как правило, становится отток квалифицированных кадров с территорий, особенно расположенных в удаленных и труднодоступных поселениях, где уровень жизни и, главное, условия реализации своих профессиональных навыков, остаются крайне низкими. Несмотря на ввод в действие только за последние 10 лет общеобразовательных школ на более чем 55 тыс. ученических мест, в 9 из 11 субъектов Дальнего Востока доля учащихся во вторую и третью смену (за исключением Хабаровского края и Чукотского АО) превышает среднероссийский показатель (15,4%), а именно: в Республике Бурятия (30,6%), в Амурской области (26,1%), Приморском крае и Еврейской автономной области (по 20,8%), Камчатском крае (19,7%), Республике Саха (Якутия) (19,4%), Магаданской области (18,2%), Сахалинской области (17,3%)⁵⁴. А ведь «повышение качества кадрового обеспечения, привлечение в систему образования молодежи зависит, в том числе, от решения инфраструктурных проблем (в частности, ликвидации второй и третьей смен в общеобразовательных организациях), цифровизации школ и организаций дополнительного образования» [6, с.5-6].

Другой причиной сохраняющегося дефицита педагогических кадров на Дальнем Востоке остается низкий уровень оплаты труда⁵⁵. По данным Росстата среднемесячная номинальная заработная плата работников сферы образования за период 2019-2021 гг. выросла на 16% (с 44,4 до 51,6 тыс. руб.), в то время как среднемесячная начисленная заработная плата в целом по экономике макрорегиона за тот же период увеличилась на 17,1%, достигнув к 2021 г. 65,6 тыс. руб., что на 27% выше, чем в сфере образования, но не наоборот, как было объявлено в майских указах главы государства в 2012 г., в соответствии с которыми в среднем работники бюджетной сферы должны получать не менее двух средних зарплат, установленных в регионе⁵⁶. В региональном разрезе соотношение заработной платы работников образования к средней оплате труда по экономике варьирует от 86,1% в Приморском

---

⁵⁴ Регионы России. Социально-экономические показатели - 2021 г. – М., Росстат, 2022 г. https://gks.ru/bgd/regl/b21_14p/Main.htm

⁵⁵ Дальневосточные учителя уходят из профессии из-за низкой зарплаты // Восток. 07 октября 2022 г. <https://vostok.today/43166-dalnevostochnye-uchitelja-uhodjat-iz-professii-iz-za-nizkoj-zarplaty.html>; Порядка тысячи педагогов не хватает в школах Приморья // Интерфакс. 20 октября 2022 г. <https://www.interfax-russia.ru/far-east/news/poryadka-tysyachi-pedagogov-ne-hvataet-v-shkolah-primorya#:~:text=Интерфакс%20-%20Дальний%20Восток%20-%20годы%20в%20четверг%20во%20Владивостоке>

⁵⁶ Счетная палата считает, что исполнение майских указов нужно изучить по каждому бюджетнику // ТАСС. 15 февраля 2021. URL: <https://tass.ru/ekonomika/10703891>

крае до 69,3% в Забайкальском крае. Как результат, снижение привлекательности труда педагога и вымывание педагогических кадров либо из образовательной сферы в другие, более высокооплачиваемые отрасли экономики, либо – из макрорегиона, пополняя миграционный отток населения.

Для контингента обучающихся в системе высшего образования особо острым остается вопрос повышения цен на услуги, которые продолжают расти, как минимум, в пределах инфляции. При сохранении общей тенденции к концу 2021 г. по сравнению с 2019 г. значительно выросли цены на образовательные услуги в Магаданской области (на 10,7 п.п.), Забайкальском крае (на 10,4 п.п.), Республике Бурятия (на 10,1 п.п.), на что повлияло, в том числе, повышение стоимости подготовки студентов на бюджетной основе, за которым, как правило, следует рост стоимости обучения «по договору».⁵⁷

Введение карантинных мер и переход образовательных учреждений на систему дистанционного обучения, спровоцировали дополнительные трудности. Во-первых, проявилась неравномерность обеспеченности учащихся оборудованием для дистанционного обучения. Несмотря на наличие в среднестатистической семье хотя бы одного компьютера, этого оказалось совершенно недостаточно при полной востребованности всех членов семьи, вынужденных и работать, и учиться удаленно. При этом резкий рост спроса на фоне самоизоляции, с одной стороны, спровоцировал дефицит соответствующих товаров, а, с другой, способствовал росту цен на персональные компьютеры (+1,2%) и электротовары (+1%) [7].

Во-вторых, значительная часть учителей и преподавателей оказалась технически не готова к резкому переходу на удаленный формат работы. По опросам учителей в Республике Саха (Якутия) каждый четвертый учитель не имел доступа к техническим средствам для дистанционной работы, а в Забайкальском крае уровень технического оснащения педагогов и теперь остается одним из самых низких в стране (доля учителей, не имеющих технического оборудования для проведения видеоконференций, составила 45%) [4].

В-третьих, чрезмерная физическая и психологическая нагрузка на преподавателей и обучающихся, вызванная необходимостью поддерживать коммуникацию через социальные сети и мессенджеры, сказалась на психологическом состоянии педагогических кадров. Напряженные условия сказывались на эмоциональном состоянии как учителей, так и учеников и, как следствие, на усвоении учебного материала.

---

⁵⁷ Высшее образование подорожало почти на 20% // Образование в России. 01 июля 2019 г. <https://russiaedu.ru/news/vysshee-obrazovanie-podorozhalo-pochti-na-20>

В-четвертых, учебные программы с преобладанием практического обучения не укладывались в формат дистанционного освоения, что потребовало в оперативном порядке перехода на смешанные форматы обучения, когда часть занятий проводится очно, а другая – онлайн.

В-пятых, на Дальнем Востоке качество интернет-соединения медленнее, чем в центральных и западных регионах⁵⁸. До сих пор не во всех населённых пунктах макрорегиона доступно стабильное подключение, не говоря уже о переходе на более современные технологии передачи мобильного интернет-трафика. На фоне высокой нагрузки во время пандемии возникли массовые и масштабные перегрузки серверов, что вызвало перебои в работе учебных сервисов и площадок.

Таким образом, образовательная система оказалась не готова к экстренному переходу на удаленный режим. «В современном быстро меняющемся и непредсказуемом мире система образования вынуждена реагировать оперативно, проявляя гибкость и адаптивность для сохранения собственной устойчивости и эффективности. В 2020–2021 гг. ключевым вызовом для школьного образования стала пандемия COVID-19, вследствие которой усилилось образовательное неравенство, снизились образовательные результаты, отчетливо обозначился кризис традиционной дидактики, проявились компетентностные дефициты педагогических и управленческих кадров» [6, с. 5].

Тем не менее, пандемия COVID-19 принесла не только ограничения, но и открыла новые возможности. Во время самоизоляции, когда происходили трансформации на рынке труда, и часть населения оказалась без работы или в вынужденном простое, вырос интерес к профессиональному переобучению и повышению квалификации, что способствовало расширению сферы дополнительного образования. Протестированные учебные сервисы и занятия в онлайн продолжают успешно совмещаться с привычным очным обучением уже после снятия карантинных мер. Логично предположить, что приобретенный опыт и выявленные узкие места в

---

⁵⁸ По данным Росстата доля образовательных организаций, реализующих программы общего образования, обеспеченных Интернет-соединением со скоростью соединения не менее 100 Мб/с - для образовательных организаций, расположенных в городах, 50 Мб/с - для образовательных организаций, расположенных в сельской местности и поселках городского типа, а также гарантированным Интернет-трафиком, в целом по стране в канун начала пандемии COVID-19 достигло 65%, увеличившись до 73,2% к 2020 г. в результате активных действий со стороны государства по переводу школ на дистанционные формы обучения в условиях карантина и самоизоляции (<https://www.fedstat.ru/indicator/60912>)

системе образования требуют разработки дополнительных сценариев по максимизации положительных кейсов и минимизации негативных последствий, во всяком случае, это является необходимым при сохранении целей, обозначенных в национальных стратегических и программных документах, направленных на формирование высококачественного человеческого капитала и ускоренное развитие Дальнего Востока.

Список литературы и источников:

1. Зубаревич Н. В., Сафронов С. Г. Регионы России в острой фазе коронавирусного кризиса: отличия от предыдущих экономических кризисов 2000-х // Региональные исследования. 2020. № 2 (68). С. 4-17.
2. Найден С. Н. Реализация государственной политики на Дальнем Востоке // Власть и управление на Востоке России. 2020. № 4 (93). С. 24-36.
3. Найден С. Н., Грицко М. А., Буревая Н. С. Развитие социальной инфраструктуры как условие роста человеческого капитала // Власть и управление на Востоке России. 2020. № 2 (91). С. 16–29.
4. Проблемы перехода на дистанционное обучение в Российской Федерации глазами учителей / Д. И. Сапрыкина, А. А. Волохович; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Институт образования. М.: НИУ ВШЭ, 2020. 32 с.
5. Чекмарев О. П., Лукичев П. М., Конев П. А. Факторы изменений рынка труда России под влиянием пандемии COVID-19 и стратегии адаптации работодателей // Экономика труда. 2021. Том 8. № 4. С. 329-340.
6. Школьное образование в контексте национальных целей и приоритетных проектов : аналитический доклад / Т. А. Мерцалова, С. Г. Косарецкий, К. М. Анчиков и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2022. 96 с.
7. Экономические и социальные последствия коронавируса в России и в мире // Аналитический бюллетень НИУ ВШЭ. 2020. №3. 148 с.
8. Minakir P.A., Naiden S.N. Social Dynamics in the Russian Far East: Failure of the Institutional Paradigm // Regional Research of Russia. 2021. Vol. 11. No. 2, pp.139-150.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ: ПРОБЛЕМА ПОСТАНОВКИ ЗАДАЧ

*Полчка Н. П.,
д-р пед. наук, канд. физ.-мат. наук,
Дальневосточный центр местного самоуправления,
г. Хабаровск*

Аннотация. Для эффективного решения задач государственного управления необходимо четкое и однозначное понимание условий задачи как заказчиком, так и её исполнителями. Следует признать, что в практике постановки задач органами власти всех уровней эти требования зачастую не исполняются, что создаёт большие проблемы с решением данных задач в части их результативности и эффективности. В работе приводится конкретный пример такой задачи, которая поставлена в поручении Президента РФ.

Ключевые слова: государственное управление, постановка задач, юридико-лингвистические неопределённости.

В математике есть поговорка «Хорошо поставленная задача - решённая задача», которая применима в любой области знаний. Для «хорошей постановки задач» целесообразно пользоваться тезисом Р. Декарта «Уточняйте понятия и вы избавите мир от заблуждений». «Уточнения понятий» в задачах государственного управления осуществляется с помощью поиска в законодательстве соответствующих нормативных определений. Но когда в формулировках задач используются понятия, у которых нет определений в законодательстве, тогда необходимо запрашивать информацию у заказчика задачи, потому что «тот кто платит, тот и музыку заказывает». В этом случае заказчик, дабы исключить ситуацию «сделай то, не знаю что», либо должен дать своё определение понятий, либо предоставить право исполнителю сформулировать собственное определение. Только после этого можно приступить к решению поставленной задачи.

Однако, как показывает практика, для некоторых задач государственного управления, содержащих понятия не имеющих определений в российском законодательстве, найти заказчика непросто, а решать задачу надо. Покажем это на конкретном примере.

По итогам пленарного заседания Восточного экономического форума-2021 сформулировано поручение Президента РФ⁵⁹:

---

⁵⁹ <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/66958>

4. Правительству РФ совместно с органами исполнительной власти субъектов РФ, входящих в состав ДФО, при участии глав муниципальных образований, заинтересованных организаций и представителей общественности в целях улучшения условий проживания граждан, повышения доступности социальных услуг и создания возможностей для самореализации граждан обеспечить:

а) разработку **планов развития городов**, являющихся административными центрами субъектов РФ, входящих в состав ДФО, городов с населением свыше 50 тыс. человек, расположенных на территории ДФО, а также г. Тынды и г. Северобайкальска, отразив в указанных планах приоритетные направления развития этих городов, а также отрасли экономики, в которых преимущественно будут создаваться рабочие места и которые будут обеспечивать спрос за пределами этих городов на производимые в них товары и оказываемые услуги.

Срок – 1 августа 2022 г.;

б) подготовку **мастер-планов развития городов**, определенных в подпункте «а» настоящего пункта, в целях реализации стратегий их развития, а также рассмотрение и утверждение отдельных мастер-планов на Восточном экономическом форуме в 2022 году.

Доклад – до 1 января 2022 г., далее – один раз в полгода.

Для «хорошей постановки задачи» нужны определения понятий «план развития города» и «мастер-план развития города», но в российском законодательстве их нет.

Заметим, что попытки расшифровать словосочетания «план развития города» и «мастер-план развития городов» в 2022 году неоднократно предпринимались экспертами, в том числе

- на Гайдаровском форуме «Россия и мир: приоритеты» в Москве 14 января 2022 г. в рамках сессии «Агрегация мирового и российского опыта мастер-планирования: от слов к практике»⁶⁰;

- на Восточном экономическом форуме во Владивостоке 6 сентября 2022 г. в рамках сессии «Новая жизнь дальневосточных городов: стратегии развития»⁶¹;

- на Форуме стратегов в Санкт-Петербурге 1 ноября 2022 г. в рамках панельной дискуссии «Перспективы территориального планирования в России»⁶².

⁶⁰ <https://www.youtube.com/watch?v=g0fkh-73g3w>

⁶¹ <https://roscongress.org/sessions/eef-2022-novaya-zhizn-dalnevostochnykh-gorodov-strategii-razvitiya/translation/>

⁶² <https://www.youtube.com/watch?v=ves6e-eGBho&t=106s>

Но пока всё безрезультатно: однозначного понимания понятий «план развития города» и «мастер-план развития города» нет.

Несмотря на описанную выше проблему, разработка мастер-планов двух десятков дальневосточных городов продолжается.

Список литературы и источников:

1. Президент утвердил перечень поручений по итогам пленарного заседания Восточного экономического форума 3 сентября 2021 года. <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/66958>

К ИССЛЕДОВАНИЮ РЕГИОНАЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО ПОВЕДЕНИЯ

*Ранаквургина Е. А.,
ИЭИ ДВО РАН,
г. Хабаровск*

Аннотация. Статья посвящена изучению поведения населения в сфере потребления как фактора, влияющего на экономическое развитие, в т.ч. на реализацию программ для регионов Дальнего Востока России. Рассмотрены методические подходы, используемые при исследовании потребительского поведения населения. Предложено применение синтеза сложившихся методик, который позволит осуществить более достоверный мониторинг исследуемых процессов и на этой основе сформировать мероприятия по решению проблем социально-экономического развития региона.

Ключевые слова: Дальний Восток, социально-экономическое развитие региона, потребительское поведение населения

Для реализации проектов развития Дальнего Востока большое значение имеет не только формирование в регионе необходимого количества и состава населения, но и учет специфики его потребительского и финансового поведения. Оно в значительной степени определяет уровень и темпы развития, как материального производства, так и сферы предоставления услуг.

Поведение населения в сфере потребления рассматривается как явление, связанное с удовлетворением потребностей, характеризующее действия потребителей и их образ жизни.

При рассмотрении поведения населения в сфере потребления исследуется деятельность населения по отношению к предлагаемым на рынке товарам и услугам. Поведение домохозяйств в области покупки товара (услуги) подчиняется интересам домохозяйств, имеет

свои причины и мотивы. Потребительское поведение можно охарактеризовать структурой и объемами потребления благ, то есть структурой расходов населения, частотой покупок различных товаров и т.п.

Потребительское поведение населения зависит от множества факторов [1, с. 49]. Однако не следует рассматривать данное явление только в контексте потребления, поскольку не только потребление влияет на формирование интереса человека, который выступает «внутренней побудительной силой деятельности субъекта» [2, с. 28]. Также одним из важных факторов потребительского поведения населения является тот объем ресурсов, который население направляет на удовлетворение своих потребностей. В данном случае мы можем говорить о неотделимости потребительского и финансового поведения населения.

В российской экономической науке большой вклад в изучение вопросов потребительского поведения внесли Н.М. Римащевская, А.А. Овсянников, И.И. Петтай. Множество факторов, оказывающих влияние на поведение населения в сфере потребления, широко представлены и изучены в работах С.А. Айвазяна. Автором были предложены методы эмпирического выявления типов потребительского поведения и определены основные типобразующие социально-демографические и территориальные признаки [3]. Им была также разработана методология измерения синтетических категорий качества и образа жизни населения [4].

Поведение населения в сфере потребления имеет свои региональные особенности. Величина доходов, потребности и условия их удовлетворения различаются. У потребителей не совпадают требования к товарам, покупательский потенциал, потребление различается по уровню интенсивности. Идентификация направленности и результативности поведенческих процессов в регионе относится к сложным междисциплинарным задачам, поскольку включает экономические, социальные, психологические аспекты.

Территория РФ расположена более чем на семнадцати миллионах квадратных километров, где регионы отличаются по природно-климатическим условиям, степени развития инфраструктуры, уровню предложения товаров и услуг. В силу этого жители имеют различные потребности в типах одежды, бытовой технике, продуктах различной калорийности, транспортных услугах и прочем. В удовлетворении своих потребностей население сталкивается с тем, что для одних регионов товар может быть доступен, а для других регионов этот же товар труднодоступен, в силу его отсутствия на региональном рынке либо из-за высокой стоимости товара.

Потребности выступают центральным моментом в поведении. Они показывают тот необходимый уровень потребления, связанный с условиями жизнедеятельности и труда населения.

Существует два основных подхода к оценке потребностей населения: нормативный и поведенческий.

Суть нормативного подхода заключается в создании предварительной концепции потребления людей, основанной на данных о гигиене, физиологии, психологии и других науках. Практически данный подход был реализован в формировании нормативных потребительских бюджетов.

Но данный подход имеет ряд недостатков. Потребности человека основаны не только на его потребностях как биологического вида, но и зависят от социально-демографических факторов. Как социальное существо человек имеет потребности, которые связаны между собой и подвержены социальному влиянию. Общий объем потребностей нельзя определить как сумму отдельных компонент [2, с. 23]. Кроме того, набор показателей, используемых при конструировании модели потребительского бюджета, имеет свои ограничения в рамках официальной статистики.

Среди недостатков можно выделить также то, что потребности рассматриваются в контексте их принадлежности индивиду независимо от региона, в то время как они формируются в семье и имеют свои региональные особенности.

Преимуществом нормативного подхода является конструирование потребительских нормативов. Такая модель рассматривается как пример для подражания, и можно предполагать, что потребление будет протекать с соблюдением этого норматива.

Альтернативным подходом к оценке потребностей населения является поведенческий. Он основан на системном рассмотрении структуры потребления и потребностей. Обязательным условием поведенческого подхода является учет дифференциации домохозяйств в сфере потребления. Поведенческий подход базируется на нескольких исходных условиях. В его рамках учитываются реальные потребности и определено, что фактически существующая система потребления есть стремление домохозяйств сделать систему потребления более целесообразной и оптимизировать удовлетворение своих интересов. Множество потребителей распадается на условные группы, характеризующиеся определенным набором социально-демографических характеристик, при этом каждой группе присуща достаточно однородная структура потребления.

Структура потребителей строится в зависимости от социально-демографических характеристик. Изменение параметров ведет за собой изменение структуры потребителей, а значит и структуры потребления [2, с. 38].

Поведенческий подход исследует реальное поведение населения. Учитывает, что в условиях дифференциации населения развитие и удовлетворение запросов у отдельных групп семей находится на разном уровне. Преимущество данного подхода в том, что оно учитывает более широкий спектр факторов, оказывающих влияние на потребительское поведение населения.

Большое значение имеет финансовая составляющая потребительского поведения населения. Исходя из предпосылок нормативного подхода, мы имеем набор товаров и их стоимостное выражение, в этом случае сумма денежных средств, направляемая населением на накопления, будет определяться как разница между полученным доходом и стоимостным выражением набора товаров. В рамках поведенческого подхода сумма накоплений будет определяться аналогичным образом. Стоимостное выражение набора товаров будет иметь различия со стоимостным набором товаров, сформированным в контексте нормативного подхода. Следовательно, сумма денежных средств, направленная на накопления, также будет отличной от суммы накоплений, определенной в условиях нормативного подхода.

По нашему мнению, исследовательский алгоритм следует сформировать на основе синтеза нормативного и поведенческого подходов к изучению потребительского поведения населения регионов.

Как было сказано выше, нормативный метод основан на некой модели, характеризующей уровень и структуру потребления. При формировании этой модели используется ограниченный круг показателей, не учитывающих внутренних механизмов формирования потребностей, региональных особенностей. При включении в модель нормативного бюджета дополнительных факторов, принятия во внимание региональных особенностей, возможно формирование новой модели, более емко описывающей потребительское поведение населения.

Например, показателем, который характеризует уровень и структуру потребления человека или семьи, является показатель минимальной потребительской корзины, предполагающий равное потребление для всех регионов РФ определенных продовольственных и непродовольственных товаров. Имея в виду особенности того или иного региона, можно наполнять потребительскую корзину товарами, потребление которых типично для рассматриваемого региона.

Гибкость поведенческого подхода может позволить формировать мероприятия по улучшению социально-экономической политики для групп регионов. Для этого необходимо выделить ряд факторов, влияющих на потребительское поведение населения. По результатам анализа поведения населения в сфере потребления производится

группировка регионов и для них выстраиваются мероприятия по решению социально-экономических проблем.

Также возможно формирование оптимального потребительского бюджета, который будет основан на конструировании бюджетов для разных условий и уровней потребления, они могут быть рассчитаны для семей с различным уровнем дохода, проживающих в различных регионах страны, имеющих разное количество детей и социальный статус. В таком случае возникает возможность корректировки реальных потребностей населения.

Синтетический подход к изучению потребительского поведения учитывает как специфические моменты в формировании потребностей и их удовлетворения в зависимости от социально-экономических условий, так и то, что управление этими процессами возможно путем целенаправленного изменения социально-экономических условий труда и быта семей различных групп.

При аккумулировании достоинств нормативного и поведенческого подходов и учете их методических недостатков возможно формулирование более достоверных оценок, учитывающих многогранность и сложность процесса потребительского поведения населения. Использование модели, полученной с помощью синтетического подхода, позволит выявить ряд дифференцированных показателей, привязанных к определенным регионам. Что в свою очередь, даст возможность сформулировать управленческие решения для выявленных групп регионов, позволяющие решить задачи социально-экономического развития Дальнего Востока.

Список литературы и источников:

1. Айвазян С. А., Степанов В. С., Козлова М. И. Измерение синтетических категорий качества жизни населения региона и выявление ключевых направлений совершенствования социально-экономической политики (на примере Самарской области и ее муниципальных образований) // Прикладная эконометрия. 2006. №2. С. 18-84.
2. Овсянников А. А., Петтай И. И., Римашевская Н. М. Типология потребительского поведения. М. : Наука, 1988. 239 с.
3. Айвазян С. А., Кругляк М. В. Типология потребительского поведения российских домашних хозяйств (методология исследования, информационное обеспечение, экспериментальная апробация): препринт. М.: ЦЭМИ РАН, 2010. 75с.
4. Айвазян С. А. К методологии измерения синтетических категорий качества жизни населения // Экономика и математические методы. 2003. Т. 39. №2. С. 33-53.

ИССЛЕДОВАНИЕ ЧИСЛЕННОСТИ И СОСТАВА НАСЕЛЕНИЯ ХАБАРОВСКОГО КРАЯ С ПОМОЩЬЮ НЕЙРОННЫХ СЕТЕЙ

*Толкачева Е. В.,
канд. соц. наук, доцент,
Дальневосточный институт управления – филиал РАНХиГС,
г. Хабаровск*

Аннотация. Статья посвящена вопросам применения искусственных нейронных сетей при прогнозировании показателей численности и состава населения Хабаровского края и других регионов Дальневосточного федерального округа. Автор характеризует возможности машинного обучения нейронных сетей при прогнозировании численности и состава населения вне зависимости от региона. Это в свою очередь дает возможности проводить сравнительный анализ регионов, входящих в состав одного федерального округа.

Ключевые слова: численность населения, состав населения, многослойный перцептрон, регрессионный анализ, искусственные нейронные сети

Успешное социальное развитие Дальневосточного федерального округа сопряжено с применением научно-обоснованных и практически апробированных методов прогнозирования и оценки управленческих решений. Поддержка принятия решений в данном случае может быть реализована на основе методов общей и математической статистики. При этом специфика каждого административно-территориального образования влияет на содержание используемых в конкретном регионе прогностических моделей, что затрудняет их тиражирование и применение на территории других регионов.

Существенным недостатком используемых на практике алгоритмов прогнозирования может выступать недостаточность их автоматизации, что затрудняет уточнение прогнозных моделей в ситуациях социальной и экономической турбулентности.

В качестве методов, способствующих большей автоматизации процессов прогнозирования различных показателей социального развития регионов, можно рассматривать искусственные нейронные сети. Использование искусственных нейронных сетей предоставляет возможности прогнозирования на основе моделей с большим числом независимых факторов, состав которых может изменяться вслед за изменяющимися социальными, экономическими или политическими условиями. «Данная особенность связана с тем, что нейронные сети могут аппроксимировать любую непрерывную функцию, автоматически

анализируют чувствительность влияния входных параметров на результат, устойчивы к шуму в исходных данных» [1, с. 107].

Существующие научные разработки в области применения нейронных сетей для прогнозирования показателей развития регионов описывают модели нейронных сетей, машинное обучение которых было реализовано на данных одного региона, либо на основе данных, представленных по всем регионам Российской Федерации, но за один год.

Применение искусственных нейронных сетей для целей прогнозирования социальных показателей развития Хабаровского края, в том числе численности и состава населения, напрямую связано с решением ряда организационных и методологических проблем. В качестве организационных проблем можно обозначить несоответствие цифровых компетенций специалистов-пользователей, а также экспертов, непосредственно занимающихся прогнозированием социальных показателей, достигнутому в настоящее время уровню развития интеллектуальных информационных технологий. В данном случае речь идет об умении определять состав показателей нейросетевых прогностических моделей, подготавливать входные и выходные данные для машинного обучения, а также интерпретировать результаты машинного обучения, отбирать качественные модели нейронных сетей и в дальнейшем использовать их для прогнозирования.

В ходе проектирования нейронных сетей для целей прогнозирования численности и состава населения Хабаровского края решается ряд вопросов. Это вопросы формирования базы данных, потоков и способов поступления данных, выбора методов накопления, хранения, обновления и поиска данных, образующих информационный фонд. Важным при этом является вопрос об объемах данных, необходимых для успешного обучения нейронной сети. На объем данных влияет сложность поставленной перед нейронной сетью задачи и сложность обучающего алгоритма. Учитывая, что в машинном обучении изучается функция сопоставления входных данных с выходными, объем данных должен быть достаточным для верного понимания взаимосвязей, существующих как между функциями ввода, так и между функциями ввода и вывода.

Приведем результаты машинного обучения нейронной сети для решения задачи регрессии по показателю «численность населения» в Хабаровском крае. Для построения базовой модели объекта прогнозного исследования использовались данные сборника «Регионы России. Социально-экономические показатели» Федеральной службы государственной статистики [5].

Построенная модель нейронной сети представлена данными о численности населения в 45 субъектах Российской Федерации Центрального, Северо-Западного, Южного и Северо-Кавказского

федеральных округов за период с 2010 по 2018 гг. Машинное обучение с учителем было направлено на решение нейронной сетью задачи регрессии. При этом на вход подавались значения по численности населения, представленных массивом 45x8 (данные о численности населения по 45 регионам за 2010 – 2017 гг.), на выход – значения о численности населения по 45 регионам соответственно за 2018 год. Нейронная сеть моделировалась в программе Statistica. Всего обучалось 150 нейронных сетей, в результате было отобрано 5. Разбиение каждой из выборок данных на подвыборки для последующего обучения, тестирования и валидации устанавливалось соответственно в пределах 75%, 15% и 10% массива данных выборки.

Наиболее точная из полученных модель представлена многослойным перцептроном MLP 8-7-1, а также часто используемой активационной функцией – гиперболический тангенс.

Соответственно, для обучения нейронной сети использовался массив данных, представленный 360 значениями однородных показателей. Данные, на которых обучалась нейронная сеть, представлены только четырьмя федеральными округами Российской Федерации. Тем не менее, созданная нейронная сеть позволила с точностью до 2% спрогнозировать численность населения на 2019 год, с точностью до 3% – на 2020 год в регионах, не включенных ни в обучающую, ни в тестовую выборки. При этом следует учитывать, что на фактические значения численности населения в 2020 году оказала влияние в том числе и пандемия коронавирусной инфекции, которая как фактор не учитывалась в обучающей выборке за 2010–2017 гг.

Решенная задача регрессионного анализа не содержит дополнительных факторов, оказывающих влияние на рассчитываемое значение показателя. Также используемые для обучения данные содержали пропущенные значения о численности населения в г. Севастополь и Республике Крым за 2010 – 2013 годы. Все объекты, отобранные в выборку, характеризовались однородностью и были представлены регионами нескольких федеральных округов Российской Федерации. Полученная модель нейронной сети позволила с высокой точностью прогнозировать численность населения в краткосрочной перспективе в любом регионе Дальневосточного федерального округа, в том числе Хабаровском крае. Рассмотренная модель нейронной сети может проходить машинное обучение по любым показателям численности и состава населения и использоваться в дальнейшем для прогнозирования их значений.

Недостатки машинного обучения на малых выборках, как правило, сводятся к наличию высоких рисков переобучения. В рассматриваемом нами ранее примере данная проблема не была выявлена. В то же время необходимо указать достоинства нейронных сетей в прогнозировании. В первую очередь, они связаны с

возможностями оперативной коррекции прогнозируемых значений в условиях турбулентности и отсутствия полноты данных.

Таким образом, применение нейронных сетей, позволит осуществлять многофакторный анализ и прогнозирование численности и состава населения с учетом большого количества данных, в том числе неполных. Построение предложенной модели нейронной сети позволит прогнозировать показатели численности и состава населения вне зависимости от региона, а также корректировать модель в короткие сроки в условиях турбулентности.

Список литературы и источников:

1. Замятин Н.В., Максимов В.П., Платонов Н.В., Тарасевич М.Н. Информационная нейросетевая система для интеллектуального анализа данных [Электронный ресурс]// Известия ТПУ. - Томск, №8, 2006. - С.107-112.

2. Садыкова Э.Ц., Айдаев Г.А. Применение нейроэволюционного подхода для прогнозирования социально-экономического развития территории [Электронный ресурс] // Экономическое возрождение России. – СПб., №4 (42), 2014. – С. 145 – 149.

3. Летягина Е.Н., Перова В.И., Подольская А.М. Исследование развития цифровой экономики России с использованием методов искусственного интеллекта [Электронный ресурс] // Развитие и безопасность. – Нижний Новгород, № 1, 2021. - С. 83-96.

4. Азарнова Т.В., Трещевский Ю.И., Папин С.Н. Прогнозирование параметров социально-экономического развития региона с использованием аппарата нейронных сетей (на примере ВРП Воронежской области) [Электронный ресурс] // Современная экономика: проблемы и решения. – Воронеж, № 3, 2020. - С. 8-25.

5. Регионы России. Социально-экономические показатели - 2020 г. [Электронный ресурс]// Статистический сборник. Режим доступа https://gks.ru/bgd/regl/b20_14p/Main.htm. - свободный.

СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ПУБЛИЧНО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА В ХАБАРОВСКОМ КРАЕ

*Халикова С. С.,
канд. соц. наук, доцент,
Дальневосточный институт управления- филиал РАНХиГС,
г. Хабаровск*

Аннотация. В статье представлен анализ развития публично-частного партнерства в Хабаровском крае, проанализирована отраслевая специфика, определены основные тенденции его развития,

а также предложен механизм применения офсетных контрактов для совершенствования применения механизмов публично-частного партнерства в крае.

Ключевые слова: публично-частное партнерство, государственно-частное партнерство, концессионные соглашения, Хабаровский край, офсетные контракты

В современных условиях одним из главных индикаторов экономического роста, а также фактором, влияющим на развитие региона, является эффективное функционирование общественной инфраструктуры. Одним из действующих механизмов развития общественной инфраструктуры является публично-частное партнерство (ПЧП). Развитие публично-частного партнерства является одной из приоритетных задач Правительства Хабаровского края в условиях ограниченности бюджетных ресурсов.

На конец отчетного периода 2021 года в крае – 41 действующий инвестиционный проект, из которых 10 проектов социальной сферы, 30 – жилищно-коммунальной сферы, 1 – транспортной сферы [1].

Самый крупный на стадии реализации проект публично-частного партнёрства – это концессионный проект по созданию, финансированию и эксплуатации объекта капитального строительства «Автомобильная дорога «Обход г. Хабаровска км 13 - км 42». Концессионное соглашение между Хабаровским краем и обществом с ограниченной ответственностью «Региональная концессионная компания» было подписано 12 декабря 2016 года, общей стоимостью 40 893 млн руб., из которых частным инвестором будет профинансировано порядка 25% затрат на создание объекта.

Общая сумма частных инвестиций по проектам – свыше 8 миллиардов рублей в год. Динамика объема частных инвестиций в течение 3 последних лет является положительной. Наибольший объем инвестиций отмечается в 2021 году (12,8 млрд руб.). С 2019 года объем частных инвестиций вырос на 52%.

Распределение частных инвестиций по проектам имеет неравномерный характер. Так, большая часть инвестиций направлена в проект, реализуемый в транспортной сфере на региональном уровне с объемом финансирования 7,5 миллиарда рублей. В проекты жилищно-коммунальной отрасли вложения частных инвестиций выросли с 0,5 млрд рублей в 2019 году до 5,1 млрд рублей в 2021 году. Объем частных инвестиций, привлеченных в социальную сферу, составил наименьший процент, за 3 года объём инвестиций увеличился с 0,4 млрд руб. до 1,2 млрд рублей.

Наибольшее количество проектов реализуются в форме концессионных соглашений, заключенных в соответствии с требованиями Федерального закона от 21.07.2005 № 115-ФЗ "О

концессионных соглашениях", соглашений квази-ГЧП в соответствии с нормами Федерального закона от 25.02.1999 № 39-ФЗ "Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений" и Закона Хабаровского края от 23.11.2011 № 130 "О государственной инвестиционной политике в Хабаровском крае".

Большая часть проектов ПЧП реализуется в сфере жилищно-коммунального хозяйства, причем большинство на муниципальном уровне. Это связано с большим инфраструктурным разрывом и изношенностью оборудования ЖКХ в муниципалитетах Хабаровского края. Социальные проекты ГЧП также реализуются, но в меньшем количестве, это связано с объемом этих проектов (в основном в сфере здравоохранения).

В крае наблюдается узкая направленность реализации проектов ПЧП. Из 8 возможных сфер, представленных базой проектов РОСИНФА, в Хабаровском крае получили распространены лишь 3 сферы: социальная, ЖКХ и транспортная.

На сегодняшний день в Хабаровском крае действует 10 соглашений в социальной сфере, заключенных на принципах ПЧП: Нефрологический центр в г. Комсомольске-на-Амуре; Центр амбулаторного диализа в г. Хабаровске; Туристический комплекс "Летний домик в с. Рошино"; Создание (воссоздание) здания памятника "Дом жилой (дер.), до 1915 г."; Школа на 1100 учебных мест в микрорайоне «Строитель» по ул. Сыроева в г. Хабаровске; Реконструкция функциональных помещений здания по ул. Ленина, 85 для организации культ-массовых мероприятий, отдыха и развлечения для молодежи; Реконструкция недвижимого имущества – плавательного бассейна, расположенного по адресу г. Хабаровск ул. Свердлова, 28 (здание школы МАОУ СШ № 80); Создание центра делового туризма (пр. Строителей, 17 А); Создание центра делового туризма (пр. Строителей, 11); Создание центра делового туризма (пр. Комсомольский, 42).

Общий объем привлеченных инвестиций в 2021 г. вырос на 20,9% и составил 13 522 146 тыс. руб. При этом рост количества частных инвестиций в социальной сфере составил 89,37% (895 383 тыс. руб. при 472 817, тыс. руб. в 2019 году), в сфере ЖКХ – 98,71% (5 116 765 тыс. руб. при 2 575 006 тыс. руб. в 2019 году). Более чем на 100% выросли объемы инвестиций в региональные проекты социальной сферы (в 1,08 раз), а также в региональные проекты сферы ЖКХ (в 1,28 раз). Наблюдается сокращение количества инвестиций за счет вновь начатых в 2021 г. проектов на муниципальном уровне как в социальной сфере (сокращение объемов финансирования на 45,6%), так и в сфере ЖКХ (сокращение объемов финансирования на 99,3%).

В структуре частных инвестиций наблюдается рост в 2021 г. объемов инвестирования в социальную сферу с 4,48% в 2019 г. до 6,62% в 2021 г., в сферу ЖКХ с 24,39% до 37,84%. За счет роста объемов финансирования в данных сферах происходит сокращение удельного веса инвестиций в сфере транспорта с 71,13% до 55,54%. Наибольший прирост характерен для инвестирования региональных проектов в сфере ЖКХ (на 33,94%) при этом объемы инвестиций на муниципальном уровне, несмотря на большее количество проектов (например, в сфере ЖКХ) именно на уровне муниципалитетов, удельный вес частных инвестиций в структуре инвестиций в 2021 г. по муниципальным объектам составил 5,59% в социальной сфере, 3,9% в сфере ЖКХ.

Приоритетными отраслями для привлечения инвестиций и применения ПЧП в Хабаровском крае: здравоохранение и санаторно-курортное лечение; культура, досуг, туризм и реставрация ОКН; образование; социальное обслуживание населения; физическая культура и спорт; автодорожная инфраструктура.

Приоритетные формы привлечения инвестиций: соглашение о ГЧП/МЧП (224-ФЗ); концессионное соглашение (115-ФЗ); договор аренды (безвозмездного пользования) с инвестиционными обязательствами; долгосрочные договоры с юридическими лицами с инвестиционным участием.

Институциональная основа публично-частного партнерства представляет собой совокупность следующих элементов: правовое регулирование; институты развития, регулирующие процессы реализации проектов ГЧП; политика, проводимая государством в сфере развития государственно-частного партнерства в частности и в целом в инфраструктурных отраслях.

В крае отсутствует региональный закон о ГЧП, но отдельные региональные и муниципальные нормативные правовые акты приняты; определен орган власти, ответственный за развитие ПЧП в крае в лице министерства экономического развития Хабаровского края (отдел государственно-частного партнерства). В целом, в крае институциональная среда ПЧП находится в процессе развития. Способствовать ее развитию поможет принятие плана/концепции развития публично-частного партнерства в крае, обучение должностных лиц программам по развитию ПЧП, создание специальных подведомственных учреждений, ответственных за развитие и сопровождение проектов ПЧП. Согласно данным портала «РОСИНФРА», институциональная среда в Хабаровском крае оценивается на 68,3 балла из 100, субъект находится на 19 месте [2].

Приоритетными секторами Хабаровского края для инвестиционных вложений являются:

- развитие инфраструктуры транспортной логистики;

- развитие и создание обрабатывающих производств;
- освоение месторождений полезных ископаемых;
- рыбопереработка;
- проекты по развитию сельскохозяйственного производства;
- развитие туризма и рекреации.

Данные приоритеты связаны с реализацией ключевых инвестиционных направлений (проектов), которые должны содействовать достижению стратегических приоритетов Хабаровского края.

Стоит отметить, что проекты ГЧП имеют узкую направленность реализации касательно инфраструктуры. Так, наибольшее количество проектов реализуются в сфере жилищно-коммунального хозяйства (73,1%), на втором месте проекты социальной инфраструктуры (24,3%) и один масштабный проект транспортной инфраструктуры. По остальным сферам, приоритетным для Хабаровского края в плане развития ГЧП, на протяжении нескольких лет не реализовалось ни одного проекта. Причинами отсутствия интереса у частного партнера к реализации проектов ГЧП являются как высокие риски реализации данных проектов, так и невыгодные условия для частного партнера.

В настоящее время одним из перспективных направлений развития проектов ПЧП является применения офсетных контрактов, которые позволят расширить возможности публично-частного партнерства и привлечь заинтересованных инвесторов к реализации инвестиционных проектов в крае.

Одним из вариантов применения данной формы ПЧП является разработка типовых форм концессионных соглашений на принципах офсетного контракта по приоритетным направлениям развития публично-частного партнерства в крае.

Типовые формы концессионных соглашений позволят значительно сократить сроки подготовки проекта и заключения концессионного соглашения, что будет способствовать повышению инвестиционной привлекательности проектов.

Внедрение в концессионное соглашение принципов офсетного контракта предполагает фиксирование в соглашении дополнительных условий по гарантированному долгосрочному спросу на производимую продукцию или предоставляемые услуги. При реализации данного предложения министерство экономического развития Хабаровского края будет взаимодействовать с региональными министерствами, имеющими полномочия по развитию общественной инфраструктуры, например, министерство здравоохранения Хабаровского края, министерство образования и науки Хабаровского края, министерство социальной защиты Хабаровского края, министерство спорта Хабаровского края и т.д.

Первоначально пакет документов будет включать в себя, например: типовую форму концессионного соглашения в сфере здравоохранения (объекты санаторно-курортного лечения для пенсионеров); типовую форму концессионного соглашения в сфере физической культуры и спорта (объекты спорта, расположенные на территории образовательных учреждений); типовую формы концессионного соглашения в сфере образования (организация качественного детского питания в образовательных учреждениях); типовую формы концессионного соглашения в сфере социального обслуживания населения (дома престарелых и детские дома).

Все типовые формы будут включать в себя условия по гарантированному сбыту продукции/услуг. Типовые формы будут размещены на официальном сайте министерства экономического развития Хабаровского края и на инвестиционном портале Хабаровского края. Информационное сопровождение проекта будет осуществляться через информационные каналы министерства, а также через официальные порталы: портал о ГЧП «РОСИНФРА» и портал агентства стратегических инициатив «СМАРТЕКА», что позволит привлечь максимальное количество заинтересованных инвесторов.

Список литературы и источников:

1. Аналитические материалы. Государственно-частное партнерство в крае. - Официальный сайт министерства экономического развития Хабаровского края. URL: <https://minec.khabkrai.ru/Deyatelnost/Gosudarstvenno-chastnoe-partnerstvo-v-krae/138>
2. Цифровая платформа РОСИНФА. URL.: <https://rosinfra.ru/>
3. Цифровая платформа СМАРТЕКА. URL: <https://smarteka.com>
4. Офсетный контракт как способ привлечения инвестиций. – 2018. URL: <https://ppunity.ru/blogs/Ofsetnyj-kontrakt-kak-sposob-privlecheniya-investicij>
5. Что такое офсетный контракт и в чем заключается его выгода. -2022. URL: <https://bankstoday.net/last-articles/ofsetnyy-kontrakt>.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПРОГРАММА «СОДЕЙСТВИЕ ЗАНЯТОСТИ НАСЕЛЕНИЯ» КАК ИНСТРУМЕНТ РЕГУЛИРОВАНИЯ РЫНКА ТРУДА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

*Хван И. С.,
канд. экон. наук, доцент,
Дальневосточный институт управления – филиал РАНХиГС,
г. Хабаровск*

Аннотация. В статье представлен анализ генезиса государственной программы Российской Федерации «Содействие занятости населения» в период с 2014 г. по 2022 г. Изменения рассматриваются в контексте происходящих событий в стране и мире. Сделан вывод о возможностях реализации программы в долгосрочной перспективе.

Ключевые слова: рынок труда, Государственная программа «Содействие занятости населения»

Одним из ключевых условий социально-экономического развития государства является адекватная политика по регулированию рынка труда. Сегодня, в режиме крайней неопределенности, все страны пытаются настроить свои инструменты под новые вызовы и угрозы [1, с. 79]. Россия не является здесь исключением [2, с. 35].

Государственная программа «Содействие занятости населения» является одним из инструментов регулирования рынка труда в Российской Федерации. Данная программа была принята в 2014 г.⁶³ с горизонтом планирования до 2024 г., и с тех пор неоднократно обновлялась. В первоначальной версии программы в качестве цели было заявлено: создание правовых, экономических и институциональных условий, способствующих эффективному развитию рынка труда. Данная цель разбивалась на систему задач:

- обеспечение реализации права граждан на защиту от безработицы;
- повышение эффективности регулирования процессов использования трудовых ресурсов и обеспечение защиты трудовых прав граждан;
- внедрение культуры безопасного труда.

---

⁶³ Постановление Правительства Российской Федерации №298 Об утверждении государственной программы Российской Федерации "Содействие занятости населения". Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru) от 24.04.2014 г. , ст. 0001201404240030. Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&vkart=card&nd=102349199&rdk=&backlink=1>

Ожидалось, что в результате реализации программы к 2024 г. произойдет сокращение разрыва между уровнями общей и регистрируемой безработицы с 24% в 2013 году до 30% в 2024 году; снизится удельный вес численности работников, занятых на работах с вредными и (или) опасными условиями труда, с 39% до 37,9% общей численности работников. Будет создан гибкий рынок труда, который в свою очередь приведет к социальной стабильности в обществе. В целях реализации задач программы, были приняты пять подпрограмм: "Активная политика занятости населения и социальная поддержка безработных граждан"; "Внешняя трудовая миграция"; "Развитие институтов рынка труда"; "Оказание содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом" и "Безопасный труд". Общий объем финансирования программы первоначально был заявлен в размере 927382719,5 тыс. рублей.

Несмотря на то, что в базовой версии программы нет четко выделенных этапов реализации, логика позволяет условно поделить ее на два этапа, первый с 2014 г. по 2016 г., в этот период должны быть реализованы две из пяти подпрограмм: "Внешняя трудовая миграция" и "Оказание содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом". На втором этапе к 2024 году должна быть завершена реализация оставшихся трех подпрограмм, т.е. в целом все мероприятия программы должны быть исполнены, целевые показатели достигнуты.

По данным Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации в период с 2014 г. по 2016 г. степень реализации мероприятий программы составила в среднем 100%. Финансирование программы также осуществлялось на запланированном уровне.⁶⁴ Тем не менее, закончившиеся в 2016 г. подпрограммы: "Внешняя трудовая миграция" и "Оказание содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом" были выполнены не в полном объеме. Например, в подпрограмме "Внешняя трудовая миграция" не было реализовано одно контрольное событие "Содействие развитию и реализации программ по адаптации и интеграции иностранных граждан в российское общество", а по подпрограмме "Оказание содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом" не были полностью реализованы три мероприятия: не был утвержден план мероприятий по реализации Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую

---

⁶⁴ Отчет «О ходе реализации государственной программы Российской Федерации «Содействие занятости населения» в 2016 году». Официальный сайт Министерства труда и социальной защиты населения Российской Федерации. Режим доступа: <https://mintrud.gov.ru/docs/mintrud/migration/110>

Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, на 2016-2018 годы; не были направлены для проведения совместно с МВД России инспектирования временных групп и оказания организационно-методической помощи оперативно-дипломатические сотрудники МИД России; не были опубликованы итоги мониторинга реализации Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, на официальном сайте уполномоченного федерального органа исполнительной власти.

Начиная с 2017 г., программа подвергается ежегодным корректировкам. Так, Постановлением Правительства Российской Федерации от 30 марта 2017 г. № 364 была изменена структура программы. Количество подпрограмм уменьшилось с пяти до четырех. Была упразднена подпрограмма «Безопасный труд». Этот факт отразился на целевых установках программы. Если первоначально предполагалось, что в результате ее реализации будет уменьшен удельный вес работников, занятых на работах с вредными и (или) опасными условиями труда, в общей численности работников с 39% по 37%, то в рассматриваемом варианте программы данная цель трансформировалась в «количество работников, у которых будут улучшены условия труда до 1900 тыс. чел. к 2020 г.» Отметим, что подобная формулировка звучит крайне обтекаемо и не привязана к изначальной идее повышения безопасности труда в Российской Федерации. Также ключевым изменением в программе стала смена горизонта планирования с 2024 г. на 2020 г., это соответственно повлекло за собой и снижение величины запланированных расходов на программу на 46% и составило по версии программы 2017 г. 500471948,2 тыс. руб. В 2018 г. Постановлением Правительства Российской Федерации от 30 марта 2018 г. № 363 подпрограмма «Безопасный труд» была возвращена, также были восстановлены и хронологические рамки программы с 2014 г. по 2024 г. Однако, плановая величина финансирования программы вновь сократилась до 496272415,5 тыс. руб. Важно также отметить, что при снижении плановых расходов происходит корректировка целевых индикаторов программы наоборот в сторону увеличения. Так, если изначально планировалось сократить разрыв между численностью зарегистрированных безработных и численностью безработных, рассчитанных по методологии МОТ, к 2024 г. до 30%, то в версии программы 2018 г. этот индикатор повысился до 42%. Тем самым государство подчеркивает важность и необходимость работы с безработными гражданами именно через систему центров занятости населения. При этом работа центров занятости населения активно переформируется. С 2019 г. в рамках реализации программы в 16 регионах России запускаются пилотные проекты по открытию центров занятости нового образца. Они становятся государственными кадровыми агентствами, предоставляющими своим клиентам пакет взаимосвязанных

услуг, в соответствии с жизненной или бизнес-ситуацией. Работа центров занятости нового формата подкрепляется активной модернизацией портала «Работа в России», который к 2020 г. становится государственным аналогом онлайн сервисов HeadHunter или SuperJob. Модернизация происходит путем интеграции платформы по поиску работы с электронным документооборотом при трудовых отношениях. Этот большой проект государства должен в конечном итоге позволить Минтруду контролировать, в том числе, движение рабочей силы в стране.

Согласно отчетам Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации по реализации государственной программы «Содействие занятости» за 2021 год все целевые индикаторы программы выполнены в полном объеме и даже с превышением планового показателя. Так, если уровень безработицы по плану предполагалось удержать на уровне 5,2%, то фактически показатель составил 4,8%; план и факт уровня регистрируемой безработицы соотносился 2,1% и 1,8% соответственно; отношение численности безработных граждан, зарегистрированных в органах службы занятости, к общей численности безработных в соответствии с методологией Международной организации труда 27% к 36% и, наконец, удельный вес работников, занятых на работах с вредными и (или) опасными условиями труда, в общей численности работников по факту составил 36,4% против 38,2 % по плану. Однако при детальном анализе выполнения программы в разрезе подпрограмм выявлено, что часть значимых показателей не была выполнена, а часть показателей была просто исключена. Например, такой показатель как «Отношение численности граждан, снятых с регистрационного учета в связи с трудоустройством, к общей численности граждан, обратившихся в органы службы занятости населения за содействием в поиске подходящей работы» был выполнен на уровне 55%, против планируемых 70%. К тому же стоит отметить, что наибольшие проблемы по достижению данного целевого индикатора испытали так называемые приоритетные территории,⁶⁵ в восьми из 9 приоритетных территорий данный показатель не был выполнен. В качестве примера исключенного показателя можно привести «Количество субъектов Российской Федерации – участников федерального проекта "Содействие занятости" национального проекта "Демография", в которых реализуются или реализованы проекты по модернизации центров занятости населения» или «Доля работодателей -

---

⁶⁵ Согласно государственной программе «Содействие занятости населения» к приоритетным территориям относятся 9 субъектов Российской Федерации: Республика Карелия, Республика Коми, Архангельская область, Мурманская область, Ненецкий автономный округ (Архангельская область), Ямало-Ненецкий автономный округ (Тюменская область), Красноярский край, Республика Саха (Якутия), Чукотский автономный округ.

получателей услуг центров занятости населения, в которых реализованы проекты по модернизации, удовлетворенных полученными услугами».

2022 год ознаменовался полной перенастройкой программы. Изменилась конструкция, генеральная цель, хронологические рамки программы. Все эти изменения были закреплены Постановлением Правительства Российской Федерации от 22.09.2021 № 1603 и вступили в силу с 1 января 2022 г. В преамбуле к программе дается оценка текущего состояния рынка труда в Российской Федерации, отмечается, что разработанные государством меры по поддержке граждан и бизнеса в условиях ухудшения макроэкономической ситуации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19), позволили замедлить высвобождение рабочей силы и поддержать доходы населения в 2020-2021 гг.

Обновленная программа содержит две основные цели:

- не превышение к 2030 году значения уровня регистрируемой безработицы более 1 %;

- создание условий для формирования культуры безопасного труда и повышение эффективности мер, направленных на сохранение жизни и здоровья работников в процессе трудовой деятельности.

В обновленной программе большое внимание уделено задачам реализации программы, определенным в соответствии с национальными целями развития Российской Федерации. Например, говорится, что программа будет оказывать опосредованное влияние на достижение целевого показателя "Снижение уровня бедности в 2 раза по сравнению с показателем 2017 года" национальной цели развития Российской Федерации "Сохранение населения, здоровье и благополучие людей" путем осуществления социальных выплат безработным гражданам в соответствии с Законом Российской Федерации "О занятости населения в Российской Федерации" и мероприятия по установлению минимального размера оплаты труда. Подобным же образом в программе даются разъяснения о влиянии мероприятий программы на достижение целевого показателя "Увеличение доли массовых социально значимых услуг, доступных в электронном виде, до 95%" национальной цели развития Российской Федерации "Цифровая трансформация". Также в обновленной программе уделено внимание вопросу обеспечения достижения показателей социально-экономического развития субъектов Российской Федерации, входящих в состав приоритетных территорий, уровень которых должен быть выше среднего уровня по Российской Федерации. Отмечается, что субсидии регионам будут предоставляться на заявительной основе на повышение эффективности центров занятости населения и содействие работодателям в привлечении трудовых ресурсов в рамках реализации региональных программ повышения мобильности трудовых ресурсов.

Следует отметить, что в обновленной программе, несмотря на преамбулу, не демонстрируются новые подходы и инструменты регулирования рынка труда. Хотя понятно, что ситуация последних лет доказывает их необходимость. В 2020 - 2021 гг. новая коронавирусная инфекция (COVID-19) привела к повсеместной остановке и/или переводу многих производств в удаленный формат работы. 2022 год усугубил проблемы в экономике Российской Федерации и соответственно на рынке труда начатой 24 февраля 2022 года специальной военной операцией. По оценкам экспертов несмотря на некоторое восстановление экономики, начавшееся в 2021 году, многие показатели на рынке труда так и не смогли вернуться к допандемийным значениям.⁶⁶ В 2022 году многие работодатели и вовсе отложили кадровые проекты на неопределенный срок.⁶⁷

Таким образом, анализ показал, что государственная программа «Содействие занятости населения» как инструмент государственной политики по регулированию рынка труда подвергается постоянной корректировке, которые частично позволяют «настраивать» ее под возникающие вызовы, угрозы. Лаконичность последнего варианта программы наталкивает на мысль об отсутствии ясных представлений о долгосрочных приоритетах в этой сфере.

Список литературы и источников:

1. Абдулманапов С. Г., Меджидов З. У. Вопросы нивелирования безработицы в современных условиях: ответная реакция государств // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2021. Т. 6. № 1. С. 78–85. DOI: <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-1-78-85>
2. Кашепов А.В., Афонина К.В., Головачев Н.В. Рынок труда РФ в 2020-2021 гг.: безработица и структурные изменения // Социально-трудовые исследования. 2021. №43(2). С. 33-44. DOI: 10.34022/2658-3712-2021-43-2-33-44

---

⁶⁶ Табах А., Подругина А. Трудное время для рынка труда. Сайт Эксперт РА. Режим доступа: https://www.raexpert.ru/researches/labor_market_2022/

⁶⁷ Дегтярева Е. Рынок труда в 2022 году: полет в режиме турбулентности — интервью. Сайт РБК. Режим доступа: <https://nsk.rbc.ru/nsk/12/08/2022/62f5bd7e9a794711c1e375f8>

Научное издание

**Экономика Дальнего Востока: новые возможности в
меняющемся мире**

научно-практическая конференция

(15–16 декабря 2022 г.)

Подписано в печать 14.11.2022.
Формат 60 × 84 1/16. Бумага А-4.
Усл. печ. л. 14,4. Уч.-изд. л. 16,8.
Тираж 500. Заказ 11.

Редакционно-издательский отдел Дальневосточного института
управления – филиала РАНХиГС.
680000, Хабаровск, ул. Муравьева-Амурского, 33.